

Е. И. КЫЧАНОВ

АБАХАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страны и народы»

Е. И. КЫЧАНОВ

АБАХАЙ

Ответственный редактор
д-р ист. наук В. Е. Ларичев

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Кычанов Е. И. Абахай.— Новосибирск: Наука, 1986.

Книга посвящена истории маньчжуров и деятельности первого маньчжурского императора Абахая. В ней рассказывается о формировании маньчжурского государства и распространении власти Цинской империи на северные области Китая.

Для широкого круга читателей.

Рецензенты *М. П. Волкова, В. С. Мясников,*
Ю. С. Худяков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные Дунбэй, провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, восточные районы автономного района Внутренняя Монголия — огромный регион северо-востока Китайской Народной Республики — некогда составлял территорию Маньчжурии. Она тянулась от южных берегов Амура на севере до Ляодунского залива и Великой китайской стены на юге, от Уссури и Ялуцзяна на востоке до монгольских степей на западе. Здесь высокие горы — Большой и Малый Хинган, Чанбайшань, полноводные реки — Ноппи, Сунгари, Ляохэ, таежные леса, где деревья и кустарники южных зон соседствуют с растительностью северной тайги. Край этот издавна богат зверем, рыбой, в южной своей части удобен для земледелия. Маньчжурия — многовековая родина тунгусо-маньчжурских народов, тысячелетия назад создавших свою самобытную цивилизацию охотников, пастухов и земледельцев. Здесь существовали сильные самостоятельные государства Фуюй (I век до новой эры — V век новой эры)¹, Бохай (698—926)², Цзинь (1115—1234)³. В XVI веке из среды обитателей Маньчжурии, обобщенно именовавшихся чжурчжэнями, выделились маньчжуры. Чжурчжэньские племена, составившие ядро народности, позже стали называться маньчжурами. Они жили в долине Хэтуала в бассейне верхнего течения реки Суксухэ (Суцзыхэ), левого притока реки Хуньхэ, к востоку от современного крупного города Дунбэя Фушунь, провинция Ляонин⁴. Объединенные в конце XVI века правителем Нурхади (1559—1626), маньчжуры начали расширять владения, подчиняя соседних чжурчжэней, и создали свое государство. Под властью чжурчжэньских племен, которые консолидировались в маньчжурскую народность, оказались многие тунгусо-маньчжурские племена —

предки современных гольдов, ороченов, солонов, нанайцев. В первой половине XVII века маньчжуры сознательно опустошали области Северной Маньчжурии (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь), уводя в плен жителей этих районов, родственных им в языковом и этническом отношении, с тем чтобы пополнять свою армию и население своего государства. По переписи 1983 года, в КНР насчитывается более четырех миллионов маньчжуров.

Данная работа продолжает серию жизнеописаний известных исторических деятелей Центральной Азии, в которой вышли книги о Чингисхане⁵ и ойратском Галдапе Бошокту-хане⁶, о тибетском поэте и государственном деятеле Шестом Далай-ламе Цапъян Джамцо⁷. Она посвящена истории маньчжуров и деятельности первого маньчжурского императора Абахая.

Абахай (1591—1643), именуемый в источниках часто Хуантайцзи, или Четвертый бэйлэ (Четвертый князь), был восьмым сыном основоположника маньчжурской династии Нурхацы. В 1636 году он стал первым императором династии Цин, которая с 1644 по 1911 год правила Китаем. Жизнь Абахая связана с основным периодом становления маньчжурского государства, почти до того самого момента, когда часть представителей китайского правящего класса во главе с У Саньгуем, будучи не в силах совладать с мощным крестьянским восстанием под руководством Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна, открыла границу и пустила маньчжуров в Китай, предпочтя иноземную династию победе восставших.

В книге рассказывается о происхождении маньчжуров и о сложении маньчжурской народности, о развитии маньчжурского государства, о войнах, которые вели маньчжуры при Абахае с Китаем, Кореей, монголами-чахарами, и окончательном формировании маньчжурского государства в период правления Абахая. Все основные события в книге документированы. Основным источником послужило сочинение «Кай го фан люе» — «Замыслы и способы создания государства», составленное Агуем (скорее всего, под его руководством) в годы правления цинского императора Цяньлуна (1736—1796). Соответствие же материалов «Кай го фан люе» маньчжурским первоисточникам подтверждается недавней публикацией последних в Японии в многотомной серии «Мань вэнь лао дан». В книге нет придуманных событий, а также сцен, противоречащих исторической правде. Как правило, не сочинены ав-

тором и диалоги: они в некоторой литературной обработке передают то, что на основании более ранних материалов было включено Агуем в текст «Кай го фан люе». При описании незначительных событий, образа жизни маньчжуров автор позволил себе прибегнуть к художественному вымыслу. Но и в этих случаях он опирался на известные науке сведения об обычаях и обрядах маньчжуров.

Первые сведения о занятии маньчжурами Пекина и последующем завоевании ими Китая были получены русскими в результате миссии Ф. И. Байкова в 1654—1657 годах. Ф. И. Байков сообщил, что «в Китайском царстве в Канбалыке царь богда мунгальского рода. А прежде того был царь китайского рода. <...> А и как де одолели мунгалцы Китайское царство и тому де всего только тринадцать лет»⁸. Таким образом, сведения о смене династии Мин на маньчжурскую династию Цин были даны с точным указанием даты этого события: за тринадцать лет до 1657 года, т. е. в 1644 году, вскоре после смерти Абахая. Полагают, что маньчжуры знали о России от монголов еще до овладения Пекином⁹. Маньчжурское нападение на русскую крепость в Приамурье Албазин и Церчинский договор 1689 года¹⁰, последующая маньчжурская политика в Центральной Азии определили одно из важнейших направлений всего русского китаеведения XVIII—XIX веков — изучение истории народов, населявших этот регион. Знакомство с историей маньчжуров и историей возникновения их государства было начато переводом на русский язык сводного труда «Ба цит тун чжи чу цзи» — «Первоначальное издание всеобщего описания восьми знамен», опубликованного в цинском Китае в 1739 году. Перевод был выполнен первыми российскими китаеводами И. К. Россохиным и А. Л. Леонтьевым по распоряжению Правительствующего сената от 1756 года¹¹. Ценным вкладом в исследование ранней истории маньчжуров явились труды безвременно скончавшегося во время учебы в Пекине молодого китаевода В. В. Горского¹². Все отечественные китаеведы XVIII века и большинство русских китаеведов XIX века были в той или иной мере маньчжуроведами. Они знали маньчжурский язык, являвшийся наряду с китайским государственным языком империи Цин, и читали написанные на нем книги. Постепенно маньчжуроведение выделилось в самостоятельную отрасль востоковедной науки. В этой связи необходимо упомянуть имена И. И. Захарова, составителя «Полного

маньчжурско-русского словаря» [Спб., 1875], знатока маньчжурской литературы В. Л. Котвича, наконец, собирателя памятников маньчжурской письменности А. В. Гребенщикова. В последние годы большой вклад в изучение ранней истории маньчжуров внесли Г. В. Мелихов¹³ и В. С. Мясников¹⁴.

Автор надеется, что его научно-популярная книга вызовет интерес читателей к ранней истории маньчжуров. Книга об Абахае является тематическим продолжением работы о Нурхаци, написанной В. С. Кузнецовым и изданной в этой же серии. Знакомство с обеими книгами даст широкому кругу читателей довольно полное представление о Маньчжурии и маньчжурах конца XVI — первой половины XVII века, о двух исторических деятелях маньчжурского народа — Нурхаци и Абахае.

* *
*

Данная книга уже была в печати, когда появилась статья итальянского маньчжуроведа Джиованни Стари «Маньчжурский император „Абахай“». Анализ исторической ошибки». Вслед за некоторыми китайскими и японскими учеными Дж. Стари полагает, что имя второго маньчжурского государя Абахай, под которым он широко известен в европейской исторической литературе, не находит подтверждения ни в маньчжурских, ни в китайских, ни в корейских первоисточниках. По мнению Дж. Стари, подлинным именем цинского императора Тай-цзуна было Хун Тайцзи, а имя Абахай появилось в результате неверного понимания упоминаемого в монгольских и маньчжурских источниках маньчжурского девиза царствования Хун Тайцзи «Абкай сурэ» (китайское Тянь-цун). Первая часть этого словосочетания была принята за личное имя императора. В книге мы придерживаемся традиционной точки зрения.

Глава первая

АЙСИНЬ ГИОРО — ЗОЛОТОЙ РОД

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.

Б. Пастернак

В 1840 году в Пекин была послана Двенадцатая Русская духовная миссия. Среди ее студентов был Владимир Васильевич Горский (1819—1847), студент Петербургской духовной академии. Он добровольно отправился в Китай для изучения восточных языков — китайского, маньчжурского, тибетского и монгольского.

...Пекин переживал сезон фютянь — время влажной, тяжелой июльско-августовской жары. Владимир вытер потное худое лицо с нездоровым румянцем на щеках нечистым и влажным полотенцем и хлебнул теплой неосвежавшей воды из китайской пиалы — ваньцзы. Эх, кваску бы сейчас! Да откуда он, тут, в Пекине, квас? На Башне большого барабана пробили очередную стражу. Девятый час по-нашему. В Петербурге еще светлый день, а здесь без свечи уже работать нельзя. Юноша высек огонь и от фитиля зажег свечу. Прежде чем снова сесть за стол, он поднял ее и осветил углы. На стенах, под потолком, там и сям, сидели группами комары. Опять, проклятые, не дадут ночью спать! Закрыться нельзя — духотища, а откроешься, жрут, как собаки. Горский очинил перо, придвинул к себе книгу крупной китайской печати и стал переводить легенду «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин». Описать «Начало и первые дела маньчжурского дома», открыть отечеству своему и прочим интересующимся народам, кто такие маньчжуры и как они покорили Китай, — вот та задача,

которую ему предстояло решить теперь, когда после нескольких лет не просто упорного, а поистине каторжного труда ему стали понятны и доступны исторические сочинения династии, писанные на китайском и маньчжурском языках.

Владимир еще раз обтер влажное лицо, бросил полотенце на лавку, встал, привычно, повернувшись лицом в передний угол, перекрестился на скорбный лик богоматери, тускло освещенный лампадой (не забыть бы маслица подлить на ночь), снова сел к столу, обмакнул гусиное перо в чернила и четко написал заглавие: «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу». «К востоку от гор Чанбайшань, — писал он, — имеется гора Букули (Букури). У ее подножия прокутилось небольшое озерцо, называемое Булахули (Булхури). Говорят, что как-то три небесные девы, старшую звали Эньгулунь, среднюю — Чжэньгулунь, младшую — Фэгулунь, купались в этом озерце. Священная сорока, которая держала во рту красный плод, положила его на одежду младшей девушки. Девушка взяла этот плод в рот и нечаянно проглотила. Вскоре она забеременела и сообщила об этом Эньгулунь и Чжэньгулунь: „Тело мое стало тяжелым, и я не могу взлететь, как мне быть?“ [Сестры] ответили: „Мы занесены в списки бессмертных. Ни о чем не беспокойся. Беременность дарована тебе Небом. Жди, разрешение от бремени придет без опоздания!“ Сказали и оставили ее. Вскоре младшая сестра родила мальчика. Только что родившись, он уже умел говорить, наружности он был необыкновенной и быстро вырос. Мать сообщила ему, что причиной ее беременности явилось то, что она проглотила красный плод. А затем она дала ему наставление, сказав: «Твоя фамилия Айсинь Гиоро, имя твое — Букули Юншунь (Букури Ионшунь) — „Букури-Миротворец“, „Букури, стремящийся к установлению согласия“. Небо породило тебя, чтобы прекратить беспорядки в государстве. Прибыв к ним, управляй ими. Следуй по течению реки, и ты придешь как раз в их земли!» Дала ему небольшую лодку и посадила в нее. Затем мать поднялась в воздух и исчезла. Лодка поплыла по течению и доплыла до Хэбу (переправы?). Тогда [мальчик] поднялся на берег, наломал ивы, нарвал полыни, и сделал себе сиденье, и сел на него. В это время в тех землях три рода (сань син) боролись за старшинство, ежедневно они затевали сражения и

истребляли друг друга, и смуты никак не прекращались. Раз кто-то брал воду у Хэбу (переправы?), увидел [мальчика] и удивился ему. Он вернулся и сказал прочим людям: „Не сражайтесь! Я брал воду у Хэбу и обнаружил мальчика. Подробно рассмотрел его наружность. Это необычный человек! Небо не напрасно рождает таких людей!“. Люди пошли посмотреть на него, и все согласились, что он — необыкновенный. Потом спросили: „Откуда ты пришел?“. Он ответил: „Я — Небесный мальчик, рожденный Небесной девой. Небо породило меня, чтобы прекратить среди Вас беспорядки!“ — и при этом сообщил им свою фамилию и имя: Айсинь Гиоро Букури Ионшунь. Все сказали: „Это мудрец, рожденный Небом. Нельзя принуждать его идти пешком!“ Затем скрестили руки, и образовали носилки, и с возгласами приветствия доставили домой. Три раза собирали совет и объявили: „Почему бы нам не прекратить вражду? Сделаем-ка этого человека государем!“ Тогда женили его на дочерях и поднесли ему [титул] бэйлэ (князя). И тотчас беспорядки у них прекратились. Затем [он] жил в городе Одоли к северу от гор Чанбайшань. Государство было названо Маньчжу¹».

Слово «маньчжу», по мнению видного русского маньчжуроведа А. В. Гребенщикова, имело значение «чистый», «безупречный»². У него же мы встречаем запись, что «манджу» — сокращенная форма монгольского «восхитительное счастье», «удача»³.

Юго-западные склоны плоскогорья Чанбайшань, по маньчжурски Шаньян-Алинь, и долины подле них были родиной маньчжурского народа. Легенды часто опираются на реалии. И сейчас на вершине самой высокой (2750 м) из гор Чанбайшань — гора Байтоушань (Белоголовая), в ее кратере сверкает озеро Тяньчи (Небесный водоем), достигающее 40 км в окружности, в котором, по преданию, купались Небесные девы. Еще в начале нашего столетия эта гора почиталась священной у окрестного населения Южной Маньчжурии⁴. Гора Байтоушань — Пектусан — также является священной горой и для корейцев.

От горы Байтоушань к северу и северо-западу берут начало истоки реки Сунгари, к северо-востоку — Тунмыньцзяна и к югу — Ялуцзяна. Чанбайшанем именуется могучий хребет, идущий к западу от горы Байтоушань. Отрог этого хребта — Лаолин — служит водоразделом реки Ялуцзян и ее притока реки Хуньцзян. Здесь произрас-

тают мощные леса из кедра, ели, пихты. Долины покрыты чудесными лиственными лесами, заполняющими и южные склоны гор. Дуб (здесь отмечено до шести видов этого дерева), маньчжурская яблоня, ильм, жужуб, зельковы, японская ольха, шиповник, шелковица образуют лесные массивы и заросли кустарников, в которых до недавнего времени бродили пятнистые олени, кабарга, кабаны, козули, тигры, пантеры, медведи, красные волки, соболь, куница, еноты. Горные речки и реки изобиловали рыбой. «Становой хребет,— читаем в записках путешественника, прошедшего здесь с экспедицией в 1902 году,— и все его отроги покрыты густым почти девственным лесом, вся местность имеет весьма дикий вид и проходима лишь по очень плохим вьючным тропам <...> Вершины хребта имеют преимущественно коническую форму, иногда с эллипсообразным основанием. Они разбросаны по хребту то отдельными сопками, то тянутся целыми группами, соединяясь высокими седловинами. Очертания этих гор весьма разнообразны и красивы»⁵.

Центральную и Южную Маньчжурию издревле населяли тунгусо-маньчжурские племена, которые с IX века были известны как чжурчжэни. В XII—XIII веках здесь существовало могущественное государство чжурчжэней Цзинь (Золотое), уничтоженное в 1234 году монголами. После падения монгольской династии Юань (1280—1367) китайские императоры династии Мин (1368—1644) раздавали должности и титулы местным чжурчжэньским правителям.

Чжурчжэни минской эпохи не забывали о своих великих предках. По свидетельству минского автора Тянь Жучэна, цзяньчжоуские чжурчжэни, непосредственные предки маньчжуров, считали себя потомками правящего бохайского рода Да (государство Бохай существовало на территории Центральной Маньчжурии и южной части Приморья в VIII—X веках), а сунгарийские чжурчжэни — потомками правящего рода династии Цзинь — Ваньянь⁶.

Предание гласит, что потомки рожденного чудесным образом Айсинь Гиоро Букули Ионшунь, предка маньчжурской династии, в течение нескольких поколений успешно правили городом Одоли. Это продолжалось до тех пор пока народ не восстал против одного из правителей. Вся царская семья была перебита. Лишь младшему (в сказках всегда везет младшим) сыну убитого правителя — Фаньча — удалось бежать. За ним гнались. Но волшебная

сорока, явная покровительница будущей династии, усе-
лась на голову Фаньча, и преследователи, приняв его за
гнилое дерево, прекратили погоню. Потомки Фаньча на-
всегда остались благодарны сорокам за спасение своего
предка. Один из них — Мэншу — добился восстановления
могущества своего рода. Более сорока потомков врагов
его предков он заманил в местность Хэтуала под город
Хуланьхада и половину из них убил, половину оставил
в живых, чтобы с их помощью вернуть свои прежние вла-
дения. С этого началось возвышение предков основателя
маньчжурской династии хана Нурхацы.

Гиоро по-маньчжурски значит «семья», «род». Айсинь
Гиоро — «Золотой род», «Золотая Орда»⁷. Древние члены
этого клана считались «краснопоясными» правителями в
отличие от «желтопоясных», своих потомков, царствовав-
ших уже в Пекине.

Истинное, не легендарное появление фамилии мань-
чжурского правящего рода Айсинь Гиоро представляется
довольно туманно. В китайских и корейских хрониках
XV—XVI веков нет сведений о том, что фамилия предков
Нурхацы была Айсинь. Наоборот, совершенно очевидно,
что фамилия предков основателя династии и самого Нур-
хацы была Тун. В 1596 году в документе, переданном
корейскому послу, Нурхацы подписался: «Тун Нурхацы,
государь иноземцев, подчиняющихся Цзяньчжоускому ка-
раулу государства чжурчжэней». В 1605 году в письме в
Корею он подписался: «Тун, ван (князь) Цзяньчжоу и
других земель». Нурхацы считался (и это естественно)
чжурчжэнем и не выделял себя из чжурчжэньской среды.
Под 1613 годом известен его титул по-маньчжурски: «Нюй-
чжи маньчжу гуруни сурэ кундулэн хан» — «мудрый, бла-
гочестивый хан чжурчжэньского маньчжурского государ-
ства»⁸.

Как показал проф. Чэнь Цзэсянь, фамилия Тун была
широко распространена среди чжурчжэней⁹. Он считает,
что маньчжурские ханы приняли фамилию Айсинь в знак
притязания на родство с династией Цзинь. Слово же «ги-
оро», как доказывает Чэнь Цзэсянь, вообще не имеет со-
бирательного значения «род», «фамилия», это просто одна
из древних маньчжурских фамилий. Гиоро, по мнению
этого исследователя, и есть старая исконно маньчжурская
(чжурчжэньская) фамилия правящего маньчжурского до-
ма, происходящая от названия местности, к которой позд-
нее добавили слово Айсинь¹⁰ (например, фамилию Гиоро

Нурхаци пожаловал подчинившемуся ему Дархану Хураху¹¹).

Очень возможно, что словосочетание Айсинь Гиоро, наделенное глубоким подтекстом, было творением ума и рук как раз императора маньчжурской династии Абахая (Тайцзуна). До того как получить свое окончательное наименование Цин (Чистое) (сравни «маньчжу» — «чистый»), государство маньчжуров именовалось Цзяньчжоу го, Цзинь и Хоу Цзинь. В обращении к минскому двору Нурхаци именовал себя в начале «Цзяньчжоу го хань» — «хан государства Цзяньчжоу», а в обращении к корейскому двору, намекая на реставрацию бывшего чжурчжэньского величия, называл свое государство Хоу Цзинь — Поздняя (вторая) Цзинь. Внутри своих владений он именовал свое государство Да Цзинь — Великая Цзинь и, воскрешая традицию XII—XIII веков, называл Китай Нань Чао (южный двор)¹². Абахай во время одного из походов в Китай, проезжая мимо могил чжурчжэньских императоров династии Цзинь, сказал: «Это мои предшественники, цзиньские императоры». После этого он объявил название династии Цзинь табуированным и в 1636 году назвал свою династию Цин. До этого, в 1634 году, Абахай запретил своим подданным именоваться чжурчжэнями: «В моем государстве раньше имелись наименования маньчжу, хада, ула, ехэ, хойфу и др. Незнающие этого люди часто зовутся чжушэнь (чжурчжэнями). Чжушэнь — потомки северо-западного Чжаолюэгань' и не имеют ко мне никакого отношения. Впредь всем людям разрешается называть мое государство только Маньчжу, а его люди, приписанные к бэйлэ каждого знамени, не должны называться семьями чжушэнь бэйлэ такого-то знамени»¹³. Как видим, отношение Абахая к цзиньско-чжурчжэньскому наследству было неоднозначным.

Происхождение этнонима «маньчжуры (маньчжу)» представляется столь же нечетко, как и фамилии правящей династии Цин — Айсинь Гиоро. Как считают многие авторы, его ввел Абахай, а происходит оно от имени буддийского божества бодхисатвы Маньчжушри. Есть мнение, что «маньчжу» в древности было одним из почетных титулов чжурчжэньских правителей из Цзяньчжоу, но, кроме единственного из чжурчжэньских предводителей — Ли Маньчжу, других примеров этому привести нельзя. Айсинь еще с большой долей вероятности может быть принята за самостоятельную фамилию чжурчжэней, встре-

чающуюся уже в «Цзинь ши» («Истории династии Цзинь») в форме «Айшэнь» в числе восьмидесяти четырех так называемых «белых» (знатных) чжурчжэньских фамилий. Прямая связь между Айсинь — Айшэнь и, соответственно, чжурчжэнями Цзинь и маньчжурскими правителями допустима, хотя Абахай и «не настаивал» на этом. В 1630 году он писал императору Мин: «Ты, минский государь, не являешься потомком династии Сун, а я не являюсь потомком династии Цзинь»¹⁴. Со словом «маньчжу» все обстоит сложнее.

Советский маньчжуровед М. П. Волкова склонна думать, что «маньчжу» — этноним древнего происхождения. Он восходит к слову «сушэнь», названию древних племен на территории Маньчжурии, которое видоизменилось в «чжусэнь» (чжурчжэнь). «...В момент первого объединения чжурчжэньских цзяньчжоуских племен (время существования Одоли), — отмечает исследовательница, — перед „чжусэнь“ было поставлено слово „мань“ — „полный“, т. е. „мань чжусэнь“. От последнего словосочетания впоследствии осталось сочетание „маньчжу“, которое в дальнейшем было изменено на китайский лад „маньчжоу“»¹⁵.

В. В. Горский полагал, что маньчжу «было только именем господствующего рода и, следовательно, аймак и государство получили себе такое название именно потому, что основатель усилившейся фамилии сам носил прозвание Маньчжу». Само слово, по мнению В. В. Горского, произошло от древнего тунгусо-маньчжурского титула «маньчу» в значении: «старшина», «глава аймака», «начальник»¹⁶. Теория В. В. Горского заманчива: «маньчжуры» — это «господствующий», «правлящий» народ, но ей недостает строго филологической, да и исторической, аргументации.

Таким образом, исследователи сходятся на том, что во всяком случае в объяснениях и переписке с соседями предки Абахая пользовались фамилией Тун. Вероятно, среди цзяньчжоуских чжурчжэней была распространена и фамилия Айсинь. Допустимо также, что фамилия Гиоро достаточно широко употреблялась как самостоятельная. Детально исследовавший этот вопрос Чжу Сицзу приходит к такому выводу: «Цзяньчжоуский левый караул со времен своих предков постоянно использовал в сношениях с Китаем фамилию Тун, это совершенно очевидно. Фамилия же Айсинь фактически была создана заново цинским Тай-цзуном»¹⁷.

... 6 июня 1635 года Абахай праздновал возвращение

из похода на слонов своих полководцев Бакираня и Самшика. Стоял теплый июньский день. Двери павильона, в котором шло пиршество, были широко открыты. Полководцы, потные, раскрасневшиеся от вина и обильной еды, расстегнув халаты, то и дело смахивали с лица крупные капли пота.

— Встань, Бакирань, и еще раз скажи нам, что ты привез с севера?

Бакирань встал и, глядя на хана, торжественно провозгласил:

— Мы привели взрослых мужчин две тысячи четырехста восемьдесят три человека, всего семь тысяч триста два человека, лошадей восемьсот пятьдесят шесть, быков и коров пятьсот сорок три, мехов собольих и прочих привезено три тысячи четырехста сорок шкур.

— А ты, Самшика, выполнял ли и ты мой наказ?

— Да, великий хан! Я помнил, что язык парода тех мест схож с нашим, и увещевал пленных идти с нами без страха: «Некогда ваши предки жили с нами в одном государстве, это ясно записано в исторических записях! Вы не знали этого, а наш государь послал нас за вами и призывает вас к себе!»

— Ты правильно передавал мои слова.

Абахай обратил свой взор к кучке пленных, робко сидевших с краю.

— Слушай, Муксике! — Крепкий мужчина сорока примерно лет вздрогнул и со страхом глянул на хана. Он еще не понимал, чего хотят от них, силой взятых в плен, увезенных от родных разоренных жилищ, эти маньчжуры, которые так набиваются в родство.

— Слушай же, Муксике! И вы слушайте, а ты, бичеки, пиши. Мы, маньчжуры, мой дед и мой отец из поколения в поколение жили у горной гряды Букури на озере Булхури. В наших местах не было ни книг, ни записей, поэтому о древнем своем происхождении мы передавали изустно из рода в род. Однажды пришли искупаться на озеро Булхури три небесные девы — Энгунунь, Чжэньгулунь и Фэкулунь. В то время прилетела святая сорока и принесла в подарок красный плод, который отдала младшей деве Фэкулунь. Она взяла в рот этот плод, проглотила его и забеременела. Потом родила Букури Ионшуня. От этого родича и пошло маньчжурское государство. Окружность озера Булхури сто ба, от реки Сахалань оно находится в ста двадцати — ста тридцати ба.

Потом... откочевали от озера Булхури и поселились у реки Сахалып, в прекрасном и знаменитом месте! Знайте же это!¹⁸

«Что-то не помним мы вас», — подумал Муксике, но вслух сказал:

— Слова великого хана справедливы!

Пленные мужичпы были распределены во вновь созданные роты (ниру), прочих по двести человек роздали в каждую ниру без занесения в списки.

Рассказанная легенда была сочинена или подработана соответствующим образом Абахаем. Однако вряд ли она могла быть вся построена на вымысле. Эта легенда имеет очевидное сходство с преданием о происхождении ойрат племени чорос, в котором упоминаются гора, на ее вершине озеро, купающиеся небесные девы, одна из них понесла от охотника¹⁹. И это неудивительно, ибо наука все больше склоняется к выводу об исходе предков монголов и ойратов из западных и северных районов Маньчжурии где-то в X веке. Наконец, предание, близкое записанному в маньчжурских хрониках, было известно в Маньчжурии. Американский исследователь этого региона Оуэн Латтимор записал ее у гольдов: мать будущего основателя династии Танханье, предчувствуя, что будет убита врагом, который убил и ее мужа, положила ребенка в берестяную колыбель и пустила ее по течению Уссури, сказав: «Я не могу вырастить тебя, но, если судьбе будет угодно, может быть, кто-нибудь защитит тебя, и ты позднее отомстишь за своего отца». Колыбель доплыла до впадения Уссури в Амур. Как раз в это время три гольдских рода, жившие в Саньсине, спустились ловить рыбу в устье Уссури, к Саньцзякоу. Они нашли колыбель, привезли Танханье в Саньсин. Когда он вырос, то вернулся за матерью, а после пошел войной на врагов отца.

До недавнего времени и среди маньчжуров бытовала устная легенда, обыденнее официальной. Девушка пошла в лес на гору Чанбайшань. В лесу она ела землянику и от этого забеременела. Когда родился ребенок, она положила его в колыбель и пустила по Сунгари. Ребенок доплыл до Саньсина, где люди трех родов боролись за власть. Увидев ребенка, они перестали сражаться, достали его из колыбели и сказали: «Он будет нашим ханом!» Устные маньчжурские предания именуют ребенка Танханье. Когда Танханье вырос, Никан Вайлан узнал, что он от рождения имеет знаки, свидетельствующие о его

великом будущем. Было приказано казнить Танханье, но он бежал и после долгих скитаний основал государство, которое позднее стало маньчжурской империей²⁰.

В принципе и гольдская, и устная маньчжурская версии могли возникнуть под влиянием официальной письменной легенды, но устное бытование вариантов, в частности в гольдской среде, дает возможность предполагать, что они были известны Абахая и послужили основанием для утверждения им божественного происхождения своих предков.

История предков маньчжуров была связана с Цзяньчжоуским левым караулом, основанным в 1412 году. Родословная Абахая и его отца Нурхацци неслучайно прямо привязана к легенде. Мэншу, убивший двадцать своих врагов, потомок незадачливого Фаньча, — лицо историческое. Это — Мэнгу-Тэмур (Чжао цзи юань хуанди), основоположник маньчжурской династии. Есть даже версия о том, что легендарный предок Букури Ионшунь был отцом исторического лица — Мэнгу-Тэмура²¹. Отец Абахая — Нурхацци — был шестым потомком Мэнгу-Тэмура по прямой линии. Жил Мэнгу-Тэмур в местности Одоли, в окрестностях современного Мадатунь, западнее устья реки Муданьцзян, у ее слияния с Сунгари²². После 1385 года из-за внутренних распрей Мэнгу-Тэмур со своими людьми переселился на юг. Многие годы он поддерживал тесные связи с корейским двором. Затем в 1405 году вступил в контакт с минскими властями, посетил минский двор и был назначен начальником Цзяньчжоуского караула, учрежденного 11 декабря 1403 года. После конфликта с пограничными корейскими властями в 1413 году Мэнгу-Тэмур окончательно переселился в район города Кайюань. В период с 1402 до 1410 год минская империя осуществила в отношении пограничных чжурчжэньских племен серию дипломатических акций, рассчитанных на освождение этих племен из-под влияния Кореи и подчинение их Китаю²³. Значительная часть минских караулов была фиктивной. Все они практически не зависели от минских властей, стали, по выражению американского исследователя Франца Михаэля, «маленькими феодальными государствами», и дело кончилось тем, что минская династия «потеряла окончательно всякий контроль над этими внешними районами»²⁴.

Возвысились маньчжуры из чжурчжэньского аймака Хада²⁵. Цзяньчжоускую группу чжурчжэньских племен,

предков маньчжуров, кроме Мэнгу-Тэмур возглавлял Ахачу. Он командовал Цзяньчжоуским караулом с 1403 года. Около 1408 года был дополнительно создан Цзяньчжоуский левый караул, командующим которого становится Мэнгу-Тэмур. Мэнгу-Тэмур уже упоминается в источниках с фамилией Тун. Несмотря на утверждение китайских авторов, что эта фамилия заимствована маньчжурами у ляодунских китайцев, укажем на то, что по-китайски фамилия предков правящего цинского дома Тун означает «ребенок». Уместен вопрос: нет ли здесь какой-то связи с легендой о происхождении династии?

В XV—XVI веках под общим наименованием чжурчжэни китайские авторы подразумевали не только собственно чжурчжэней, но и дауров, нанайцев, солонов, нивхов, орочей, эвенков, удэгейцев²⁶. Главными же чжурчжэньскими племенами, которые впоследствии образовали маньчжурскую народность, были маньчжу, суксухэ, хуньхэ, ваньянь, дуньо, чжэчэнь, хада, ехе, хойфа, ваньцзя, нэинь, чжушэли и др. Конец XV—XVI век был продолжительной эпохой борьбы представителей разных чжурчжэньских племен за власть и за право объединения всех в единое государство. «Злодеи и разбойники,— говорится в одном источнике,— размножились, как пчелы, они называли себя ханами, бэйлэ, амбалями (палестниками, министрами) и гашанями (управителями поселений). Все они стремились стать верховными предводителями, а мукуни (главы родов) назначали себя вождями и нападали друг на друга. Родные братья и прежние единомышленники убивали друг друга. Могущественные роды силой подчиняли слабым, и беспорядки всюду были велики»²⁷. По меткому выражению китайского автора Дуань Дунгуя, Цзяньчжоуский левый караул стал ядром этого маньчжурского снежного кома²⁸.

Тот, кому случилось одержать победу в этой борьбе за объединение, звался Нурхацци (1559—1626). «Безымянный простой варвар», он был внуком в шестом поколении Мэнгу-Тэмур, внуком Гиочанга (Цзинцзю Ихуанди) и сыном Тэкэши (Сяньцзю Ихуанди) и Хитары. Легенды окутывают факт рождения будущего подлинного основателя династии. Хитара родила его не через девять месяцев, как обычных людей, а через двенадцать. Новорожденный имел знаки, указывающие на его необычайное будущее,— тело дракона, глаза феникса и большие уши (знак святости). Он родился в долине реки Хэтуалы, в

бассейне верхнего течения реки Суксухэ (Судзыхэ), левого притока реки Хуньхэ, к востоку от современного города Фушунь. В десять лет Нурхацци лишился матери. Мачеха не любила его и плохо относилась к нему.

Дед, отец, дядя Нурхацци боролись за объединение под своей властью соседей и имели в этом деле успех, пока в 1575 году²⁹ другой чжурчжэньский князь, вошедший в историю под именем Никан Вайлан из города Тулунь, воспользовавшись помощью китайских войск, внезапно не напал на них. Дед Нурхацци Гиочанга и его отец Тэкэши были убиты китайцами (или с их помощью). Никан Вайлан одержал верх и стал главой маньчжурского объединения чжурчжэньских племен.

Для Нурхацци начались годы тяжелых лишений и скитаний. За эти годы он, если верить описаниям, превратился в молодого рослого мужчину, обладавшего громадной физической силой и твердым, волевым характером. Даже среди своих соплеменников он выделялся искусством верховой езды и стрельбы из лука. На предложение Никан Вайлана покориться он ответил: «Ты был подданным моего отца, но с минскими войсками убил моего отца и деда. Жалею, что лично не могу убить тебя! Как я могу жить с тобой, моим врагом?» Лишенный мачехой полной доли наследства отца, гонимый, он помышлял лишь о мести. Когда ему минуло двадцать пять лет, Нурхацци имел тридцать подданных и скромную дружину из тринадцати латников. С этим своим небольшим отрядом он атаковал город Тулунь, резиденцию Никан Вайлана. Никан Вайлан, предупрежденный о нападении заранее, бежал с женой и сыном в город Цзябань. Боя не было, что-то произошло в среде маньчжурского объединения чжурчжэней и склонило чашу весов в пользу Нурхацци. Ибо первые скромные трофеи — тридцать комплектов доспехов и сто новых солдат — помогли ему не только атаковать Цзябань, но и дойти до города Фушуня. Никан Вайлан бежал под защиту минских пограничных караулов. В 1586 году, не желая ссоры, китайские власти попросту выдали Нурхацци его врага вместе с восьмьюстами ланами серебра и пятнадцатью кусками шелка — откупом за убийство его отца и деда. Никан Вайлан был казнен. В ходе борьбы Нурхацци с Никан Вайланом в 1584 году впервые в источниках упоминается аймак Маньчжу. «Термин „маньчжу“ как название небольшого объединения чжурчжэньских племен, возникший на рубеже XIV—XV

веков, примерно к 1584 году стал общим именем пяти племен: суксухэ, хунхэ, ваньянь, дуньо и чжэчэнь, а с 1619 года был закреплён за объединением различных племен, перешедших добровольно на сторону Нурхаца, либо завоеванных им в 1584—1619 годах»³⁰.

К 1589 году, действуя энергично и успешно, проводя все время в походах, Нурхаца объединил под своей властью все племена бывшего округа Цзяньчжоу. Враги-соперники сочли благоразумным объединиться и ударить по нему сообща. В 1593 году «девять племен» — четыре из хулуньского объединения (к XVII веку китайские авторы часто делили чжурчжэней на три объединения: цзяньчжоуское, хайси (хулуньское) и чапбайшаньское), два из чанбайшаньского и три монгольских аймака — атаковали цзяньчжоуских маньчжур-чжурчжэней, объединённых под властью Нурхаца. Но те не только выдержали натиск, но и разгромили своих врагов.

Консолидация цзяньчжоуских маньчжуров-чжурчжэней в единое государство ознаменовалась в 1599 году введением в употребление маньчжурского письма, созданного на основе монгольской письменности. Следующим важным шагом было создание в 1601 году единой военно-административной системы управления страной. Вся армия (а фактически страна) была поделена на четыре знамени — желтое, белое, красное и синее. Каждым из знамен командовал гуса-эчжен — «командующий (владыка) знамени». Знамена делились на ниру — «роты», во главе с «ротными» — ниру-эчжен. В каждой ниру было триста воинов, их семьи со своими рабами, а также ремесленники и мастеровые люди, обслуживавшие ниру. В каждом знамени было тридцать ниру, или девять тысяч воинов. В сущности своей они копировали древнюю монгольскую «тьму». К 1601 году армия Нурхаца увеличилась с тринадцати тысяч до сорока. «В этом (1601.— *Е. К.*) году,— сообщается в „Нурхаца шилу“,— в собранном им народе и войске [он] каждых триста человек отдал в управление и подчинение одному ниру-эчжэн. До этого всякий раз войска, когда им случалось выступать на охоту, независимо от числа людей, двигались по родам и селениям. Маньчжуры, когда они отправлялись на охоту и начинали облаву, каждый доставал одну стрелу. Среди каждых десяти человек назначали одного командира, подчиняли ему девять человек и двигались каждый в своем направлении, не допуская смешения и беспорядка. Этот командир назывался

ниру (по-китайски: „большая стрела“), эчжэн (по-китайски: „глава“, „старший“). Отсюда ниру-эчжэн и стало наименованием чина³¹. С 1613 года был отдан приказ из каждой ниру выделить десять мужчин и четыре быка для распапки пустующих земель.

В 1614 году после успешного расширения владений молодого маньчжурского государства была проведена реформа знаменной системы управления страной. В результате добавления к каждому знамени знамени с каймой число знамен увеличилось до восьми: к желтому — желтое с каймой, к белому — белое с каймой, к красному — красное с каймой, к синему — синее с каймой. Главой каждого из них назначались князья правящего ханского рода — бэйлэ, они составляли совет бэйлэ — совещательный орган и орган суда при хане. В дополнение к делению на ниру каждое знамя было поделено на более крупные единицы — чжалан (переводят как «полк») во главе с чжалан-эчжэн (полковники). В состав каждого чжалан входило пять ниру. Каждое знамя имело собственное управление, которое ведало всеми военными и гражданскими делами населения, объединенного в данное знамя, включая судопроизводство. Знаменная система полностью оправдала себя в первые полвека существования маньчжурского государства. «Система „знамен“ и нюру, — пишет советский исследователь истории Маньчжурии Г. В. Мелихов, — была чрезвычайно удачной формой организации ... Из захваченных при очередном „маньчжурском“ походе людей какого-либо племени создавалась лишь новая нюру, включенная в одно из знамен. Эта нюру возглавлялась, как правило, вождем или старейшиной завоеванного племени или рода. Вновь покоренные полностью приобретали с этих пор все права и привилегии „коренного“ населения Маньчжоу»³².

В 1616 году Нурхацц, желая подчеркнуть прямую преемственность с великой чжурчжэньской державой прошлого, официально объявил себя ханом и назвал свое государство Поздняя Цзинь. Он по китайскому образцу объявил девиз своего царствования Тянь-мин — Мандат на правление государством, дарованный Небом.

В этом же году теснимые Нурхацц правители Ехэ из Хулунского объединения обратились за помощью к минскому Китаю. Китайцы выслали против Нурхацц тысячу солдат с огнестрельным оружием и прислали ему письмо с требованием прекратить войну с Ехэ. Ответ был нежжи-

данным. В 1618 году в храме предков, встав на колени, Нурхацц во всеуслышание объявил о своих давних и кровных обидах, причиненных ему китайцами, и закончил свою речь словами: «Ныне Китай, увлеченный пристрастием к Ехэ, сам идет против истины и справедливости, и я не в силах более переносить кровных обид. Иду мстить империи оружием!». Вызов был, таким образом, принят достойно. Успехи в войнах с сородичами вселяли надежду на успешную войну и с Китаем. А почему бы и нет? Почему бы ему не повторить то, что делали его предки, основав государство Цзинь, или монголы, основав династию Юань.

В конце 1618 года двадцатитысячная маньчжурская армия впервые выступила в поход на Китай.

...Дождливой ночью в походной палатке Нурхацц еще раз задумался о правильности предпринятого шага. На открытой равнине Фахуньомо выл ветер и лил плотной стеной дождь, как будто само Небо было против дерзкого замысла маньчжурского государя. Трем родственникам, находившимся с ним в палатке, Нурхацц поверил свои сомнения:

— Читал я в «Истории династии Цзинь», что цзиньские императоры, несмотря на постоянные войны, оказались не в силах прочно утвердить свою власть над империей?

Сидевшие в палатке у огня молчали. Нурхацц встал и, как будто лишний раз уверяя себя в чем-то, твердо и властно продолжал:

— Но я-то начинаю борьбу с Мин не из желания захватить минский престол. Падменность и постоянная вражда к нам минского двора — вот, что заставило меня взяться за оружие! Неужели Небо против нас? Зовите бэйлэ, будет совет!

Когда князья-полководцы вошли в палатку и уселись вокруг у огня, Нурхацц без всяких объяснений поставил перед ними вопрос:

— А не вернуться ли нам? Ведь дождь мешает продолжать поход. Ему ответил сын Дайшань:

— Китай вынудил нас к войне. Если вернемся, что будем делать? Униженно искать мира и готовиться к новому походу? Как можно оскорблять армию, уже готовую к сражениям? А дождь... Дождь?

Дайшань нахмурился и, бросив хитрый взгляд на Нурхацц, продолжал:

— Дождь — добрая примета. Он — предвестник нашей

победы и поражения Китая! Враг сладко спит под шум падающих капель и не ждет нашего прихода!

Дайшаню никто не возражал.

— Слушайте мой наказ! — Нурхацц повернулся к Дайшаню. — Вам, бэйлэ, приказываю понапрасну не тратить собственных сил и не подвергать опасности своих людей. Если враг превосходит нас числом, надобно скрыть большую часть наших сил в засаде и заманить неприятеля в ловушку. Бегущего врага преследовать по пятам до городских стен, чтобы вместе с бегущими ворваться в городские ворота. Случится отступать, то отступать в полном порядке, ждать подхода новых сил и потом перейти в наступление. Штурмовать только те города, которые действительно можно взять. Идти на штурм дружно, по ниру. Не атаковать неприступных крепостей, чтобы неудачным штурмом и неоправданными потерями не лишить боевого духа наших солдат. Заслуживает славы прежде всего победа, добытая малой кровью! Плох тот полководец, который устилает путь к неприятелю трупами своих воинов. В войсках должен быть строжайший порядок. Всякий солдат, беспричинно покинувший свою ниру или знамя, подлежит отныне смертной казни. Тверд и опытен должен быть командир, иначе наши сотни и тысячи станут жертвами его малодушия и неопытности. И наступать и отходить следует только по команде и сигналам. Любой нарушивший дисциплину, даже если он будет ранен, лишается награды. Погибший без пользы не удостоится воинских почестей!³³

В приподнято-восторженном настроении уходил Четвертый бэйлэ Абахай из палатки отца. Будет война! И какая!

Весной 1619 года двухсоттысячная китайская армия по четырем направлениям выступила в поход, чтобы уничтожить нахального пограничного царька и его захолустное государство. Удар был нацелен на столицу маньчжуров — город Синцзин. Здесь, как и у китайских императоров, во внутренних городе находилась резиденция Нурхацц, в трехстах домах жили его ближайшие родственники и сподвижники, десять тысяч маньчжуров проживали во внешнем городе. Внутренний город был обнесен стеной, внешний — второй. Столицу окружали крепости с многотысячным населением. К XVII веку в Маньчжурии существовала многовековая традиция строительства укрепленных городов. В известном смысле культура чжурчжэней

XIV—XVI веков была культурой жителей укрепленных городков и поселений. Правитель ула Буяптай сидел в укрепленном городе Хонни на реке Ула, правитель хойфа — в городе Вангиу у горы Хурки на речке Хойфа. Имели города правители ехэ и других «протоманьчжурских» племен.

На двадцатитысячный маньчжурский корпус двигался противник, в десять раз превосходивший его по численности. Командующий средним минским корпусом боевой генерал Дун Сун, пылавший не только отвагой, но и желанием присвоить именно себе честь победителя, спешил перейти Хуньхэ. Но большая часть его воинов погибла при переправе, а тех, кто остался в живых и пытался добраться на другой берег реки, из тьмы разили маньчжурские стрелы. Погиб и сам Дун Сун. Плавающие трупы и знамена покрыли реку.

Весть о гибели корпуса Дун Сана заставила Ма Лина, командующего северной группой китайских войск, прекратить продвижение вперед и занять оборону. Его лагерь, прилепившийся к горе Сарху, был обнесен тройным валом. За ним, под защитой копницы, выставлены пушки. В двух-трех километрах от главного лагеря расположились два десятитысячных отряда под командованием генералов Пан Цзицзя и Гун Няньсуя.

...Утро было по-весеннему прозрачным и чистым. Оно пахло недавно сошедшим снегом и первой травой. Нурхаци в латах с холма руководил построением войск к бою.

— Атакуй! — сказал он Абахая, указав рукой на лагерь Гун Няньсуя. И Четвертый бэйлэ Абахай, он же Хуантайци, не думая о десятикратном превосходстве сил противника, с тысячью отборных конных воинов, с гиканьем и свистом обрушился на китайский корпус. Позже, когда Абахай станет императором и уже не будет сам ходить в атаки, он, издали глядя на свои наступающие войска, будет еще не раз переживать это упоение скачкой и риском, когда в ушах свистит то ли ветер, то ли вражеская стрела и вся воля сосредоточена на одном: доскакать до вражеского лагеря, растоптать, заколоть, зарубить! Сняв охрану, маньчжуры ворвались в лагерь, за конницей в прорыв быстро вошла пехота.

— Не рассеиваться! Атакуй северный угол! — кричал Абахай, и его воины, бросившись в указанном направлении, разя врагов, иступленно рубили повозки, крушили оборонительные щиты и сеяли панику в стане врага.

В горячке боя Абахай увидел, как третья армия отца пошла в атаку на главный китайский лагерь у горы. Тысяча Абахая еще рассеивала корпус Гун Нянсуя, когда он почувствовал, что у отца дело неладно: китайцы не бежали, а в строгом порядке выступили навстречу атакующим маньчжурам. Войска Нурхаца, которым была дана команда спешиться и идти в рукопашный бой, дрогнули. И в этот критический момент, Дайшань, подхватив знамя, увлек за собой конницу и с лёта атаковал китайский строй, прорубился сквозь него и оказался в тылу изумленного противника. Воодушевленные воины ринулись в атаку и... «армия Ма Лина рассыпалась, как черепица и высохшая грязь».

Командир третьего китайского корпуса Ли Жубо, не принимая боя, вернулся в пределы Китая. Четвертый же корпус под командованием Лю Тина, не дошедший лишь двадцати пяти километров до столицы Нурхаца Синцзина (Хэтуала), погиб, став жертвой обмана и честолюбия своего полководца, который поверил маньчжурскому лазутчику, выдавшему себя за гонца Дун Суна, и поспешил, бросая обозы и отстающих, к логову врага, чтобы ему самому, а не сопернику досталась слава победителя... Конница Абахая ударила первой по врагу, а люди Дайшаня, одетые в форму китайских солдат, атаковали Лю Тина с тыла. Погиб Лю Тин, погибла его армия. Следствием этого разгрома была потеря Китаем города Кайюаня — опоры минского господства в Южной Маньчжурии. Три дня вывозили маньчжуры из Кайюаня ценности.

Поражение Мин решило судьбу Ехэ. В 1619 году с Ехэ было покончено. Пала опора ехэ — город Дунчэн, и все они, влившись в восьмизнаменные войска, стали маньчжурами. «Государства, говорящие на одном языке, все сделались нашими»³⁴.

Вскоре маньчжурами были захвачены Шэньян и Ляоян. Весь Ляодун, юго-восточный, заселенный китайцами угол Маньчжурии, перешел под власть Нурхаца. Маньчжуры получили более двухсот тысяч гектаров плодородных пахотных земель. В сражении под городом Ляоян в их руки впервые попало огнестрельное оружие. Столица маньчжурского государства была перенесена в город Ляоян. В ноябре 1621 года маньчжуры вторглись в районы, лежащие западнее реки Ляо. Все города и крепости этой области пали, население было угнано на во-

сточный берег Ляохэ, принадлежащий теперь маньчжурскому государству.

В. В. Горский замечает: «Набег, нанесший Китаю такие ужасные и невознаградимые потери, всего продолжался только два месяца — и этого краткого времени достаточно было, чтобы покрыть пеплом и развалинами страну, населенную губернаторами, генералами, войсками, где на каждом шагу возвышались крепости, города, лагери, маяки и валы, где каждый клочок земли был изрезан канавами и рвами, обнесен тыном и сторожевыми тикетами!»³⁵ Весной 1625 года столицей маньчжурского государства был объявлен город Шэньян — Мукден, который до 1644 года оставался главным городом Цин.

10 февраля 1626 года маньчжурская армия выступила в новый поход на территорию Мин, расположенную к западу от реки Ляохэ. 13 февраля маньчжурские войска форсировали Ляохэ, а 19-го подошли к хорошо укрепленному городу Нинюань. Обороной города командовал опытный полководец Юань Чунхуань. Нурхаци сразу понял, что осада будет затяжной и трудной. И пока Юань Чунхуань размещал на стенах города новое грозное оружие — португальские пушки (хун-и-пао), люди Нурхаци готовили первые образцы новой маньчжурской осадной техники — щиты-колесницы. Это была конструкция из двух колес, на которые ставились сколоченные из толстых досок и обитые воловьей кожей ящики-фургоны. Прятавшиеся под их защитой воины, добравшись до городской стены, должны были разбивать стену железными болванками.

22 февраля в шесть часов утра по утреннему морозцу «железноголовые» — отборные части маньчжурской пехоты в металлических доспехах, конники в латах и щиты-колесницы начали штурм восточных ворот Нинюаня. Достигшие стен воины в семидесяти местах пачали долбить стену, энтузиазм штурмующих был велик. Многим казалось, что Нинюань сдастся так же быстро, как некогда города Ляодуна. Но ...из осажденного города ударили португальские пушки. Ядра рвались в гуще осаждавших. По свидетельству невольного очевидца битвы — корейского посла Хан Хвана, грозные щиты-колесницы, неуязвимые для стрел и камней осажденных, в считанные минуты оказались разбитыми в щепы. То, что не удалось разрушить, было подожжено связками хвороста, начиненными смолой и серой. Сидевшие в щитах-колесницах солдаты не успевали выскочить и сгорали заживо. После полудня маньчжуры отступили.

25 февраля они повторили штурм, но в результате успешной вылазки двухсот китайцев-смертников и мощных пушечных ударов щиты-колесницы были уничтожены. Обозленный Нурхацци, не снимая осады, ринулся на остров Цзюхуадао, где сосредоточивались китайские запасы продовольствия, и, захватив все, что мог, вернулся под стены Нинъюаня.

Начавшийся 27 февраля третий штурм вдруг был приостановлен. Причиной этого явилось то, что Нурхацци сам получил тяжелое ранение³⁶. Его последствия оказались роковыми. Хан тяжело заболел. Летом 1626 года в течение месяца он лечился на целебных водах у реки Цинхэ, но безуспешно. На лодке по реке Тайцзыхэ Нурхацци отправили обратно в Мукден. На полпути его встретила любимая супруга Амба-фуджин. 23 сентября 1626 года в двадцати километрах от Мукдена, в крепости Айцзибао (Черная курица), первый хан маньчжурского государства скончался³⁷. «Император в двадцать пять лет,— говорится в хронике царствования Нурхацци,— поднимал войска в походы и всегда подчинял все пограничные территории и местности. Среди его войн не было таких, в которых он не одерживал бы победы, среди тех, на кого он нападал, не было таких, кто бы не покорился. И только один город Нинъюань не пал, и он возвратился, не испытав счастья победы»³⁸. Горечь поражения и смерть принес Нурхацци штурм Нинъюаня. Есть мнение, что он умер от гангрены³⁹. Однако в последних исследованиях отрицается даже сам факт его ранения под Нинъюань и утверждается, что причиной смерти Нурхацци были карбункулы⁴⁰.

Власть над маньчжурами оказалась в руках Четвертого бэйлэ, Хуантайцзи — будущего императора маньчжуров Абахая.

Глава вторая

Я ПРИЗНАЮ СВОЮ ВИНУ

Я уезжаю, о гора Самгак!
Прощайте, воды синие Хангана.
О как не хочется мне покидать
Родные горы и родные реки.
Увы! Настала смутная пора
Не знаю я, смогу ль сюда вернуться,

Ким Санхон

Корейский ван Инджо имел тайную встречу в одной из уединенных комнат дворца с вернувшимся из маньчжурского плена Чху Санвоном. На столике стояли закуски. Слуга подал вино и удалился.

Корейского вана не на шутку встревожили события в Ляодуне. Эти ху, пограничные варвары, стали давно опасны. В 1619 году Кванхэ гун выслал в помощь китайцам тринадцатитысячную армию, часть ее погибла, а командиры попали в плен.

— Ты попал в плен вместе с Кан Хоннином? И Ким Гён со?

— Да, государь.

— Как там маньчжурский князек?

— Он умер, государь, потерпел неудачу под Нинюань и умер.

— Кто теперь на его месте?

— Четвертый бэйлэ, Абахай.

— Ты сам видел хана? Каков его облик, каковы поступки?

— Грузен, но силен. В юные годы, забавляясь, прыгал в латах через девять быков, поставленных в ряд. Горд. Отважный воин и искусный полководец. Внешне мало отличается от других генералов. Жизнерадостен, праву веселого, как и все варвары, любит смеяться. Еду, питье и награды всегда раздает сам, своей рукой. На пир ставит несколько десятков чаш с вином, подзывает любимых генералов и лично потчует их.

— Ху покорили всех наших соседей и создали свое царство. Много ли их? Велико ли их владение?

— Говорят, их миллион¹. Имеют свое письмо, похожее на монгольское, ведут людям учет, но все держат в секрете. У них много китайских рабов. Владение их с юга на север примерно тянется на четыреста ли, с востока на запад — двести ли.

— Зачем им китайские рабы? Они любят гонять зверя в тайге да пасти скот!

— Это не так, государь. В наших анналах записано, что еще Мэнгу-Тэмур собирался вернуться на старые земли, чтобы пахать их и заниматься сельским хозяйством². Маньчжуры издревле пахут землю. Они плавят железо, добывают золото и серебро. По серебру, железу, камню, дереву, по всему у них имеются свои мастера, а их мастера по железу особенно искусны. От монголов я слышал, что их хан сказал монгольскому послу: «В вашем монгольском государстве живут тем, что питаются скотом, едят его мясо, одеваются в его кожу. Мое государство живет тем, что пашет земли и питается зерном!»³. Раньше маньчжуры собирали и трепали коноплю. Ныне по государству объявлено начать кормить шелковичных червей, разматывать шелковые нитки, ткать шелка, сеять хлопок, ткать хлопчатобумажные ткани. Землю в Ляодуне поделили по ниру и роздали расквартированным там солдатам — каждому совершеннолетнему мужчине по шесть жи, пять жи для засева зерновыми, один жи для засева хлопком. Три человека совместно обрабатывают, кроме того, один жи казенного поля, одного казенного быка и одну казенную лошадь кормят также совместно двадцать человек. В каждой ниру с трехста тяглых мужчин берут налог зерном в двести ху, а с китайцев с трех тяглых — два ху зерна.

— Какой же у них урожай?

— С одного посеянного доу можно собрать восемь-девять ши. Если осенью из-за непогоды не смогут увезти зерно, то оставляют его на хранение в поле и увозят с наступлением холодов. В каждой семье кони, коровы, овцы, свиньи, куры, гуси, утки. Селятся чаще по берегам рек, в горных долинах — мало. Земля у них ханская. Поля бэйлэ и высших чиновников, поля восьмизнаменных войск и гарнизонов крепостей распределяются среди прочего населения.

— А получают ли чиновники жалованье деньгами?

— Чиновники получают жалованье от хана серебром и зерном, и им запрещается самовольно брать что-либо с народа. Хан постоянно напоминает им: «Следует избегать порочного пути Мин».

— А в стране великого императора династии Мин все спокойно?

— Чернь бунтует, государь. А чиновники и полководцы пока не находят сил справиться с нею.

— Чем торгует эта хуская страна?

— Жемчугом, женьшепом, соболями и лисицами. Раньше эти варвары-кадары не умели обрабатывать женьшень, замачивали его. Китайцы не хотели покупать замоченный женьшень, так как он быстро портился. Поэтому маньчжуры спешили продать его подешевле. Нурхаци приказал всем брать только спелые корни и сушить их. Теперь их можно хранить сколько угодно и не спешить продавать. Ныне маньчжуры получают большие выгоды от продажи женьшеня в Китай.

— Где живут маньчжурские ханы и как укрепляют города?

В долине Хэтуала Нурхаци строил каменные города с железными воротами и земляные города, окруженные частоколом. Есть город Нингута, стены его построены из земли и камня с использованием деревянных балок. Кругом на стенах ячейки для стрелков из лука. Ворота из деревянных досок. Во внутреннем городе живет родня хана, во внешнем — гвардия, отряды его отборных солдат от пяти человек и выше. За северными воротами поселены плавильщики железа и кузнецы, они делают шлемы и латы. За южными воротами живут мастера-лучники, они изготавливают луки и стрелы. За восточными воротами амбары с зерном. Все земли вокруг города обработаны⁴.

— Зачем они взяли монгольское письмо? Разве письмо китайцев им не годится?

— Язык маньчжуров похож на монгольский, государь. Многие монголы дружат с маньчжурами. Говорили мне, что раньше маньчжуры не имели письменности, и для составления документов им надо было учить монгольское письмо, а чтобы понять смысл документа — переводить его обратно с монгольского языка. Нурхаци приказал приспособить монгольское письмо для языка государства. Он призвал бакши Эрдэни и Гэдая и просил их об этом. Те ответили: «Мы учили монгольское письмо. Начали со знания монгольского языка. А если хан тре-

бует составить документ в переводе на наш язык, то мы не можем сделать это». Хан сказал: «Если китаец читает китайские письмена, то учился ли он или не учился, все понимают. Монгол читает монгольские письмена, учился ли он или не учился — все монголы понимают. Слова нашего государства записываются монгольским письмом. И тот, кто не учил монгольского языка, не может их понять. Почему же создать письмо для записи родного языка вам трудно, а выучить язык другого государства — легко?» Гэдай и Эрдни поклонились и ответили: «Мы вполне сможем составить письмена для нашего языка. И сделаем это». Монгольские письмена, приспособленные к языку маньчжуров, были обнародованы и введены в употребление. Это как паш-онмун, государь.⁵

В чем же сила этих варваров?

— В солдатах и их алчности, государь. Когда войска выступают в поход, нет тех, кто не радовался бы. И их жены тоже радуются. А причина одна — желание получить побольше добра. У них солдаты имеют по четыре-пять ноби — рабов. И их часто берут с собой на войну, специально для того, чтобы грабить и захватить побольше добра. Покорив ехэ и захватив Ляодун, они стали опасны для нас, государь. У их солдат просторная одежда, большие рукава, слева стрелы, справа лук. Удобно для стрельбы с коня. В бою они упорны. Уж коли стоят, то их не сдвинуть с места, коли двигаются вперед, то их не заставить повернуть вспять. Солдаты только тем и заняты, что точат мечи. Они мало занимаются хлебопашеством. Все — от хана и бэйлэ до простого солдата — имеют рабов. Эти рабы обрабатывают землю и доставляют урожай своему хозяину. Только в Ляодуне маньчжуры захватили двести тысяч человек. Отдан приказ у пленных не отбирать одежду, женщин не насиловать, семей не разлучать! Китайцы во внутренних территориях пашут им землю. Высылая войска в поход, маньчжуры из трех военнообязанных забирают одного. Тридцать человек из каждой ниру выполняют вспомогательные работы при знамени. В каждом отряде у них командир и пять его помощников, два человека — авангард, семнадцать — охранение. Конных латников двадцать, пехотинцев восемьдесят, мастер-лучник один, кузнец один, ведающих снабжением и людей прочих вспомогательных служб по потребностям. Хан рассылает приказы трем мукуням, тридцати семи татаням и тремстам семидесяти одной дороге

(области). Каждый татань распоряжается десятью дорогами. Первыми помощниками Нурхацци были его брат Шурхацци и старший сын Чуин. Еще в 1598 году девятнадцатилетний Чуин за воинскую доблесть получил звание хунбатур и титул бэйлэ, а затем — звание архатутушэн. До 1610 года он был вторым человеком после Нурхацци. Первый мукунь, первый — четвертый татани и сорок дорог считались «подчинявшимися приказам ханской семьи» и были под непосредственным руководством Нурхацци; второй мукунь, четыре татаня и сорок дорог — Чуину; третий мукунь, три татаня и двадцать пять дорог — Шурхацци. Остальными дорогами управляли прочие сыновья Нурхацци, его помощники и командующие войсками⁶.

— Куда же делся Чуин и почему ханом стал Абахай?

— Не знаю, государь, почему попал в немилость Чуин. В 1615 году, когда ему было тридцать шесть лет, он внезапно скончался. Поговаривают, что Чуин умер в тюрьме, так как был против объявления династии Хоу Цзинь и уговаривал отца не воевать с китайцами. Может болтают? Но на следующий год Нурхацци действительно назвал свое государство Хоу Цзинь, а потом атаковал границы Мин. Говорили и другое — Чуин был жесток, народ, братья-бэйлэ не любили его, и Нурхацци сам лишил Чуина власти, а его имущество разделил между братьями. После смерти Чуина выдвинулись два других брата. Дайшань, второй сын Нурхацци от одной матери с Чуином, ходил постоянно в походы, получил звание хунбатур, командовал двумя красными знаменами. О втором Вы слышали, государь, — это Четвертый бэйлэ, Хуантайцзи, он же Абахай. Храбрый, немногословный, любимец Нурхацци. Между прочим, ему часто поручали вести дела с нашим государством. Весной 1622 года Нурхацци приказал четверем бэйлэ: Дайшаню, Мангуртаю, Амину и Хуантайцзи-Абахю, каждый месяц поочереды управлять всеми делами государства.

— Почему же Хуантайцзи-Абахай стал ханом, а никто другой?

— Нурхацци как-то обсуждал с двоюродным братом Адоу, кого сделать наследником. Ведь, как говорят, у него всего более двадцати сыновей. И высказался за Хуантайцзи. Адоу проболтался об этом Дайшаню, и тот приходил к отцу объясняться и даже плакал. Тогда Нурхацци выдвинул план управления страной; восемь бэйлэ, коман-

дующие войсками знамен, «восемь гор-князей», совместно управляют страной, а самый мудрый из них занимает престол и становится ханом. Нурхаци много говорил в последние годы о «восьми семьях — опорах государства» и одно время даже предполагал из их числа избрать хана. Я слышал от маньчжуров, государь, что Хуантайцзи-Абахай силой захватил трон, на деле же Нурхаци объявил наследником Дайшаня. Абахай — враг Кореи, государь!

— Откуда ты знаешь?

— Люди говорили, что он убеждал отца напасть на нас. Мин и Корея, — говорил он, — как отец и сын, и я не хочу посылать в Корею даров. Прикажи, отец, поднять войска и атаковать Корею, а всех пленных корейцев, взятых нами при Сархунь, казнить!

— Недобрые вести привез ты из плена. За то, что попал в плен, ты достоин наказания. За то, что в плену обо всем узнавал на пользу своей страны, ты достоин награды. А сейчас иди. Мы и наши советники подумаем над тем, что ты сообщил.

* * *

И бэйлэ, и сановники, и народ были взволнованы: хан, умирая, не назвал наследника. Якобы незадолго до кончины на водах Нурхаци сказал Дайшаню, что завещает трон малолетнему сыну Дораю. Но поскольку Дорай еще мал, временно вместо него страной может править Дайшань.

Дело Дорая решила судьба его матери. По давнему обычаю маньчжуров в случае смерти знатного мужчины с ним обязательно сопогребали одну из его наложниц — самую любимую. Завещал ли хан престол Дораю или нет, это не было еще точно известно, а вот то, что его мать отправится вслед за Нурхаци в качестве его жены в мир умерших, — было решено твердо. Таков уж был закон: та, которой надлежало следовать за мужем, не могла опорить его решение и ее нельзя было заменить другой. Потеряв мать, малолетний Дорай лишился опоры в борьбе за трон.

...На женской половине дворца в богато обставленные покои вошла мать Дорая, нарядно одетая, как на свадьбу, с лицом спокойным, без единой слезинки в глазах. Она

знала обычай — обреченные на сопогребение не плачут, да слезами и не поможешь. И как может плакать та, которая там, в мире умерших, станет единственной женой своего господина и не будет, как здесь, в этом мире, делить супружеское ложе со многими другими. Она спокойна и за жизнь Дорая. Не посмеют братья обидеть сына той, что ушла вместе с их отцом. Она села на край кана и молча приняла подношения от многочисленной ханской семьи. Начиная с Дайшаня, все по очереди подходили и кланялись ей. Домочадцев было много, и эта процедура даже слегка утомила ее.

Когда церемония поклонения была окончена, Дайшань спросил:

— Справишься сама или лучше помочь?

Она подумала, что, возможно, будет не в силах удавить себя прочной петлей из тетивы лука, и ответила:

— Лучше помочь!

Дайшань вышел. Вошли двое солдат. Она даже не взглянула на них, боясь показать страх, вдруг охвативший все ее тело. Чтобы не упасть, она обеими руками вцепилась в края кана и закрыла глаза. Холодная скользкая тетива змеей обвилась вокруг шеи. Все нутро ее запротестовало против того, что должно было свершиться, но прежде чем она оторвала руки от кана, чтобы вцепиться в эту страшную змею, сбросить ее со своего горла, умелые руки с двух сторон натянули тетиву, и сознание покинуло ее. Как куль, мертвой, разнаряженной куклой, она мягко повалилась на руки солдат. Солдаты бережно уложили тело на кан и вышли. Хан и в стране мертвых был перепоручен заботам своей любимой жены.

Совет родичей умершего хана длился целую ночь. Тут были четверо бэйлэ и самые близкие к покойному люди. Старший бэйлэ Дайшань — второй сын Нурхацы, Второй бэйлэ Амин — племянник Нурхацы, двоюродный брат Дайшаня, сын младшего брата Нурхацы — Шурхацы, Третий бэйлэ — сам Шурхацы и Четвертый бэйлэ — Хуантайцзи-Абахай. Были славные своими воинскими подвигами Иото — третий сын Дайшаня, внук Нурхацы, третий сын Нурхацы — Сахалань, четырнадцатый — Доргонь, седьмой — Абатай, десятый — Дэгэлэй, двенадца-

тый — Ацзигэ, пятнадцатый — Додо, шестой сын Нурха-ци — Шурхацци, внук Нурхацци — Туду, сын его первенца Чуина, и племянник Нурхацци — Цзиргалан. Днем, усталые от бессоницы, все они разбрелись по своим покоям, а на второй день в главном административном здании был собран большой совет с участием всех бэйлэ и сановников государства. О чем говорилось на совете родичей, какие там были споры, длившиеся всю ночь, осталось тайной. Приближенные знали, что от них ждут только одобрения решения совета родичей покойного хана. Все украдкой поглядывали на братьев-бэйлэ. Который из них теперь их новый хан?

Вошли четверо бэйлэ: Дайшань, Амин, Мангуртай и Хуантайцзи-Абахай. Сели рядом.

Первым по праву старшего поднялся Дайшань. Никто не подал виду, но все сразу подумали: «Если не он, то кто?»

Дайшань умел владеть собой. Поднявшись для первого слова, он дал понять всем, что хан не он:

— Как только умер хан-отец, сын мой Иото и брат мой Сахалань пришли ко мне и объявили: «Государство наше и дня не может быть без государя. И дело следует решить сразу и быстро. Хуантайцзи-Абахай талантлив, и есть все знаки того, что именно он обладает благой силой „дэ“, дарованной ему Небом. Люди с радостью подчинятся ему, и он может унаследовать престол!»

Встал второй великий бэйлэ Амин. «Я согласен с Дайшанем!» Мангуртай сказал чуть длиннее: «Я выражаю желание воздвигнуть на престол Хуантайцзи. Пусть властвует над нами!»

Решение совета родичей было очевидно, и поэтому все члены высшего административного совета, бэйлэ и сановники, хором воскликнули: «Можно!».

Встал Абахай:

— Нет приказа отца-хана о занятии кем-либо из нас престола, и поэтому престол должен занять старший, ты, Дайшань! Я не осмелюсь нарушить приличия и сесть на отцовский трон.

Каков? — подумал Дайшань, — если бы ночью и ты, и все твои прихлебатели говорили такое!

— Кроме того, я боюсь, что не смогу обеспечить выполнение прежних замыслов и исполнять сокровенные желания Неба, не смогу управлять войсками и чиновниками и умиротворить народ.

Опять встал Дайшань:

— Мой сыновья, а твои племянники говорят, что есть все знаки того, что Небо одарило силой «дэ» тебя, брат и хан мой. Еще раз просим, правь нами!

— Просим! Просим! — наперебой заговорили собравшиеся. Когда просьбы были повторены троекратно, Абахай подал знак, и все смолкли.

— Клянусь Небу и Земле! Государь Небо! Государыня Земля! Сегодня старший и младшие братья и племянники ради того, чтобы весь народ нашего государства возвысился, выдвинули меня государем. Обещаю не допускать непочтительного отношения к старшим братьям, любить сыновей и младших братьев. Буду править, сообразуясь с законом и правдой, и с помощью Великого Неба постараюсь пролить благодеяния и счастье на народ. Если сойду с этого пути, пусть Небо и Земля покарают меня!

Все бэйлэ и сановники опустили на колени:

— Государь, — сказал Дайшань, — я, Дайшань, Амин и Мангуртай обещаем верно и преданно служить тебе, будем отдавать все свои силы служению государству. Будем из поколения в поколение оберегать семьи вверенного нам народа. Если же кто из нас, старших и младших братьев, сыновей и племянников, станет своевольничать, действовать не на благо народа и государства, то пусть того покарает Небо! Ты, государь, можешь наказать его и без' приказа!

Вспомнят еще великие бэйлэ эту свою клятву! Где, как и почему Дайшань проиграл право на отцовский престол, неизвестно. Абахая же избрал на престол ханский род, и он обязался справедливо править государством для его пользы и умножения богатства.

19 февраля 1627 года был объявлен девиз царствования нового хана — Тянь-цунь — Чутким ухом своим внимающий изъявлению воли Неба.

* * *

...Амин, молодой двоюродный брат хана Абахая, в шелковом китайском халате лежал развалясь на теплом нахане — кане, устланном тростниковыми циновками, красным войлоком и медвежьими шкурами. Он любил свой загородный дом с просторной кухней, большим теп-

лым каном, огромным двором и высоким крепким сомо. После смерти деда и воцарения брата он уже несколько недель уединенно жил в своем имении, в этом теплом доме, полном вкусной еды, вина и покорных китайских и корейских рабов. Горюя о том, что его отец не стал ханом, а значит, и ему не видать ханского престола, он находил утешение в вине и чистых прелестях девчонок, которых ему доставляли из соседних деревень. Теперь молодой бэйлэ лежал и думал: «Не съездить ли поохотиться? Большой у меня запас стрел-ниру на зверя и стрел-тиджелин на птицу?». Он уже совсем решился ехать и собирался кликнуть слугу, когда за оградой раздался стук конских копыт.

«Ого! Неужели брат-хан так спешит и не послал ли кого-то поохотиться на меня?» — Амин проворно вскочил с кана, снял со стены меч и осторожно подошел к южному окну, рядом с которым были двери. Он увидел, как его слуги, дрожа от страха, подобострастно растворяют ворота, и во двор, не торопясь, по-хозяйски, въезжает всадник. «Ну и ну! Сам хан пожаловал собственной персоной. Чего надобно этому волку в обличье лисы?» — Амин поспешил с низким поклоном навстречу.

Не принимая поклона, Абахай дружески хлопнул брата по спине:

— Отдыхаешь?

— Да, хан. Но готов служить тебе по первому твоему слову.

— Отдохнем вместе. Прикажи никого не пускать, кроме... — хан поглядел вокруг, в окно, на двор, — вот старого Эджельту, и пусть приготовит фалу, люблю эту рыбу. Посуда пусть будет наша, деревянная, не китайская. Чабха у меня с собой, — и Абахай указал на прикрепленный к дорожному, украшенному нефритом поясу мешочек с ножом-хувэси и чабха — палочками для еды. Он легко вошел на джулэрги нахан — кан у южной стены, куда по обычаю сажают гостей, и сел на корточки, ближе к краю.

— Садись повыше, хан, там теплее, с краю кан холодный, — предложил Амин, и Абахай послушно подвинулся к центру широкого кана.

Эджельту, старый аньда, дядька Амина, принес рыбу, закуски, поставил чашки для вина.

— Эджельту! Налей вина! Прошу, хан, этой чашей я почтительно чествую Вас, надеюсь, что Вы выпьете ее

до дна? Он знал, что Абахай на людях пил мало, а то и совсем не пил.

— Брось церемонии, Амин, мы не китайцы, своя родня у себя дома. Ты-то знаешь меня, уж если я выпью эту чашу до дна, то, пока не опьянею, пить не перестану. Давай!

Абахай осушил чашу и, не закусив, улыбнулся:

— Для того чтобы напиться, я и приехал к тебе!

Пиршество затянулось до глубокой ночи. Эджельту принес деревянный поставец с горизонтально воткнутыми в него свечами, конопляные стержни которых длиной десять — двенадцать сантиметров были обмазаны смесью из выжимок кунжута и пшеничных отрубей. Свечи горели тускло, но не боялись ветра.

Амин не помнил, когда заснул на кане. Утром трещала голова, хотелось опохмелиться. Но Абахай от вина отказался, приказал подать ковш студеной воды и, опорожнив его, сказал Амину:

— Через три дня будь у меня в столице. Пойдешь в поход на Корею. — И не дожидаясь ответа, вышел во двор.

Когда Амин через три дня прибыл ко двору, Абахай объяснил ему, что для осуществления его планов на юге необходимо нейтрализовать Корею. Корейцев надо запугать, князек Инджо не должен и помышлять о помощи минам. Да и тыл иметь спокойный не помешает.

* * *

Во дворе правителя округа Ыйджу слышались дробные удары колотушки о бубен. Сам правитель и двое его доверенных людей сидели под навесом, а перед ними, на открытом прямоугольном дворе, затененном справа старым тополем, на циновке прыгал и бил в бубен шаман. На нем была шапка — признак того, что шаман был великий. Его синяя с короткими рукавами кофта свободно болталась на иссушенном теле, черная юбка, по краю которой были вышиты прыгающие тигры, дракон, змея, ящерица и лягушка, опускалась чуть ниже колен. Толстый широкий ремень с тридцатью массивными железными подвесками туго стягивал и без того тощий живот шамана и его юбку. Помощники шамана, молодые здоровые парни, ухватившись за этот ремень с двух сторон, делали вид, что

с трудом удерживают его налитое сверхчеловеческой силой тело, готовое вот-вот оторваться от земли и растаять в беспредельности неба.

Шаман закатил глаза и, певидяще глядя в небо, в самозабвении трясся, приплясывал и, держа колотушку в правой руке, бил в бубен, поднятый выше головы левой рукой. Его руки были в ярко раскрашенных кожаных рукавицах с вышитыми на них ящерицами и лягушками. Вдруг он отбросил колотушку и бубен. Воцарилась напряженная тишина. Шаман дрожал, судороги пробежали по его лицу.

— Ай гу! О хананимё,— воскликнул шаман и что-то забормotal. Его худые ноги в соломенных сандалях подгнулись, и он в бессилии упал на циновку.

Один из помощников шамана поклонился правителю, напряженно ждавшему ответа, и испуганно сказал:

— Духи ответили: «Они придут! Готовьте город к осаде!»

* * *

28 февраля 1627 года тридцатитысячная маньчжурская армия форсировала реку Ампоккан и уже на следующий день заняла Ыйджу. Предчувствие не обмануло ни начальника округа, ни шамана. Однако вторжение свершилось так быстро, что корейцы не сумели к нему подготовиться.

Маньчжуры быстро продвигались на юг Корейского полуострова. Пала горная крепость Нынхан, которую героически защищал Ки Хён, затем Анджу, Пхеньян. На двенадцатый день после начала войны маньчжуры вышли к Пхёнсану. Ван Кореи Инджо с женами и двором покинул Сеул и укрылся на острове Канхвадо.

Как не был упоен Амин успехом, он помнил наказ хана не рисковать и заставить корейцев отказаться помогать Китаю в случае нападения на него маньчжуров. Тылы его были растянуты, кое-где на маньчжурские отряды нападали отряды корейских партизан Ыйбён. Амин вызвал писца и приказал:

— Пиши! «Да будет известно вану Кореи и всему народу страны, что мы пришли не для покорения страны, а для совершения мести за прошлые обиды и для заключения мира!»

Письмо было переслано корейскому вану и распространено по стране.

Ответ корейского двора был скор, но уклончив. «Государь наш сознается в своих винах и искупит их всеми сокровищами, которые только сумеет собрать в своем опустошенном государстве. После того как приход ваших войск заставил вана бросить столицу и искать спасения на море, богатства наших городов рассеялись и погибли в смутах страха и переселений»⁷.

...К корейскому вану для переговоров прибыл маньчжурский посол. Он долго стоял перед вапом и ждал приветствия и поклона, но Инджо не хотел приветствовать представителя победителей, тем более кланяться ему. Ван сидел, тупо уставившись в одну точку, не глядя на посла, не произнося ни слова. Посол, не выдержав, вдруг резко спросил:

— Не истукан ли ты? Не статуя ли из глины?

Инджо был поражен: «Казнить, незамедлительно, самой лютой казнью, содрать с него кожу, по кусочкам срезать с него мясо!», но сдержался и сказал первое, что пришло на ум:

— Я в трауре и оплакиваю смерть моей матери. Посол не поддержал разговора о покойной матери.

— Вы пожинаете плоды вашей гордости. Народ ваш живет без правосудия, солдаты ваши падают под мечами неприятеля. Сейчас разом можно положить конец всем неустройствам. Желаете мира, посылайте скорее своего сына и брата заключить клятвенный договор и сами определите, какую будете платить нам ежегодную дань.

— В книге «Весны и осени» сказано: «Позор падет на голову того, кто заключает мир под етенами своего города». Если у вас есть чувство справедливости и великодушия, отведите сначала свои войска, а потом станем вести переговоры о мире.

— Искусно сказано! Но чем позднее будет заключен мир, тем больше страданий выпадет на долю твоего народа. Спасает ли вечер утро? Не за себя прошу, за твоих подданных: скорее посылай к бэйлэ своего брата, медлить нечего!

Брат Инджо отправился в лагерь к Амину для выработки условий мира. Амин куражился и угрожал: «Всю жизнь я мечтал увидеть дворцы китайского императора и корейского вана. Теперь, когда маньчжуры у ворот вашей столицы, с чего это мне возвращаться домой, не

осуществив этого своего желания? Прикажу войскам идти вперед, и во дворце вашего вана станем вести переговоры!»

Однако приказа о дальнейшем продвижении войск к Сеулу он не отдал. Корейский ван Инджо признал себя младшим братом Абахая, и в апреле 1627 года между новоявленными братьями был заключен «братский союз». Старший обязался не продвигать свои войска южнее Пхёнсана, а по вступлении «братского договора» в силу вообще вывести свои войска из Кореи и не нарушать ее границу по реке Амноккан. Младший должен был воздерживаться от враждебных действий против старшего (что фактически означало отказ Кореи оказывать помощь минскому Китаю) и открыть на границе рынки для торговли. Осенью и зимой он обещал посылать старшему брату «ежегодную дань». Братья договорились обмениваться посольствами и подарками⁸.

* *
*

Печальна была судьба победителя. Нурхацци не очень любил своего дядю Шурхацци. На раннем этапе борьбы за власть Нурхацци и Шурхацци соперничали между собой. Со временем их распря утихла, но не забылась и перешла по наследству к их детям. Абахай не любил Амина. Корейский поход был одним из немногих успешных дел последнего. Именно по Амину, первому из Четырех великих бэйлэ, Абахай нанес удар. В 1631 году Абахай обвинил Амина в совершении шестнадцати преступлений, в числе которых были и проступки его отца, и его собственные, подлинные и мнимые. Амина лишили командования знаменем (оно было передано младшему брату Амина — Цзиргалану), имущество конфисковали, оставив Амину лишь шесть хозяйств, сад, двадцать маньчжуров, монголов и китайцев и двадцать коней. Последние девять лет своей жизни великий бэйлэ фактически провел в ссылке и умер в 1640 году.

* *
*

«Братский мир» оказался непрочным. Объективно он и не мог быть иным. Слишком разными были интересы и позиции сторон. Абахай нуждался в покорной Корее, со-

юзнике в войне с Китаем и монголами. Корея же не могла порвать прочные узы, связывающие ее с минской династией, тем более, что маньчжуры в борьбе с Китаем были еще далеки от успеха. Кроме того, минский двор не хотел так просто отказаться от своего возможного союзника, географическое положение которого позволяло постоянно угрожать маньчжурам с тыла. Короче, новая война была неизбежна, но, как считают современные историки, корейские власти плохо готовились к ней⁹.

В 1631 году «младший брат» отказался послать свой флот в помощь маньчжурам, стремившимся овладеть островами в Ляодунском заливе. Мотив отказа был более чем недвусмысленным: «Китай — отец Кореи, и поэтому она не может помогать людям, восставшим против него»¹⁰. Между «союзниками» возникли споры из-за перебежчиков, а походы маньчжуров против племен варка в пограничные с Кореей районы вызвали протесты корейской стороны¹¹.

Когда были взломаны границы Мин и покорены чахары, Абахай послал в Корею своего посла Ингурдая. Корейскому вану от имени восьми бэйлэ предлагалось поддерживать близившееся принятие Абахаем императорского титула. Инджо не принял посла и, отослав его для переговоров в совет, приказал как-то задержать его. Уже находясь под домашним арестом, Ингурдай добыл в городе коней, прорвался к городским воротам и сумел покинуть Корею. По дороге его люди перехватили тайный приказ вана корейским властям на местах, объявлявший мир с маньчжурами результатом несчастной поспешности и предписывавший разорвать оскорбительный для страны договор¹². Узнав обо всем этом, Абахай выразил твердое намерение «уничтожить Корею»¹³. Во время принятия Абахаем императорского титула на официальной торжественной церемонии корейский посол отказался поклониться ему тройным коленопреклонением, каждый раз отвечивая три поклона (совершить коутоу,) и поздравить его с принятием высокого титула.

* *
*

В храме Неба и предков Абахай перед походом приносил жертвы Небу — мэтэмби и жертвы духам — вэчэмби. По традиции, жертвоприношением руководила женщина.

шаманка, жена Абахая. На ней вместо платья императрицы была надета пестрая юбка с поясом, в руках — бубен и колотушка. В храме установлен шест-вэчэку из чистого без изъянов дерева. Вот шаманка-императрица приблизилась к вэчэку, села на скамью лицом к нему и, ударяя в бубен, стала призывать духов:

— Анпе! Великое Небо, слушай! Император Абахай из рода Гиоро приобрел годных для принесения в жертву свиней. Он приносит их в жертву Великому Небу и просит принять их. Он просит иметь о нем попечение, попечение о глубоком корне рода, его здравии и благополучии. Просит оказать помощь и покровительство в походе на Корею.

Шаманка встала со скамьи и, переваливаясь с боку на бок, отступая от вэчэку, изгибаясь и кружась, стала призывать духов пляскою. Прodelав все это трижды, она отдала подручным бубен и колотушку и сбросила с себя юбку. Духи были здесь, они ждали вкусной обильной жертвы.

В храм в сопровождении приближенных вошел Абахай. На высоко поднятых руках слуги внесли шушу — двух живых жертвенных свиней, вино, фрукты. Свиней поставили на два больших, обитых оловянным листом стола, головами на запад. Шаманка влила им в уши жертвенное вино, и служители совершили обряд силгамби — ловкими короткими ударами враз закололи животных. Женщины-прислужницы мгновенно подставили под раны серебряные корытца, в которые стекала кровь жертвы. Когда свиньи испустили последнее дыхание, служители объявили:

— Текдеха — воспарили!

Затем они приступили к разделке туш. К вэчэку был придвинут длинный высокий стол, окрашенный кинварью, на который поставили серебряные корытца с кровью. Туши свиней, обращенные теперь головами на юг, уже без кожи, разрезали на куски, и мясо положили варить в большой котел.

Все присутствовавшие благоговейно и терпеливо следили за совершавшимися таинствами. Служители сложили внутренности в отдельные корыта и вынесли из храма. В особом помещении они промыли кишки и принесли их назад. Служители, преклонив колена перед высоким столом с серебряными корытцами, торжественно наполнили кровью кишки и полученные таким образом кровавые

колбасы положили варить в котел с мясом. Желчные пузыри и ноги свиней положили в третьи маленькие деревянные корытца, окрашенные киноварью, и поставили на отдельный стол (у северной стелы храма).

Мясо сварилось. Часть его служители в благоговейном молчании разрезали на тонкие пластики, наполнили мясом серебряные блюда и рядом положили чабха. Оставшееся мясо сложили в два посеребренных корытца: окорока по четырем углам каждого корытца, в переднюю часть — грудину, в заднюю, по двум сторонам, — реберные части. Проворные руки служителей поверх сложённых частей свиных туш уложили в корытца свиные головы, а на переносы их — селезенку и сало. Все это на длинном большом столе было придвинуто к вэчэку.

Абахай вышел вперед и, оборотясь лицом на юг, торжественно объявил:

— Великое Небо! Духи вэчэку! Слушайте! Корейский ван Ипджо нарушил клятвенный договор. Он совершил тяжкие преступления, оскорбив меня и весь род Гиоро. Как терпеть такое? Я хочу наказать его за эти преступления и прошу вашей помощи. При вашей поддержке и покровительстве объявлено всем, что я посылаю стотысячную армию маньчжуров и союзных мне монголов покарать виновного!

Помощь духов и Неба была обеспечена. Служители стали раскладывать по чашкам жертвенное мясо: одну чашку поднесли Абахая, остальные роздали его спутникам, бэйлэ. Все с аппетитом принялись жевать свежую ароматную свинину. Покинуть храм можно было, только пережевав и проглотив все положенное в чашку мясо. Переступить порог храма еще дожевывая — было тяжким преступлением¹⁴.

Абахай первым кончил есть. Он вытер поданным ему платком руки и твердым шагом покинул храм. Судьба Кореи была им решена.

* *

*

В январе 1637 года Абахай со стотысячной армией напал на Корею. По армии был отдан традиционный для походов маньчжуров тех лет приказ не разрушать храмов, непокорных казнить, сдавшихся привечать, если город не оказывал сопротивления — его не разорять, если кре-

пость покорится — ее не грабить, при захвате людей жен и мужей не разлучать, одежды их не забирать, женщин не насиловать. Виповных судить по военным законам¹⁵. Не осаждая отдельных укрепленных городов, маньчжурская армия глубоко продвинулась на юг и подчинила восемь областей страны.

...Абахай вызвал к себе в шатер служившего помощником в министерстве финансов Мафута.

— Слушай, Мафута! Если я дам тебе триста солдат, переодетых в купцов, доберешься ты с ними под видом купеческого каравана до Сеула?

— Попробую, государь. А зачем?

— Пойдете в разведку, а случится, и вана корейского попугаете. Паника в столице, вот что мне нужно.

— Сделаем, государь.

Ночами быстрым маршем двигался к Сеулу необычный купеческий караван. На четырнадцатый день он достиг столицы. Небольшой корейский отряд, высланный навстречу каравану, был внезапно перебит «купцами». Корейцы припятили отряд Мафута за авангард уже подходившей к столице маньчжурской армии и вскоре начали переговоры. Глава государственного секретариата Кореи Цой никак не мог взять в толк, каким образом маньчжурская армия вышла к столице, и справедливо сомневался в том, что ее основные силы идут прямо вслед за Мафута. Он вышел со свитой за городские ворота и строго спросил Мафута:

— Зачем вы пришли?

Мафута не растерялся.

— Мы имеем повеление богдохана обсудить дела с ваном твоего государства.

«Послы и в таком виде?» — Цой никак не мог отделаться от того чувства, что перед ним и с его участием разыгрывается какой-то спектакль. «А если и впрямь послы? Кто их знает, с чего чудят?» — И чтобы оттянуть время сказал:

— Если вы явились обсуждать дела, то по обычаю, принимая послов, следует устроить пир.

У сеульских ворот кипел пир, а в это время семьи столичных вельмож искали спасения на острове Канхвадо. В столице началась паника, а Мафута все пировал с корейским министром, пока не обнаружил, что и сам ван Инджо бежал из Сеула. «Купцы» резво вскочили на коней и бросились в погоню за ваном Кореи, но Инджо надеж-

но укрылся в горной крепости Намхан. Подтянув артиллерию и доставив осадные орудия, маньчжуры приготовились к ее длительной осаде.

В одной корейской повести об этом говорится: «Вдруг небо и земля сотряслись от грома пушечных залпов. Одетые в броню всадники, словно стальные клещи, с четырех сторон окружили крепость. Вот они уже приставили к стенам длинные осадные лестницы, вот тянут вверх ружья и пушки, а вот уже железные ядра градом посыпались на головы защищавших крепость. Население в необычайной панике и беспорядке бросилось в глубь крепости, и оттуда слышались дикие, раздирающие вопли и стоны. Король был в ужасе и не знал, что тут можно сделать. И в эту ужасную минуту в воздухе громко прозвучали слова: „Мужайтесь, ваше королевское величество, и заключите с врагами мир. При этом вам не избежать того, что Лун Гуда возьмет в плен заложниками трех королевичей. Как ни тяжело, смириться во имя сохранения священных богов нашей родины — духов земли и злаков. Несчастье нашей страны неизбежно, мы терпим нашествие маньчжуров по воле Неба. Такова предрешенная судьба нашей страны, а избежать ее невозможно. Осмелившаяся заговорить с вами — недостойная женщина из рода Пак, жена начальника Кванчжуской крепости. Одним взмахом меча я могу снести голову с плеч Лун Гуда, все его тридцатитысячное войско уничтожить, как скошенную траву, но, да простит меня король, не смею нарушить воли Неба“. Король опустил на землю и без числа благодарил за спасительный совет. Затем он попросил мира. Мир был принят, и Лун Гуда, забрав с собой трех королевичей и королеву, снял осаду с крепости»¹⁶.

Ван Инджо не сразу внял воле Неба и голосу феи Пак. Вначале он пытался бежать из Намхана, но упал с лошади и сильно разбился¹⁷. В крепости не хватало продовольствия и воды, паек, рассчитанный на одного солдата, уже делили на двоих. Воду осажденные добывали только из четырех, особо охраняемых, источников. Пленный варка Ечэнь на допросе сообщил, что корейские войска четырех дорог идут на помощь осажденным. Маньчжуры сумели остановить их, не допустить к крепости. Отдельному соединению маньчжурских войск Абахай приказал войти в столицу и разорить город.

Одновременно маньчжуры разграбили Сеул и его окрестности. Вот как описывали события современники:

«Одетые в железо варвары, как морской прибой, ворвались в Большие восточные ворота столицы. Они стали убивать мирных жителей и грабить народ. Степания горожан потрясли все вокруг будто грохот прибоа. Родственники и супруги, стар и млад теряли друг друга и каждый миг ожидали смерти. То зрелище было ужасным. Страна попала в такую страшную беду, переживала смертельную опасность, а в правительстве не было человека, который мог бы спасти ее. Ван был бессилен что-либо сделать. В сопровождении шести-семи телохранителей и придворных он решил укрыться в горной крепости Намхан. Он поспешно покинул дворец, добрался до берега и взобрался на корабль. Горожане с воплями хватались за борта корабля, многие падали в воду и тонули. Невозможно было смотреть на это без содрогания. Вдовствующая ван, престолонаследник и три его брата проследовали на остров Канхвадо. Горожане, не успевшие бежать из столицы были порублены и потоптаны маньчжурской конницей»¹⁸. Мафута получил в награду соболью шапку и халат и звание батура, его подчиненным «купцам» было роздано сто пятьдесят три семьи в рабство, отданы скот и постройки.

Инджо выслал послов с письмом и просил «простить ему его проступки». Маньчжуры оставили письмо без ответа. Через десять дней в маньчжурский лагерь от Инджо было доставлено второе письмо, в котором он писал, что «силы его иссякли, настроение у него подавленное, ему только и остается, вытянув шею и встав на цыпочки, ждать решения своей судьбы».

Абахай продиктовал ответ:

— Сейчас у тебя еще есть войска. Хочешь остаться в живых, выходи из крепости, покорись судьбе. Хочешь сразиться, также побыстрей выходи и сразимся. Нечего понапрасну тратить изящные слова для заверения в верности, фальшью и ханжеством прикрывать содеянные проступки!¹⁹

Инджо не вышел из крепости ни для капитуляции, ни для боя. Он ответил письмом: «В полученных мною ясных указах мне многократно делались строгие предупреждения. И в оцепеляющем блеске осеннего инся таится намек на живительную весну. Почтительно прочел Ваше письмо, напуган и трепещу. Далеко простерлись величие и сила императора. Все окружающие народы объединились и сообща просили Вас принять почетный титул. Подчиниться одаренному Небом — это значит приобрести

светлую судьбу к обновлению. Ваше и мое маленькое владение десять лет были государствами, между которыми существовали отношения старшего и младшего брата. Оглядываясь назад и плачу по имевшейся вначале возможности к процветанию, душа полна запоздалым раскаянием. Ныне только того и желаю, чтобы изменить намерения и помыслы мои, смыть старые ошибки, возродить государство, получать Ваши приказы и быть как все соседние с Вами народы. Великодушно простите и дозвоьте самообновление. В соответствии с полученным письмом я сам имею намерение возвратиться на путь истины и человеколюбия. Но тяжкая осада еще не снята, императорский гнев по-прежнему велик. Боюсь, останусь ли я в городе, ждет меня смерть, выйду ли я из города, меня все равно ожидает смерть. Из-за этого и смотрю издалека на знамена дракона. Мой удел — самому решиться на то, чтобы испытать чувство стыда. Древние с городской стены совершали поклонение сыну Неба, чтобы только невозможно было нарушить приличия, но из-за крепких стен не выходили. Поистине сила войска велика и может устрашить. Коль скоро император милосерден к живым существам, как Небо и Земля, то и нашему государству дарует жизнь и пропитание. Добродетели императора подобны добродетелям Неба. Он искренне будет милостив, и я, осмелившийся высказать подлинные чувства, почтительно уповаю на его милостивые указания»²⁰. Было ясно, что Инджо требовал гарантий.

Отважные и удачливые Ингурдай и Мафута поехали в Намхан с ответом Абахая. «Ты пошел против воли Неба и нарушил союзный договор, — писал тот. — И сам спешешь оплакать свои преступления. Именно поэтому я лично возглавил войска и выступил в карательный поход с намерением не прощать тебя. Сейчас ты с трудом обороняешь единственный город. Лишь после того, как я несколько раз приказывал тебе раскаться в содеянном, стало известно, что ты раскаиваешься и выражаешь сожаление. В третий раз прислал письмо и просишь прощения. Я великодушен и разрешаю тебе лично заключить союз... призываю тебя лично прийти и покориться. ...Ныне приказываю тебе выйти из города и явиться ко мне. Во-первых, я лично смогу убедиться в том, что ты искренне и с охотой подчиняешься, а, во-вторых, смогу осуществить мое желание увеличить милости к тебе и прикажу тебе вечно быть государем твоего государства. ...Я, ко-

торый с помощью Неба умиротворил четыре стороны света, желаю простить тебе твои прошлые грехи и довести это до сведения Южной династии (Китай.— *Е. К.*). ...Ну, а уж если ты не выйдешь, то место это опустошу, фураж и провиант кончатся, и люди погибнут. ...Советников твоих, которые надоумили тебя нарушить союз, я желаю казнить. Теперь, когда ты действительно выйдешь из города покориться, то можешь для начала связать и взять с собой трех-четырех сановников, дававших тебе советы. ...Ну, а если ты не выйдешь сам, то уж, несмотря ни на какие твои настойчивые мольбы и просьбы, я не стану слушать тебя»²¹.

Слова подкрепляются делами. Пока император маньчжуров вел переписку с Инджо, отряды Дорая переправились на остров Канхвадо. Абахай справедливо рассудил: «Если захватим их жен и сыновей, то люди, запершиеся в крепости, сами подчинятся нам». Маньчжуры пустили в ход пушки и рассеяли корейскую флотилию, состоявшую более чем из ста кораблей, разгромили охрану и взяли в плен жену Инджо и двух его сыновей (старший был с отцом в Намхане). В плен к маньчжурам попали сотни жен и детей корейских придворных сановников. Корейская повесть сохранила описание этого события: маньчжурский полководец «со своим войском вторгся на остров Канхва. А комендант крепости Канхва Ким Нёнджин вместо того, чтобы готовиться к отражению нападения, держал хорошее оружие в арсенале, а сам только пил вино да полеживал. Вор вошел в крепость Канхва, приказал хватать вдовствующую ван, престолонаследника и тэгуну... и держать их под стражей. Затем он ввел войско в Селпхабболь.

— Если добровольно не сдадитесь... то вдовствующей ван, престолонаследнику и тэгуну не сдобровать.

А ван с министрами и воинами, окруженный в маленькой крепости маньчжурским войском в несколько рядов, только лил дождем свои монаршие слезы. Ким Чаджём не знал, как отогнать разбойников, и совершенно бездействовал. Он испугался треска вражеских барабанов, потеряв множество воинов, оставил свои позиции и расположил войско под самыми стенами горной крепости Намхан. Армейское продовольствие было расхищено, положение создалось угрожающее.

— Если не сдадитесь теперь,— крикнул разбойник,— то мы простоим здесь всю зиму, и к лету вы все-таки сда-

дитесь. Но чем вы будете питаться? Живо выходите и сдавайтесь!

Маньчжурские воины поднялись на вершину горы Ханый, разглядывали крепость, и их крики потрясали все вокруг. Услышав их, ван возвел глаза к небу.

— И у супруги моей нет убежища,— горько заплакал он,— а снаружи опасный враг. Как оборонить одинокую горную крепость? Да и продовольствие кончилось. Это Небо хочет моей гибели!

И он стал советоваться с министрами, как быть: сдать-ся или выдерживать осаду.

— Вдовствующая ван, престолонаследник и тэгун находятся в маньчжурском лагере,— сказали министры.— Да была ли когда-нибудь наша страна в такой беде? Разве не следует быстро сдать-ся, чтобы спасти вдовствующую ван, престолонаследника и тэгуну, чтобы сохранить престол?

— В старинном предании говорится: „Нерешительный всегда терпит поражение“,— сказал один министр.— Можно ли встать перед врагом на колени и терпеть оскорбления? Конечно, нужно оборонять крепость, не боясь смерти...

— Дорога отрезапа,— сказал ван,— ни один человек не может выйти из крепости. ...Думай не думай, а выход один — покориться. Иначе смерть. Больше не говорите мне о сопротивлении. Он возвел очи к небу и горестно заплакал. Весь мир, казалось, был опечален — и потоки, и горы, и деревья, и травы!»²²

Захватив жену и младших сыновей Инджо, Абахай вновь послал ему письмо: «Я захватил твою семью. Приказываю тебе прибыть заранее. Если ты снова промедлишь, то считай, что ты сам бросил свою семью и близких»²³.

Инджо, в свою очередь, еще дважды писал Абахая, но выйти из крепости все не решался. По-видимому, он требовал каких-то дополнительных гарантий и более конкретных условий капитуляции. Об этом свидетельствует очередное письмо Абахая осажденному корейскому вану: «Знаю, ты желаешь обезопасить алтари предков. Я уже отдал свой приказ и разве смогу изменить своему слову? Обещаю полностью простить тебе все прежние преступления и навечно установить так: считать потомков твоих и подданных из поколения в поколение оберегающими долгу верности. Ты лично, если ты раскаялся в совершенных

проступках и встал на путь самообновления и не забыл наших милостей, должен отказаться от использования девизов царствования Мин и принять календарь Великой Цин. Старшему сыну и еще одному из сыновей приказать стать заложниками, а также отдать в качестве заложников сыновей и младших братьев крупнейших сановников. Если ты не уклоняешься, то я оставлю на престоле тебя, а находящийся в заложниках сын станет наследником престола. В любом церемониале не нарушать старых правил в ваших отношениях с Мин. Когда я пойду в поход на Мин и призову на помощь твои пехоту, конницу и флот, то они не должны ошибаться в назначенных сроках сбора... Чтобы укреплять отношения мира и дружбы, ты и все внутренние и внешние сановники должны заключать брачные союзы [с маньчжурским двором и знатью]. Не разрешается захватывать и отстраивать новые и старые, обнесенные стенами, укрепления. ...Я сохраняю твое существование, оберегаю твои алтари предков, возвращаю тебе семью. Ты должен помнить мои вновь оказанные тебе милости. Если впредь потомки твои не нарушат долга вежливости, то государство твое будет существовать вечно»²¹.

Это были уже конкретные условия капитуляции. Вместе с письмом Абахая прибыли пленные на Канхвадо: один из дальних родственников вана и чиновник двора. В беседе с Инджо они сообщали, что его жена и сыновья жены и дети сановников, находящихся с ним в осаде, не обижены, благополучны и содержатся маньчжурами в отдельном помещении.

...Он ходил по маленькому дворику цитадели. Горы обступали крепость со всех сторон. Кругом теснились величественные вершины. Ярким мертвым светом освещала их луна. Холодное голубое сияние высвечивало сосны и кедры, покрывавшие склоны гор, ограду двора из сырцового кирпича, крытую сверху черепицей, густую траву. Дверь в павильон цитадели была открыта, в проеме смутно виднелись фигуры сидевших на циновках охранников. Его охраняли внутри, сторожили снаружи, а он был один, совсем один. И должен был принять решение, вероятно, самое важное в своей жизни. «Сдаться Абахая? Принять его условия, значит, порвать с Китаем. А кто еще из них одолеет? Сегодня здесь Абахай, а через год могут быть китайцы!» Увы! Небо действительно покинуло его.

Кар, кар, кар, — вдруг послышалось из ближайшего леса. Карканье вороны вывело его из оцепенения. «У Китая свой путь, а у Кореи — свой. Я должен думать о своей стране, о себе и о своих алтарях предков».

Он так быстро вошел в двери павильона, что стражники едва успели отскочить. В тесном зале его решения уныло ждали верные сановники. Опережая вопросы, Инджо сказал: «С рассветом послать к Абахая человека и сказать, что я приду сдаваться! Приготовить мне постель!» И не желая слушать искренних и показных воплей ужаса и увещаний, быстро ушел.

* *
*

Наступил час торжества Абахая. Он отдавал последние распоряжения церемониймейстеру. На восточном возвышенном берегу реки Ханган был сооружен алтарь и поставлен походный желтый шелковый шатер императора. Шатер намеренно был установлен как для простой, повседневной церемонии.

24 февраля 1637 года маньчжурская гвардия при оружии выстроилась в ряды около шатра. Абахай вышел из укрепленного лагеря и направился к шатру. Реял лес знамен, гремели литавры и дудки. Абахай переправился через Ханган и взошел на возвышение.

Одновременно Инджо в сопровождении своих гражданских и военных чинов, с печатью, пожалованной корейским ванам императорами Мин, выехал из ворот крепости Намхан. Не доезжая двух с половиной километров до ставки Абахая, он сошел с коня и пешком двинулся к ожидавшему его победителю. Ингурдай и Мафута, герои кампании, встретили его в шестистах метрах от шатра и уведомили о церемониале капитуляции.

Абахай встал с походного кресла-трона. Затем он, Инджо, корейские принцы, маньчжурские и корейские сановники троекратно преклонили колени и девять раз поклонились Небу.

Абахай торжественно вернулся к креслу-трону и сел. Инджо и его приближенные опустились на колени. Глядя в надменное, торжествующее, сытое широкое лицо Абахая, Инджо заговорил:

— Император милостив, как Небо, и простил своему подданному десять тысяч его преступлений. Живо уже

умиравшее тело, существует уже погибшее государство. Теперь я признаю свою вину. И прибыл к императору, который милостиво позволил мне исправиться. Потомки потомков моих не забудут этой щедрой милости!

— Ван корейского государства осознал свои ошибки и пришел сдаться! — Абахай сделал паузу. — Разве я стану помпить старое? Ныне и впредь буду предан до конца, не забывая оказанной тебе милости! Не станем обсуждать прошлые дела.

— Милостив император, — вскричал Инджо. — Маленькое владение не знает, какое почтение и оказать ему!

Ведомые церемониймейстером, Инджо и его приближенные совершили троскратное каждый раз с тремя поклонами коленопреклонение, и Абахай торжественно провозгласил:

— Хотя Корея и потерпела поражение в войне, ты остаешься государем единого государства!

Инджо встал, приблизился к Абахая и был милостиво посажен слева от него. Его старшего сына и наследника посадили также слева, в одном ряду с маньчжурскими великими князьями и бэйлэ. Остальные сыновья Инджо были рассажены справа от Абахая.

Начался банкет, подали угощения. После пережитых унижений кусок не шел в горло Инджо, но приходилось есть, пить, улыбаться и изображать искреннюю преданность этому зарвавшемуся кадару. «Как непостоянны милости Неба!»

После угощения привели жену Инджо, жен и детей савновников и торжественно передали их коленоприклоненным корейцам. Затем внесли и вручили Инджо подарки Абахая — черную соболью шубу и дорогое седло. По соболей шубе подарили его жене и сыновьям.

Ингурдай и Мафута провожали жену Инджо и его детей в Сеул, а затем самого Инджо в его резиденцию. Не было только отныне в семье вана Кореи его старшего сына, наследника престола — Ымъа и второго сына Инджо — Хо. Они остались заложниками у маньчжуров. Тыл для активных действий против Китая был обеспечен, так же как за несколько лет до этого был обеспечен и правый, монгольский фланг.

Глава третья

ПЕЧАТЬ ЧИНГИСХАНА

Бездушен черный оттиск твой,
к чему примеры?
Добро и зло заверишь ты тотчас.
Поставьте лучше справедливости
и веры
Печать на сердце каждого из нас!

Цанъян Джамцо, Шестой Далай-лама

Приступая к описанию взаимоотношений маньчжуров с монголами, В. В. Горский писал: «Начиная с берегов Нонни-улы до границ Туркестана и от Великой стены до подошвы Алтая тянется необозримая полоса земли, бедной по своим произведениям, необыкновенной по своей истории. Племена, населяющие эту страну, не строят городов и деревень, не знают домов и постоянных жилищ, не занимаются земледелием, обитают в тесных и низких юртах, кочуя со своими стадами по местам, богатым водою и пажитями. ...Линдань, последний хан из дома Чингисова, хотел восстановить древние права своего рода, но, опираясь на законности своих желаний, он требовал не союза, а безусловной покорности»¹.

Лигдан-хан, правитель чахаров, по праву первородства среди потомков Чингисхана и юаньских императоров носил титул «всемонгольского хана». В его руках была яшмовая печать юаньских императоров, некогда правивших Китаем. Бежавший из Пекина обратно в монгольские степи последний император династии Юань — Тогон-Тэмур — увез ее с собой. После его смерти двести лет печать считалась утерянной. Рассказывают, что один пастух как-то заметил овцу, которая три дня не щипала травы, а, стоя на пригорке, ковыряла копытом землю. Придя на это место, пастух нашел императорскую печать. Он отдал ее потомку юаньских императоров тумэтскому Бошокту-

хану из Хух-Хото. От него-то печать и попала к Лигдан-хану². Печать давала Лигдан-хану право на управление государством и основание претендовать на старшинство среди монгольских ханов. При случае ее можно было счесть и свидетельством прав на управление Китаем.

Вражда Лигдан-хана с маньчжурами началась еще при отце Абахая — Нурхацци. Чахарский правитель, мечтавший о восстановлении былой славы предков и, чего греха таить, возрождении мощи монголов, был страшно разгневан, когда ему доложили, что десяти тысячный сводный отряд нескольких монгольских князей разбит маньчжурским князьком Нурхацци под городом Тэлинчэн. «Эти вырвавшиеся из восточной тайги маньчжуры постоянно нападают на Китай и забирают часть его, Лигдан-хана, законной добычи. И потом, восточные хорчинские монголы завели шашни с этим Нурхацци, который тоже именует себя ханом. Минган отдал ему в жены свою дочь. Станут ли они после этого признавать меня всемонгольским ханом? Да и вообще, что он делает, этот Нурхацци? Разбил и взял в плен, так следовало разорить и казнить, а он отпустил пленных. Кого? Моих соперников! Если не прищемить этому лесному волку хвост, то он, пожалуй, наведается и в мое стадо».

— Позови писца,— приказал он слуге. Пока ходили за писцом, Лигдан, чтобы поддержать в себе боевой дух, осушил две чаши кумыса. Писец вошел в ханскую юрту, привычно уселся на войлок, разложил бумагу, достал калам и тушь.

— Пиши! «Владельцу прибрежного государства с наородом в три десятка тысяч человек от правителя монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисхана». Писец искоса удивленно взглянул на хана, но, как и положено ему, возражать не стал. «Мины и мы, оба наших государства, являемся врагами. Мы осведомлены,— диктовал Лигдан-хан,— что ты, начиная с года коровы, неоднократно досаждал минскому государству. В этом году (1619.— *Е. К.*) летом я сам ходил походом на минский Гуаннин, покорил город, захватил собранные в нем налоги. Если твои войска пойдут на Гуаннин, я усмирю тебя! Мы, хан Лигдан и ты, обменивались ранее послами. Последний раз твои послы выразили недовольство приемом, заявив, что я принял их не по обычаю. Пришли их снова, мы возобновим прежние отношения»³.

«Вот так-то лучше,— подумал писец,— а то послы с твоим письмом не вернутся домой живыми».

...12 ноября солнечным осенним днем, когда иней серебрил черепичные крыши дворца, чахарские послы прибыли к маньчжурскому хану. Все шло своим чередом, пока Нурхаци не прочитал письма. Он побагровел, но сдержался и приказал страже вывести послов и взять их под арест. Когда послов вывели, Нурхаци скомкал письмо, бросил его на пол и начал топтать ногами.

— Этот наглец! Титулует себя Чингисханом?! Собирается усмирить меня, мерзавец! Коровья лепешка! Да я рассею твоё ханство, как козы сеют горох из под своего хвоста по степи.

— Что будем делать? — обратился он к присутствовавшим на приеме послов бэйлэ.

— Казнить немедленно, казнить за дерзость их хана! — советовали одни.

— Лучше отрезать носы, уши и так отправить обратно! — говорили другие.

«Казнил бы,— думал Нурхаци.— Носы и уши отрезать тоже неплохо. Но дело, дело требует другого. Рано воевать с чахарами. Как там пишет этот ублюдок? — Нурхаци поднял с пола смятое, грязное со следами от его сапог письмо: „Мины и мы, оба наших государства, являемся врагами...“ Вот-вот. Мины, Китай, наш главный враг, а не чахары. Умнее будет предложить им союз против Минов». Он сказал бэйлэ:

— Я тоже в гневе. Однако посол ни в чем не повинен. Преступник тот, кто послал его. Оставьте посла и членов посольства. Я тоже имею, что ответить!

Посол Лигдан-хапа Капхала-Байху остался в заложниках, а в орду мчался Тусубаши — посол Нурхаци — с письмом, содержащим ответные обидные слова, но и предложение совместного союза против Мин: «Я прочел присланное письмо. Ты называешь себя государем сорока десятков тысяч монголов, а меня называешь государем прибрежного государства с населением в тридцать тысяч человек. С какой это стати ты полагаешься на это число подданных, чтобы надменно обращаться с моим государством? Мы слышали, что во времена минского Хун-у (1368—1398), когда был взят ваш Пекин, ваши сорок десятков тысяч монголов были разбиты полностью и спаслись бегством всего шесть десятков тысяч человек: десять тысяч ордосцев, десять тысяч тумэтов, десять тысяч асу-

тов, юнсебу, харацин — все, каждый, имеют управляющего или государя, а из оставшихся тридцати тысяч, также не все подчиняются тебе. Считай, что в твоём-то государстве нет и тридцати тысяч человек! Не слишком ли большая патяжка заявлять надменно о сорока десятках тысяч и легкомысленно считать, что в моем государстве тридцать тысяч человек. Разве Небу и Земле неизвестно, что мое государство не уступает твоему по численности, а моя сила не уступает твоей?... Ты дважды ходил походом на Мин? Сколько людей ты взял в плен? Какие города подчинил? Какие армии разбил? Разве мины страшатся тебя? А за что мины одаривают тебя? Подобная, невиданная ранее щедрость от того, что они боятся моих походов... Мины и Корея различны по языку, однако одежды и [государственное] устройство у них одинаковые. Оба государства выше всего ставят единомыслие. Вот и мы, хотя и различны по языку, но по платью и устройству тоже одинаковы. Если вы действительно понимаете суть происходящего, то в присланном письме должны были бы сказать: „Мины — наши смертельные враги. Император ходил походами против них и, получив благословение Неба и Земли, разрушил их города, уничтожил их народ. Желаем с государем, к которому благоволят Небо и Земля, составить общие планы для того, чтобы идти походом против глубоко ненавистных нам минов“. Разве такие слова не были бы намного лучше?»⁴

...Лигдан-хан приказал надеть на Тасубаши кангу — деревянную шейную колодку и держать его под стражей. Тасубаши впоследствии удалось бежать, но еще ранее до Нурхацци дошел слух, что чахары казнили его посла, и он в гневе приказал казнить посла Лигдан-хана. Маньчжурско-чахарского союза против Китая не получилось, возникла лишь маньчжурско-чахарская вражда.

Восточные монголы тянулись к маньчжурам. «Пять халхаских племен» заключили вечный клятвенный союз с Нурхацци: «Только Мин — враждебное государство. Если будет поход против него, непременно единодушно согласуем планы своих действий!»

* *
*

Слуги ловко забили белую лошадь в жертву Небу, черного быка в жертву Земле. Поставили четыре чаши — одну с вином, вторую с мясом, третью с кровью и четвер-

тую с сухой костью. Маньчжурские и монгольские послы встали. Глашатай объявил: «Клятва Небу и Земле: Мы, бэйлэ, управляющие десятью маньчжурскими знаменами, и бэйлэ, управляющие монголами, при благоволении Неба и Земли соединили свои помыслы и силы и считаем своим врагом Мин. Если кто-то из нас откажется от своей старой ненависти к Мин и заключит с минами договор о мире, это также надо будет обязательно обсудить совместно и только после этого можно будет допустить. Если маньчжуры нарушат скрепленное клятвой соглашение равных сторон и, не посоветовавшись с монгольскими бэйлэ, первыми заключат мир с Мин, то государь Небо и государыня Земля покарают их за это. Если минское государство пожелает заключить мир с монгольскими бэйлэ, тайно будет побуждать их отделиться и кто-то из бэйлэ не доложит об этом нашему маньчжурскому императору, государь Небо и государыня Земля также покарают их за это. Со всеми виновными приключится беда — жизнь их станет короткой, и они умрут, истекая кровью, подобно этой крови, а покрывшись землей, превратятся в сухую кость, подобно этой кости. Если же мы, оба государства, будем соблюдать слова, скрепленные клятвой, соглашение равных сторон, то Небо и Земля помогут нам, защитят нас!».

Пошли по кругу чаши с вином и мясом. Послы пили вино, ели мясо, провозглашали здравицы: «Да будут долговечны бэйлэ, управляющие обеими государствами!»; «Да будет у них сто поколений сыновей и внуков на десять тысяч лет!»; «Да будут два государства как одно целое!»⁵.

Так соседние с маньчжурами монголы связали свою судьбу с будущей порабощительницей монголов династией Цин, а Лигдан-хан лишился естественных и возможных союзников. Впоследствии Нурхацци и его преемники сделают твердый «вывод о необходимости применения в борьбе с монголами тактики дробления сил противника и уничтожения его по частям»⁶.

В апреле 1624 года такой же клятвенный союз равных сторон заключили с маньчжурами хорчинские монголы. Их общим врагом был объявлен Лигдан-хан: «Маньчжоу и Хорчин, оба государства, испытывая негодование из-за оскорбления со стороны Чахара, устанавливают дружбу и заключают союз»⁷.

Вплоть до 1636 года для внешнего мира маньчжуры

имели три разных лица. По отношению к Мин они признавали за собой статус зависимого государства — шуго (в 1634 году Абахай писал минскому двору: «Маньчжурия — зависимое государство, это говорит не только минский император, я и сам никогда не отрицал этого»). С монголами они вели себя двояко — с одними вступали в союз мэн — скрепленное клятвой соглашение равных сторон, с другими — проводили имперскую политику китайского образца, требуя от них «переходить под их власть» — гуйфу. И наконец, тех, кого маньчжуры хотели подчинить, — призывали покориться, если они не откликались на «призвание», не покорялись, их ожидали карательный поход и подчинение силой⁸.

11 августа 1627 года Абахай у местности Дурбишаньган переправился через реку Ляохэ и в пяти километрах от нее встал лагерем. Он ждал прихода найманского хана Ганьчук-Батура, который после нападения на них чахаров в начале этого года вместе с монголами аохан решил подчиниться маньчжурам. Ганьчук-Батур прибыл на следующий день. Абахай лично вышел из лагеря встречать его. Совершив поклонение Небу, он возвратился в лагерь и сел на походный трон. Приглашенный для переговоров Ганьчук-Батур объявил:

— Поскольку чахарский хан стоит не на праведном пути, мы пришли для того, чтобы просить покровительства у священномудрого государя.

— Многие бэйлэ издалика приходят подчиниться и перейти в мое подданство, — ответил Абахай. — Претерпевшим трудности в пути можно и не кланяться, можно повидаться.

— Люди из других государств приходят издалика, чтобы подчиниться, для того, чтобы быть облагодетельствованными беспредельными милостями императора и собрать рассеянное. Разве осмелюсь не кланяться?

Ганьчук-Батур опустился на колени и поклонился.

По сигналу Абахая внесли вино и угощение. Ганьчук-Батур был посажен справа, аоханский хан Сэчэн-Джорикту — слева. Прочие монгольские тайши расселись по двум сторонам. Пир был в разгаре, когда появились подарки главам племен — дорогие седла и породистые кони. Абахай, обращаясь к Небу, объявил;

— Чахарский хан нарушил закон и обычай, пролил кровь своих братьев и тем самым вызвал ненависть бэйлэ племен аохань и найманов. Они пришли и подчинились мне. Если я не увеличу мою заботу о них, стану смотреть на них как на собранный рассеянный народ, силой переселю их в мои внутренние земли, то верховное над всеми Небо, увидев, как в зеркале, отражение всего этого, покарает меня. Если же по отношению к ним я увеличу свою любовь и заботу, обеспечу безопасность их границ, а бэйлэ, послушавшись наущений чахаров, изменят мне или станут двоедушничать, то Небо так же, как в зеркале, отразит все это и покарает их. Лишь в том случае, если мы взаимно не нарушим договора, Небо поможет нам и благодетельствует и осчастливит навечно. Потомство наше расцветет и умножится на тысячу осеней, на десять тысяч поколений. Мы вечно станем наслаждаться счастьем и миром!⁹

Одобрительными криками монголы выразили свое согласие, и на вольном просторе, под голубым небом продолжился пир. На следующий день, заколов двадцать быков, две лошади и четыреста баранов, монголы устроили ответное угощение. Повсюду были разложены груды ароматного мяса, рекой лилось вино, десятки поваров и слуг сутились у котлов. В эту августовскую ночь ближние и дальние подступы к реке Ляохэ освещались яркими, как звезды, кострами. Росло число обиженных чахарским Лигдан-ханом, росло число монгольских союзников Абахая.

* *
*

В начале 1628 года к Абахая прибыли послы хорчинского табунанга Субуди с предложением вновь заключить клятвенный союз равных сторон против чахаров. «Чахарский хан,— писал Субуди,— и его братья утратили истинный путь. Он ранит и уничтожает свои кости и плоть. Хорчинские племена обмануты им и разорены, он захватил наших людей, скот и имущество. Наш хан и Буянь тайши Бошокту-хан, ордоский джингонг Тунюнсету, асутский Абагэ и все племена Халхи, соединив войска, дошли до города Чжаочэн Гэгэн хана из племени туматов и уничтожили расквартированную там армию в сорок тысяч человек. В то время, когда мой хан и Бу-

янь тайши во главе стотысячной армии возвращались назад, они вновь наткнулись на отряд чахаров в три тысячи человек. Прибыв в мишский город Чжанцзякоу, они просили награды, но не получили ее, и, вернувшись, всех их (чахаров.— *Е. К.*) истребили. Ныне Абагэ из левого крыла и все племена Халхи выслали послов и, выражая пожелание объединенными силами поднять войска и переговорить о совместном походе с Тянь-цун императором (императором, правящим под девизом царствования Тянь-цун.— *Е. К.*), предлагают заключить договор. Корень этого чахарского хана поколеблен, и пользуясь случаем, тогда, когда лошади будут откормлены и сильны и наступит время зеленой травы, можно поднять войска Абагэ, хорчинов и тумэтов и захватить его. Великому государству, если оно желает выступить в поход, следует откормить коней, отточить оружие и в назначенный срок отправиться».

Судьба явно была благосклонна к Абахаю. Он читал послание хорчинов и радовался. Лигдану нанесен ущерб. Восточные монголы поддерживают его и предлагают совместный поход. Монголов нужно подчинять поодиночке. Одних приласкать, с другими заключить союз равных, третьих разорить, а то и истребить. Если сокрушить Лигдана, у монголов не останется человека, который хотел бы их объединить. И Абахай продиктовал ответ: «Вы считаете, что чахарский хан не идет по истинному пути, и желаете заключить с моим государством мир, соединить войска и покарать его. Можете каждый прислать людей для переговоров».

В середине лета 1628 года хорчинцы прислали четырех лам и пятьсот с лишним человек для заключения клятвенного союза равных. Послов встречали маньчжурские бэйлэ Ацзигэ, Иото и Сахалянь, при встрече, а затем по прибытии в столицу в их честь устроили пир. После по всей форме был заключен клятвенный союз.

Теперь все монголы, нападавшие на чахаров и грабившие их, спешили к маньчжурскому хану за наградами и титулами. А в октябре 1628 года маньчжурские и союзные им монгольские войска во главе с Абахаем выступили в поход на чахаров.

К условленным местам подходили союзные войска: аохань и найманы сошлись в местности Дурби, халхасцы — в Ляояне, джаруты — в Чжоро-коль. Семь дней стояли лагерем, пока подошли хорчинцы. Поход начинал-

ся с пиров и раздачи подарков — денег, верблюдов, коней, доспехов.

В желтом походном шатре Абахай собрал маньчжурских бэйлэ и монгольских предводителей. Поджав ноги, они уселись на белые войлоки у подножия походного трона Абахая. Хан велел обнести всех чаем или кумысом, потом, видя вялость уставших от бурных возлияний гостей, приказал подать архи. Абахай, потягивая ароматный чай из тонкой фарфоровой пиалы, наблюдал. Когда водка и кумыс придали приглашенным бодрости, он уже передумал произносить заранее подготовленную речь, а коротко объявил:

— Приказываю: сейчас всем спать, выступаем ночью.

Ночная степь горько пахла полынью и конским потом. Почти молча конные отряды, ориентируясь по яркому звездному небу, один за другим двигались по степи. Когда поблекли звезды и засерел рассвет, отчетливо стали видны черные конские морды и бледные лица людей. Выйдя к намеченным рубежам Сирха — Сибот — Иптанту, маньчжуры и восточные монголы с ходу атаковали и разбили передовые силы чахарской армии. Бой был короткий, и скоро стало ясно, что чахары боя и не принимают, а отходят в глубь степей, к Калгану и китайской границе.

Абахай приказал прекратить преследование, а к следующему утру сформировать специальный отряд из отборной конницы для поисков и преследования Лигдана.

Теперь основные силы, отяжелевшие от захваченных скота, людей, имущества, двигались медленно. Когда дошли до Хингана, Абахай отдал приказ не грабить и не убивать чахаров без нужды (до этого всех их, оказавших хоть малейшее сопротивление, убивали; пленных, особенно женщин и детей, было «без счета»). Несколько соседних с чахарами монгольских племен, обиженных ранее чахарами и напуганных нашествием, поспешили добровольно подчиниться.

Скоро Абахая стало ясно, что продолжать поход бессмысленно. Лигдан-хана поймать не смогли, армию все труднее стало удерживать от грабежей. В одно прекрасное утро Абахай поручил бэйлэ отвести войска, а сам с личной охраной покинул чахарские владения и по первому зимнему пути отправился на охоту. Уже не очень беспокоясь о поимке Лигдана и поняв, что его победа заключалась не в ней, а в более прочном подчинении восточных

монголов, он, пользуясь теплым зимним днем и обильным свежим снегом, утешился тем, что убил пять тигров и с бóльшим удовольствием принимал от своих сановников поздравления с удачной охотой, чем с походом на чахаров¹⁰.

Весной 1631 года Абахай снова задумал поход на чахаров. Во все концы Восточной Монголии из Мукдена были посланы гонцы, которые призывали местные племена присоединиться к походу. Маньчжурская армия, возглавляемая самим Абахаем, дошла до Саньва и разделилась на два крыла — левое, под командованием Цзиргалапа, и правое, под командованием Иото. Войска еще два дня двигались в сторону чахарских владений, когда прибыл хорчинский тушэту-хан Удба. Известие, которое он привез, не принесло Абахая радости. Удба объявил, что монголы пока не собираются выступить. Как не уговаривал его Абахай, Удба твердил одно:

— Подождем, когда кони нагуляют тело, а после выступим. Только так можно успешно завершить дело!

Абахай отпустил Удба, не добившись от него толку, и шестнадцать маньчжурских гонцов поскакали возвращать из похода армию. У хана мелькнула мысль: «А не выступить ли против Удба?». Но он ее быстро прогнал. По своим войскам Абахай объявил: «Монголы не могут собраться, у них кони болеют».

Через год, весной 1632 года, снова подняли войска на чахаров. Удба и сопровождавшим его монголам Абахай на первой весенней траве устроил пир. Уже собирались расходиться, когда неподалеку от Абахаа неожиданно пролетел фазан. Хан, не вставая с места, быстро протянул руку, взял лук, наложил стрелу и выстрелил. Подбитая птица глухо ударилась о землю. Абахай засмеялся:

— То же сделаем и с Лигданом!

Монголы повскакивали с мест и, отвешивая поклоны, забормotalи:

— Счастливое предзнаменование! Счастливое предзнаменование!

* *
*

Уже несколько дней Абахай не слезил с коня. Он с юношеских лет привык к трудностям дальних походов и любил мерный топот коней, запах конского пота, бря-

цанье оружия, волнующе-тревожное ожидание встречи с врагом. «Счастливое предзнаменование!» — говорили монголы. Оно сбудется! Года не прошло, как он послал им приказ о новом походе. На этот раз они не отвернутся, не отговорятся тощими конями. Приказано каждому лично явиться во главе своих войск — и явились! Приказано строго соблюдать дисциплину во время похода, подчиняться законам военного времени — и подчиняются! Стоишь лагерем — собирай топливо, паси коней, носи воду. Едешь — двигайся походным строем, в своем отряде. Соблюдай безопасность, заронившим огонь — смерть. Как и в прошлом походе, войска после переправы через Ляохэ сошлись в Дурби. Абахай стоял вместе с бэйлэ в лодке и любовался тем, как тысячи всадников поочередно спускаются к воде и, переплыв реку, присоединяются к уже переправившимся на другой берег. Припекало весеннее солнце, под сине-голубым небом на бескрайней холмистой равнине ярко зеленела трава. Абахай, с детства привыкший к лесу, шуму кедров над головой, вдруг подумал, что не любит степи, даже такой, по-весеннему зеленой, алеющей маками и тюльпанами. Но тут же его захватили другие мысли — сильно беспокоило бездействие противника. Как и в прошлый раз, Лигдан-хап уводил из-под удара свои войска, а по возможности, и людей со скотом.

Подъехал вестовой и доложил, что поймали чахаров.

— На привале приведите ко мне, допрошу сам.

В балке, у ручья, к нему привели пленных.

— Кто такие?

— Чахары, Лигдан-хана люди.

— Где ваш хан?

— Не знаем.

— А если дадим плетей?

— Все равно не знаем.

— Отрежьте-ка вон тому ухо, что он скажет!

Маньчжурский солдат подскочил к крайнему молодому монголу, который, как и все, стоял перед ханом на коленях со связанными руками. Мелькнул нож, монгол тонко, по-детски вскрикнул, и по желтой скуле, по грязной, немойтой шее хлынула за ворот халата алая полоса крови.

— Так где Лигдап-хап? Или тебе не жаль второго уха? И носа? Монгол молчал. Абахай уже хотел дать знак отрезать ему второе ухо, как другой монгол, постарше, сказал;

— Оставь его, хап. Он ничего не знает. И никто из нас не знает, где хан, хоть режь ты нас на куски. Одно известно, хоть и не след говорить, как пошел ты на нас походом, ночью из твоего лагеря, от Эдид-Дархана, бежали два монгола, угнав с собой шесть лучших коней. Два дня и две ночи проскакали они, чтобы доложить Лигдан-хану о скором вторжении твоего бесчисленного войска. Ушел Лигдан-хан, и войско увел, людям своим, у кого больше двух коров, приказал уходить кому-куда или следовать за ним, тем, кто сможет, даже не запретил уходить к Мин.

— Уведите их!

Абахай поверил монголу. Но поход прекратить, как в первый раз, не захотел. И решил: «Как нож сквозь масло, пройду я через это чахарское ханство». Вскоре лазутчики доложили: Лигдан-хан укрылся в Кух-Дэрсу, что в месяце пути отсюда.

Отдав традиционный приказ: огня без команды не разводить, сопротивляющихся убивать, покорных брать в плен и делить поровну, храмов не грабить и на постой в них не становиться, женщин не насиловать (нарушившему приказ — смерть, а жену его обратить в рабство), Абахай повел свое войско в глубь владений чахаров.

...Который день шли по чахарской земле. Не было армии хана Лигдана, почти не было его людей. Лишь по дороге на Джургэту встретили большое стадо сайгаков. Сайгаки шли так плотно, что Абахай одной стрелой уложил сразу двух. Бэйлэ и солдаты бросились на стадо сайгаков, как на врага. Сам Абахай так вошел в азарт, что лично застрелил пятьдесят восемь этих изящных, степных коз.

Потом пошли безводные районы. Страдая от жажды, солдаты меняли тушу сайгака на чашку воды. Не было воды, не было добычи. Войско роптало. Добычу следовало обеспечить во что бы то ни стало. Абахай решил разделить войска. Бэйлэ Ацзигэ был поставлен во главе левого крыла, вместе с ним были монголы: хорчинцы, бааринцы, джаруты, харачины, тумэты. Эта армия выступала в направлении минского города Датун. Вторая, двадцатитысячная армия во главе с Цзиргаланом, Иото, Дэгэлэем, Сахалянем, Додо и Дораем двинулась на Гуйхуачэн (Хух-Хото), в район Хуанхэ. Отряд в пятьсот человек должен был обеспечить переправу через Хуанхэ. Сам Абахай с Дайшанем и Мангуртаем вслед за этими двумя колоннами повел третью группу войск. Все чахары, бе-

жавшие к границам Мин, были выловлены и захвачены в плен. По требованию Абахая китайские власти крепости Шахэбао выдали ему укрывшихся здесь чахаров, их скот и их имущество. Добычу делили прямо на месте. Каждый бэйлэ получил по десять коров или быков и по сто овец¹¹.

Уже в это время, в 1632 году, Абахай думал о завоевании Китая и установлении своей власти над Поднебесной. В письме китайским властям города Датун, объясняя приход своих армий к границам Мин, он писал: «Мною подняты войска, но я не желаю захватить Срединную равнину (Китай.— *Е. К.*) и получить Поднебесную»¹². И вообще, не оказав ляодунские чиновники помощь атакованным маньчжурами ехэ, не было бы и причин для ссоры, не было бы «семи обид»¹³. В письме к китайским властям крепости Шэнбао Абахай фактически объявил земли чахарского ханства своими, так как писал «о живущих у меня чахарах»¹⁴.

Абахай не разбил Лигдан-хана, но фактически все ценности, которые тот сам или его люди укрыли в пограничном минском районе Гуйхуачэн — Датун — Калган (Чжанцзякоу), были отданы испуганными минскими властями маньчжурам. Китайским пограничным властям было чего страшиться — союзная армия Абахая представляла собой внушительную силу. Когда ставка хана размещалась по соседству с Сюаньфу, протяженность границы ее территории по окружности достигала десяти километров, а сам лагерь состоял более чем из тридцати рядов расквартированных в нем войск. Он был окружен ровом шириной и глубиной три с половиной метра¹⁵. В центре лагеря возвышался желтый шатер Абахая, а слева и справа — походные шатры его бэйлэ. Действовавшие на свой страх и риск местные власти Сюаньфу предложили Абахая заключить с ними клятвенный союз равных. Хан пошел на это, ибо было очевидно, что китайские чиновники действовали вопреки имперской доктрине. Состоялась церемония принесения в жертву Небу белой лошади и черного быка с сожжением текста клятвенного договора.

Собственно, на этом поход 1632 года против чахаров закончился. Сражений не было. Союзные войска действительно, как нож сквозь масло, прошли через владения чахарского хана, похитив все, что возможно. Лигдан-хан спас себя, часть своих сил, но был, очевидно, разорен. В августе Абахай возвратился в Мукден¹⁶.

Чахарский вопрос для мапчжуров этим походом не был решен. В мыслимом треугольнике, враждебных маньчжурам государств — на востоке Корея, на западе — Чахарское ханство, на юге — Китай — чахары продолжали оставаться одним из острых углов. Именно с них на военном совете 1633 года бэйлэ Дуду призывал начать расправу с враждебными силами: «Если сможем разбить чахаров, то у Поднебесной сам собою лопнет желчный пузырь!»¹⁷, т. е. она лишится мужества и воли к сопротивлению. Были и иные мнения. Бэйлэ Сахалынь уверял Абахая, что чахары зарылись в норы, фактически уже сгубили сами себя и не стоит забивать себе голову составлением каких-то экстренных планов в отношении их¹⁸. Мудрый Абахай решил вопрос неожиданно: он предложил совершить поход против Мин через территорию чахарского ханства в направлении на Датун.

Лигдан-хан чахарский лежал один в юрте на трех войлоках до пояса укрытый мягкой овчиной. Его лицо, плечи, живот, спина горели. Страшный зуд мучил хана, и он, наверное, раздирал бы, рвал и давил эти противные величиной с горох помета новорожденного козленка волдыри, если бы руки его не были предусмотрительно связаны сыромятым ремешком. Юрту с ханом поставили в глухом урочище, и рядом выставили знак, предупреждающий редких путников о том, что здесь поселилась страшная заразная болезнь. За ханом ходила молодуха с рябым лицом, а за стеной юрты, снаружи читал молитвы-обереги о благополучном течении болезни лама, тоже рябой. Им с молодухой оспа уже была не страшна.

Хан помнил, как заболел, как к вечеру вдруг у него началась ломота в суставах и пояснице, как болели мышцы рук и ног. Потом на бедрах, особенно с внутренней стороны, и на животе появилась мелкая красная сыпь. Хан метался в жару, его жена и близкие не отходили от него. Но когда на четвертый день его тело стало быстро покрываться волдырями, окружающих объял ужас — в их кочевье пришла черная оспа. Лигдан повелел сыну и жене покинуть его и поступить с ним так же, как с другими монголами, на которых духи наслали эту заразу, — оста-

вить его одного выжить или умереть. Когда монголка подавала пить, он, глядя на ее изрытое оспинами лицо, пугался. Но тут же решал, что если ему повезет, уж лучше остаться рябым, чем умереть.

Он лежал и в полузабытии вспоминал, как получил известие о том, что армия маньчжуров и союзных с ним предателей монголов перешла Шара-Мурэн (Ляохэ) и снова двинулась на его чахаров. Как и прежде, он решил сохранить силы и уклониться от столкновения. Но как рассеяться всему пароду? Маньчжуры решили сманить как можно больше его подданных. Лазутчики докладывали: хан Абахай приказал своему войску храмов не разрушать и не грабить, путников не трогать, не отбирать у пленных имущество и одежду, мужей с женами не разлучать, не заставлять пленных пасти копей, сдавшихся им в плен беречь и заботиться о них. Абахай уверял, что у маньчжуров и монголов языки разные, а одежды и шапки — одинаковые¹⁹. Первым сдался маньчжурам Туба джинонг со своими людьми. И не только сдался, а присоединился к маньчжурам и монголам, идущим через его родные чахарские степи в поход на Мин. За ним последовали Эринчин-Дайчин, Дорджи-Тасурхай, Гуши, Буяндай, Сайми, Юпдупь-Цэцэн, Оболай Салинь тайши, Сайлинь-Мэргэн батур. Сдался маньчжурам его дядя Могитай. На пиру, устроенном для него за предательство, этот кусок коровьей лепешки уверял, что сдался из-за притеснений Лигдан-хана. Затем известия о переходе его чахаров на сторону врага стали прибывать одно за другим. Его люди вместе с маньчжурами устремились в Китай за добычей или ушли на Куку-Нор.

За теми, кто откочевывал на Куку-Нор, пошел и Лигдан, подальше от этих проклятых маньчжуров, да вот заболел. В чем же он ошибся? Наверное в том, что не собрал свои силы в единый кулак, уклонился то боя. Более того, сам не пошел походом на маньчжуров, в их вонючее царство. Он сжал свои изъязвленные пальцы в кулак, и внезапно его озарило. Они, монгольские ханы, потомки священномудрого Чингиса, забыли завет своей прародительницы Алан-Гоа — быть едиными, быть связанными воедино, как тот веник, который не смогли переломить ее сыновья, его далекие предки, и который, развязав, легко переломала по пруту их мать. Также поодиночке их поломали и маньчжуры. С этой мыслью он и умер на десятый день после начала болезни.

Сведения источников о смерти Лигдан-хана таковы: «Из братьев чахарского Лигдан-хана половина подчинилась ранее. А Лигдан-хан со своими оставшимися людьми, спасаясь от меня (Абахая.— *Е. К.*), бежал на запад. Не достигнув владений таггутских племен, он умер в местности Дацаотань, во владениях шара-уйгуров»²⁰. «Лигдан-хан заболел оспой и умер в местности Дацаотань в десяти днях пути от Куку-Нора»²¹.

Один за другим переходили к Абахая чахарские нойоны, четыре великих зайсана Лигдана — Дэлинь-Цзиван, Гарма-Батур джинонг, Дорджи-Дархан ноян и Допичулук — сдались с шестью тысячами людей, передав маньчжурам и семью своего хана. Покорившихся чахаров распределили по разным знаменам.

Абахай ликовал. Сбылось прошлогоднее пророчество. В Ляодуне появилась стая горлиц. Этих птиц никогда не было здесь, они водились только на северо-западе, в Монголии. Все удивились, а в народе пошел разговор: «Раз уж и птицы из Монголии прилетели к нам, в наше государство, это верный знак того, что и монголы перейдут в наше подданство!»

Абахай сам продиктовал писцу-хронисту краткую запись о своей победе над чахарами: «Войска выступили в поход на чахаров и, перевалив через Хинган, дошли до Дала-Омо. Все чахарское государство перепугалось и не могло собраться. Лигдан-хан, видя панику народа и понимая, что в том положении, в каком оказалось его государство, ничего нельзя поделать, задумал скрыться и, переправившись через Хуанхэ, убежал на запад. Его сановники и народ, страдавшие от его притеснений, не сопротивлялись и не желали уходить. В пути семь-восемь человек из десяти отставали и покидали его. Кроме того, у них пало очень много скота. Кончилось продовольствие, и они убивали людей и ели. Сами стали нападать друг на друга и рассеялись»²². Когда императоры диктуют для потомков отчеты о своих походах, они стараются быть убедительными.

...Как-то на пиру вновь подчинившиеся чахарские нойоны поднесли Абахая кубок вина.

— Вообще я не пью вина, — сказал Абахай. — Но принимая во внимание искренность ваших намерений, вас, новых подчинившихся мне сановников, я позволю себе осушить этот кубок до дна. И выпил. Потом приказал в ответ наполнить кубки. Началось веселье с плясками и песнями, продолжавшееся два дня. И во время пира один из чахаров рассказал Абахая притчу:

— Слышал я от моего деда, а ему рассказывал его дед, когда мой дед был мальчиком, а деду моего деда рассказал его дед, а тот слышал эту историю от человека из мусульманской страны. У одной жещины была служанка. И очень ей нравился орган любви, который был у осла, принадлежавшего этой семье. Долго она ухаживала за ослом, кормила и чистила его и, приготовив специальное ложе — скамейку, научила осла любить себя. А чтобы осел не покалечил или не убил ее, она приспособила большую тыкву, проделав в ней с двух сторон отверстие. Раз, когда она наслаждалась с ослом, их увидела хозяйка.

— Ого! — тихо воскликнула она. — Вот это настоящая мужская сила! За что ей такое? Она всего лишь моя служанка, и осел этот мой.

На следующий день, отправив служанку на базар, хозяйка принесла скамейку и привела осла. Когда служанка вернулась с базара с покупками, она увидела опрокинутую скамью-лежанку и мертвую хозяйку.

— Да! — сказала служанка. — Уд ослиный она сразу увидела, а вот тыкву-то не заметила!

До слез смеялся Абахай, вытирая лицо шелковым платком. Смеялся чахар. А потом шепотом дерзко сказал:

— Так ведь и ты, хан, уд ослиный сразу увидел, а тыквы-то тоже не заметил!

Абахай задохнулся от гнева. Но монгол, не дав ему и рта открыть, жарко зашептал:

— Лигдан-хан — это уд ослиный. А тыква — печать Чингисхана, которой он владел. Она у его сына Эдже. Достань печать, и ты получишь законное право управлять не только маньчжурами и всеми монголами, но и всей Поднебесной, как император Великой Юань!

Абахай чахара прогнал, а про печать запомнил крепко.

Весной 1635 года бэйлэ Доргонь, Ито и Сахалянь получили десяти тысячный корпус копницы и задание найти и поймать сына Лигдан-хаана — Эркэ Конггора Эдже. 5 июня маньчжурский корпус форсировал на лодках Хуанхэ и 13 июня достиг ставки Эдже в местности Тори-ту. Был сильный туман. Приход маньчжуров застал Эдже врасплох: он не готов был к сражению и не хотел его. Мать Эдже, Сутай фуджин из маньчжурского племени ехэ, будучи сестрой бэйлэ Наньчу, уговорила сына выйти со своими людьми навстречу маньчжурам и отдать печать. Дело закончилось совместным клятвенным докладом чачаров и маньчжурских бэйлэ Небу и Земле об удачном завершении экспедиции и большим пиром.

Доргонь сам привез в Мукден «добытую и передававшуюся из поколения в поколение печать» юаньских императоров. Ее осмотрели. Выполненная витиеватым древнекитайским почерком чжуань легенда печати гласила: «Императорская печать, удостоверяющая приказы». Она была сделана из дорогой яшмы и украшена извивающимися драконами. Если верить летописи, от печати исходило сияние. Всем бэйлэ и придворным Доргонь торжественно объявил:

— У хана необычайное счастье! Небо одарило его императорской печатью. Это символ господства на десять тысяч лет!

...Абахай сам встречал сына Лигдан-хаана. У южной стороны его походной ставки был сооружен алтарь, на него поставлен столик и возжжены курения. Император и все присутствующие поклонились Небу. Перед его походным креслом-троном поставлен желтый стол, и на нем, на красном войлоке, лежала печать императоров Юань. Командир желтого знамени Намтай и командир желтого знамени с каймой Тургэй совершили поклонение, поставили желтый стол перед палаткой Абахая, зажгли курения. Затем Абахай встал и принял поданную ему печать, после чего он и все участники церемонии снова поклонились Небу. Абахай торжественно объявил:

— Эта яшмовая печать как раз и есть та самая императорская печать, которая использовалась императорами и ванами из поколения в поколение. Небо вручило ее нам!

Доргонь и другие бэйлэ, выступив вперед, поклонились

Абахаю. Эдже и его люди, встав на колени, тоже поклонились ему²³. И по сложившейся у маньчжуров традиции в трех километрах от Мукдена был устроен большой банкет. Вторая дочь Абахая Макта Гэгэ стала женой Эджэ²⁴.

Даровав печать Абахаю, Небо «дало достаточно доказательств тому, что именно его оно готовит в повелители Поднебесной... Обретение печати могло стать отправной точкой для политико-идеологической активности в двух направлениях. Маньчжуры могли использовать этот факт для конституирования своей династии в качестве прямого наследника Юаней или истолковать его в традиционном китайском духе. Выбран был второй путь. Получение печати интерпретировали как знамение Неба, ...означавшее скорый переход „Мандата Неба“ к маньчжурскому монарху»²⁵.

Глава четвертая

СЕМЬ ОБИД

В последние годы Мин «ежедневно вечером в направлении к северо-востоку красное зарево озаряло небо. Одни говорили, что это за Великой стеной палят палы, а другие — что это предвещает засуху. Но ни те и ни другие не знали, что это благовещее знамение возвышения на востоке нашей династии».

Из хроники династии Цин

Давней была история маньчжурско-китайской вражды.

7 февраля 1618 года, когда начала блекнуть луна и длинные хвосты желтого воздуха появились сверху и снизу ее, Нурхади объявил:

— Коль такова воля Неба, в этом году непременно пойдем походом на Мин. Я в ссоре с Мин и имею семь больших причин для ненависти. А кроме них, есть еще мелкие причины для того, чтобы гневаться на Мин, которые все трудно перечислить. Поэтому я и желаю пойти карательным походом против Мин. Можно сообща обсудить это и тогда принять решение.

Нурхади, маньчжур высокого роста, атлетического телосложения, с красивыми чертами лица, которых не портил тонкий, с горбинкой нос, внимательно слушал собравшихся бэйлэ, тесным кружком усевшихся на расстеленных кошмах. Здесь в просторной долине было тихо. Окрестные сопки поросли лесом. Нет-нет да мелькала между деревьями фигура всадника из охраны хана. По старинному чжурчжэнско-маньчжурскому обычаю Нурхади, «сурэ бэйлэ» — «мудрый бэйлэ», выехал в поле обсудить план предстоящего похода. Это был поистине тайный совет, на котором присутствовали лишь ближайшие родичи и особо доверенные люди. Здесь им предстояло решить важный вопрос — начинать ли войну с минским Китаем, а если да, то какой выдвинуть для этого предлог. Один за другим выступали бэйлэ, чертили планы на земле, пред-

лагали обоснования для похода. Было решено выдвинуть против минского Китая семь обвинений, семь обид, могущих служить причиной для мести, а если поход окажется удачным и пограничный Ляодун удастся захватить, то снести там все города и превратить его земли в пастбища для коней. Знал ли Нурхац, что за четыреста лет до него то же самое хотел сделать со всем Северным Китаем Чингисхан? Возможно, знал.

В мае 1618 года Нурхац объявил о начале похода. Под звуки дудок и барабанов он вошел в храм, где торжественно сообщил Небу семь больших причин своей ненависти к Мин. Под деревянными перекрытиями храма гулко отдавался голос хана с неподдельной дрожью в голосе излагавшего свои обиды Небу. Молча, склонив головы, слушали его столпившиеся в храме бэйлэ:

— Мой дед и мой отец никогда не сорвали ни одной травинки на границах Мин, не захватили ни одной пяди минской земли. Однако мины без всякой на то причины затеяли ссору и убили моего деда и отца. Это первая причина для ненависти.

Хотя ссору затеяли мины, я, желая сохранить добрые отношения, установил памятную надпись и заключил клятвенный договор, по которому ни маньчжуры, ни китайцы не должны были переходить границы. Было условлено, что если кто осмелится перейти ее — казнить, а если кто-то будет видеть такое и попустительствовать, то наказать его. Почему же династия Мин нарушила договор, и ее войска демонстративно перешли границу, чтобы оказать помощь ехэ? Это вторая причина для ненависти.

Люди Мин, живущие к югу от реки Цинхэ и к северу от Цзянань, ежегодно воровски переходили границу. Не имея возможности положить предел чинимым им грабёжам, я, соблюдая клятвенный договор, прибегал к казням. Мины, нарушив прежний союз, обвинили меня в совершении убийств, арестовали моих гуаннинских послов Ганфули и Фанцзена, схватили десять человек и убили их на границе. Это третья причина для ненависти.

Мины нарушили границу, чтобы оказать военную помощь ехэ, вынудили уже сосватанную за меня девушку переменить решение и выйти замуж за монгола. Это четвертая причина для ненависти.

Земли в областях Чайхэ, Саньча и Фуань мы испокон веков отдавали войскам, стерегущим границы. Они пахали и сеяли хлеб. Мины не давали нам убирать урожай, высы-

ляли войска и изгоняли наших солдат. Это пятая причина для ненависти.

Ехэ, живущие за пределами границы, совершили преступления перед Небом. Я решил покарать их: мины же поверили им, отправили посла и оставили письмо, в котором оскорбили меня. Это шестая причина для ненависти.

Прежде хада помогали ехэ и дважды нападали на нас. Я отомстил им, и Небо вручило мне людей хада. Мины же приняли их сторону и понуждают меня вернуть их. Следующий устремлениям Неба победит и сохранится. Идущий против воли Неба потерпит поражение и погибнет. Как можно погибшего в бою заставить родиться снова, как можно позволить этим людям вернуться? Государя великого государства утверждает Небо с тем, чтобы он стал общим государем Поднебесной. Поэтому только оно одно может выражать недовольство моим государством. В начале все владения Хулунь, объединившись, напали на меня. Поэтому Небо, испытывая отвращение к объявившим войну Хулунь, проявляет любовь и заботу лишь обо мне. Ныне Мин оказывает помощь караемым Небом ехэ, противится воле Неба, перевернула с ног на голову правду и ложь, приняла безрассудное решение. Это седьмая причина для ненависти.

Безрадостно я начинаю поход. Эти семь обид и прочие мелкие, которых и не перечесть, вынуждают меня к этому¹.

«Семь обид» были записаны предварительно на бумаге. Окончив читать, Нурхацци поклонился Небу, и бумага с перечислением обид была торжественно сожжена. Отныне Небо, так возлюбившее маньчжурского хана, было точно информировано о причинах его похода на Китай.

Как некогда и Чингисхан, Нурхацци, возможно, верил в то, что Небо избрало его и вручает ему свой мандат на управление Поднебесной. Поэтому-то еще в 1616 году он принял девиз царствования Тянь-мин — Мандат Неба.

Двадцатитысячная армия выступила в поход на Китай. Война с Мин оказалась предприятием, ставкой в котором было его, Нурхацци, государство. Это понимали и бэйлэ. Несмотря на любовь Неба к своему избраннику, оно сразу же послало ему испытание. Установилась дождливая погода, и многие бэйлэ, ссылаясь на это «предупреждение Неба», предлагали отложить поход. Лишь великий бэйлэ Дайшань, считавший, что пути к отступлению нет, решительно заявил: «Дожди — это помощь Неба, они ниспо-

сланы для того, чтобы притупить бдительность минских пограничных военачальников». Нурхацц отдал приказ двинуть войска. Небо незамедлило одобрить его решение: наступило вѣдро, ночью луна светила столь старательно, что было светло, как днем.

* *

*

Юань Чунхуапъ, губернатор Ляодуна, сидел под раскидистым старым деревом во дворе управления Нинюань. Он приказал вынести во двор скамеечку и низенький столик. Фарфоровая посуда была тонка и изящна, чередовавшие голубовато-белых тонов внушало покой, лунцзинский чай восхищал своим ароматом. Дерево зеленело молодой свежей листвою. Легкий ветер качал ветви дерева, и их причудливые тени метались по старой черепичной крыше дворцовой пристройки, по серым плитам дорожки, обсаженной кустами роз. Юань Чунхуань был в душе поэтом, и как-то сами собой сложились стихи:

На ветхой крыше беседки «Встреча весны»
Ветви ивы рисуют весенний ветер!

Потом он задремал. Его разбудили встревоженные голоса. Доложили о прибытии маньчжурских послов — Фанцзена и Вэньтама.

Ранее Юань Чунхуань, узнав о смерти Нурхацц, соблюдая все приличия, послал Ли ламу выразить соболезнование и поздравить нового маньчжурского правителя с восшествием на престол. Победа китайцев под Нинюань и смерть Нурхацц, бывшего генерала «дракона-тигра» на китайской службе, вдохновили Юань Чунхуаня и показали, что при умелой организации дела можно остановить маньчжуров. И не только остановить. Их нужно подчинить, а род Нурхацц уничтожить, как мятежный!

Разузнав в чем дело, Юань Чунхуань объявил, что послов он примет завтра — надо подготовиться к встрече подобающим образом, а письмо прочтет сейчас, пусть передадут. Бледнея от гнева, он читал дерзкое письмо премника Нурхацц: «Ты прекратил военные действия, послал Ли ламу и других выразить соболезнование и поздравить нового государя с восшествием на престол. Поскольку ты поступил в соответствии с правилами этикета, я тоже должен их соблюсти. Поэтому посылаю чиновников выразить тебе благодарность. Небо рождает правителей

всех государств и не позволяет им самим становиться государствами... Небо не принимает во внимание, большое государство или маленькое, а принимает во внимание, как управляют им, праведно или нет». «На что замахивается!» — Юань Чунхуань, негодуя, прервал чтение. Ему хотелось с кем-то поделиться своим возмущением, но рядом никого не было. Лишь в отдалении, у входа в канцелярию, в ожидании приказаний маячил его секретарь. Юань Чунхуань глубоко вздохнул и стал читать дальше. Новоявленный претендент на «Мандат Неба» повторял семь причин для ненависти к Китаю, изложенные когда-то сыну Неба его отцом, и продолжал: «Моя великая обида имеет эти семь причин. Что же касается мелких обид, то как их можно все перечесать? Теперь ты, как и я, поступишь справедливо и желаешь, чтобы отношения между двумя государствами стали хорошими. Условием заключения мира должна стать присылка мне желтого золота — сто тысяч лан, серебра — один миллион лан, шелку — один миллион кусков, холста — десять миллионов штук. После заключения мира при обмене посольствами каждый год мое государство будет представлять вам десять жемчужин, тысячу собольих шкур и тысячу цзинь женьшеня, а ваше государство золота — десять тысяч лан, серебра — сто тысяч лан, шелку — сто тысяч кусков, холста — триста тысяч штук... При заключении мира оба наши государства должны дать клятву Небу и Земле!»²

Юаню стал ясен провокационный характер требований Абахая. Следовало готовиться к войне.

Сдержанно, но с достоинством он ответил на дерзкое письмо: «Еще и еще раз изучил письмо, которого удостоился. Узнал, что понемногу прекращаются военные действия с тем, чтобы дать отдых племенам. Это хорошее намерение, и Небо само оценит его... Трудно разрешить вопросы об уже канувшем в Лету. Я желаю, чтобы мое государство забыло о них, и желаю так же, чтобы и хан вместе с нами забыл о них. Однако семья хана десять лет вела войны и все из-за этих семи пустяков! Я не могу найти слов! По восточному и западному берегам реки Ляохэ число погибших разве ограничивается каким-то десятком людей, а разлученных — только одной старухой? Народ на границе между Ляохэ и Шэньяном уже не может быть спокоен, разве можно спрашивать его о возделывании полей и посеве злаков? Это крайне жестокое и причиняющее вред дело. Если теперь говорить о мире, то как отда-

дите места, укрепленные стенами и рвами с водой, как вернете чиновников и народ? Предъявленный в полученном письме счет на вещи исходит из того, что богатства нашего государства велики и обширны и оно не скупится. Однако в присланной бумаге не учитывается, что брат слишком много, значит идти против воли Неба. Вы воюете с Кореей. Почему? ...В присланном письме нет реальных, годных для обсуждения предложений, боюсь, что будет неудобно извещать о нем двор!»³

Одновременно Абахая было послано письмо буддийского наставника Ли ламы: «Моя буддийская вера в основу всего кладет сострадание... Чтобы спасти все живые существа, надо уничтожить ненависть... Хан, говоря о семи даях, одурманивает себя ненавистью... Будда сказал, что море страданий не имеет границ. ...Чем раньше прекратится война, тем лучше»⁴.

Абахай ответил: «Говорить теперь о возвращении пожалованных мне Небом городов со стенами и рвами и людях — это значит не желать мира... А разве я не имел причин для карательного похода на Корею? Когда мои войска отправились в поход на восток... Корея силою оружия помешала мне... Вы посылаете дозоры в разведку на мои земли, принимаете беглых, строите на границах укрепления». Абахай соглашался наполовину уменьшить требуемую с Мин контрибуцию, и, учитывая, что в письме Ли ламы маньчжурское государство было поставлено в один ряд со всеми, считавшимися нижестоящими по отношению к Китаю владениями, он предложил установить при переписке такой порядок: «В письмах твоего минского государства императора будем писать на один знак ниже Неба, а меня — на один знак ниже твоего минского императора, а всех вассалов твоего минского государства на один знак ниже меня, и впредь во всех посылаемых письмах [нами] решено следовать этому порядку (...). Мой покойный отец, изучая историю, установил, что в давние времена династии Ляо, Цзинь, Юань не стали жить в своих государствах, а пошли в китайские земли, прошло несколько поколений, и все они приняли китайские обычаи... Я по-прежнему живу к востоку от реки Ляохэ, маньчжуры и китайцы, каждые, сами создали свои государства, поэтому я не желаю переселяться за китайские пограничные заставы»⁵.

* *

*

Дайшань думал: «Почему удача изменила маньчжурам?» Войска желтого и желтого с каймой, белого и белого с каймой, красного и красного с каймой, голубого и голубого с каймой знамен двигались скрытно ночью. Захватешные конной разведкой, китайские дозорные сообщили на допросе правдивые сведения: хорошо укреплен только город Цзиньчжоу, ремонт стен городов Сяолиньхэ и Далиньхэ не закончен. Было известно и о том, что китайские пограничные войска насчитывают тридцать тысяч конных и пеших воинов. Гарнизон Далиньхэ, не принимая боя, бросил город и бежал в Цзиньчжоу. Но осажденные не отперли ворота солдатам, и те под смех и улюлюканье маньчжурской конницы пытались бежать в глубь страны. Да разве уйдешь от маньчжурской конницы — их вырезали всех до одного. Он, великий бэйлэ Дайшань, с Амином и Мангуртаем осадили город. Уверенность в победе была столь велика, что бэйлэ расположили свой лагерь в шестистах метрах от городской стены. Казалось, взять город, что достать вещь из своего мешка. Команданту крепости забросили через стену дерзкое письмо: «Если ты желаешь сдаться, сдайся, а если хочешь воевать, воюй... только сообщи нам свое имя и то место, где ты будешь находиться, а то боюсь, как бы мои солдаты по ошибке не ранили тебя... Хочешь убедиться в силе нашей армии, пришли в наш лагерь человека, пусть посмотрит... стоит нам лишь раз ударить в барабаны, как падет этот город, и к западу от заставы Шаньхайгуань не останется и пяди земли, принадлежащей твоему государству!»

Теперь Дайшань понимал, что это обычно принятая для запугивания противника бравада была неумным бахвальством. Лучшую свою гвардию направили они на западный угол крепости. Воины бросились туда, таща с собою «облачные лестницы» — штурмовые лестницы для подъема на стену. Несмотря на град стрел и камней, они быстро взобрались на стену и захватили угловую башню. Но что это? С трех сторон ударили отряды осажденных. Маньчжуры, убитые и раненые, падают со стены, иных скидывают, иные, желая спастись, прыгают сами и разбиваются.

По маньчжурскому лагерю со стен ударили пушки. Ядра крушили палатки, рвали в клочья победные ханские

стяги. Люди метались, кричали рапепые солдаты и лошади. Началась паника. Штурм не удался.

Маньчжурские войска отошли от стен города на три километра. Вскоре к ним подошло вызванное из Мукдена подкрепление. За стены Цзиньчжоу полетело привязанное к стреле новое письмо: «Вы перемрете в осажденном городе с голоду, не лучше ли выйти и сдаться?». Однако сдаваться китайцы не думали.

Столь же безуспешной была попытка овладеть крепостью Нинюань. Бэйлэ Цзиргалан, Сахалань и сын Дайшаня Вакэда лично водили войска на штурм и получили ранения. Пока шло сражение за Нинюань, гарнизон Цзиньчжоу совершил удачную вылазку и нанес осаждающим серьезное поражение. Новый штурм южного угла крепости Нинюань не принес успеха маньчжурам.

И теперь Дайшань, великий бэйлэ, без доспехов, в легком халате ехал по пыльной дороге обратно в Мукден: «Будь он проклят, этот Нинюань! Здесь погиб отец, а они уходят, не отомстив! Таков приказ хана-брата. Горько, но он прав, армию надо беречь. А Китай? Бунт чернй подрывает его силу изнутри. Он еще упадет к нашим ногам».

Дайшань и не подозревал, что для Юань Чунхуаня новая победа обернется поражением. Придворные интриги вынудили его уйти со службы. Хорошо укрепленный Цзиньчжоу, мужественно выдержавший маньчжурскую осаду, был покинут китайцами, и летом 1628 года маньчжуры с удовольствием разрушили ненавистный им город, а заодно и крепости Синшань, Гаоцзяо и еще тринадцать почтовых станций.

Не подозревал Дайшань и о том, что спустя год с небольшим он будет иметь резкий разговор с братом-ханом о тактике и стратегии ведения войны с Мин. Абахай, этот толстяк, для которого выкармливали и выращивали особо крепких лошадей, отказался от старой, одобренной еще отцом тактики захвата Ляодуна и решил, что лучше всего, не осаждая крепостей, глубоко вторгаться в пределы Китая, разрушая, убивая и забирая все, что можно унести.

Морозной ночью конца 1629 года в походной палатке Абахая собрался тайный совет братьев и племянников —

наследников дела Нурхацы. В палатке, несмотря на горевший костер, было холодно. Хан сидел на войлоке в собольей шубе. За стеной палатки скрипел снег под ногами часовых. Дайшань, усаживаясь, думал о морозной свежести ночного воздуха, о звездах, мерцавших в холодном серебристом свете луны. Рассаживались вокруг костра бэйлэ. Абахай сидел молча, насупившись. Он был явно не в духе.

Иото сказал:

— Генералам приказано собраться на дворе подле палатки, они ждут приказа хана.

— Скажи им, пусть расходятся по своим палаткам, чего ждать! Помолчал и веско добавил:

— Нет у меня еще того приказа, который я хотел бы объявить армии!

— Почему? — спросил Цзиргалан.

— Есть у меня план, да старший брат против!

Все посмотрели на Дайшаня.

— Это правда, я против плана брата-хана, — сказал Дайшань. — Что он предлагает? Чтобы наши войска глубоко вторглись на территорию врага. Но думает ли он о том, как мы вернемся? А если кони отоцают, если минские войска перережут пути снабжения? Как обеспечим армию провиантом и фуражем? Наконец, китайская армия велика, мины легко могут создать значительное численное превосходство. А один в поле не воин! Я решительно против похода во внутренние районы Китая!

Дайшаня поддержал Мангуртай. Хану было неприятно их слушать, но он до времени молчал. Его план поддерживали Иото и Цзиргалан. Много раз подбрасывали в костер дрова, горячий спор затянулся далеко за полночь. И Дайшань проиграл. На утро по армии был объявлен приказ хана: «Я, смиренно взирая снизу вверх, унаследовал „Мандат Неба“, поднял войска и иду войною на Мин. Оказывающих сопротивление в бою невозможно не убивать. А вот у подчинившихся добровольно не следует забирать даже курицы или поросенка. Взятых в плен не разлучать с их отцами и сыновьями, мужьями и женами. Не насиловать женщин и не отбирать одежду, не разрушать домов и храмов, не бить посуды и не срубать фруктовых деревьев. Убившему сдавшегося добровольно и насильнику — смерти! Грабителю — сто плетей»⁶. Солдатам из боязни отравления запрещалось есть пищу, приготовленную китайцами, и пить подаваемое им вино.

Маньчжурские войска перешли китайскую границу. Громя мелкие погранотряды и гарнизоны крепостей, принимая сдававшихся добровольно, маньчжуры двигались вперед. Правители города Ханьэрчжуань обрили себе головы и сдались неприятелю: они еще не подозревали, что для китайцев наступала пора отращивать длинные волосы и заплетать их в косу, как у победителей.

Маньчжуры подошли к Цзуньхуа ночью. Начальнику гарнизона Ван Юанья Абахай отправил письмо: «Мое государство было обижено, обмануто и ограблено твоим государством. Пришел спросить за семь обид!» Ван Юанья стоял на стене и смотрел на желтые, припорошенные кое-где снегом поля, голые пирамидальные тополя у дороги, фапзы пригородной деревушки. Маньчжуры и пришедшие с ними монголы кольцом обложили город. Со всех четырех сторон виднелись походные шатры маньчжуров и белые войлочные юрты монголов. Прошло почти две тысячи лет, и вот гунны снова у стен Китая. Ржут их кони, хрипло, на непонятном языке кричат длиннокосые, запахивающие палево халат воипы, жаждающие добычи. Неужели пришел час гибели и этой династии? Кто знает волю Неба! Но Небо учит и верности государю.

Утром лес осадных лестниц обрушился на стены города. Солдаты белого знамени первыми поднялись на стену, сбили с нее обороняющихся, и в образовавшийся проход хлынула вся орда. Ван Юанья был верен своему долгу и пал в бою. Поскольку город оказал сопротивление, жители его были истреблены, а их достояние «законно» разграблено.

Абахай двигался с армией вперед. Был распространен манифест, в котором он по-прежнему обосновывал свой новый поход во внутренние земли Китая семью обидами и тем, что Небо передает ему мандат на управление Поднебесной, а минские императоры не осознают этого. Император Мин «отказал императору маньчжурского государства в праве титуловаться императором, я, заботясь о мире, сам решил отказаться от императорского титула и стал титуловаться ханом... Считает, что мое государство маленькое и мне не следует называться императором. В древности Ляо, Цзинь и Юань сначала тоже правили маленькими государствами, а стали императорами. И справедливо ли по-прежнему запрещать мне титуловаться императором, когда ваш минский Тай-цзу тоже

вначале был простым буддийским монахом? Разве есть такое правило, в соответствии с которым одна семья получает „Мандат Неба“ и вечно пользуется им, не передавая его? Кто-то был сыном Неба, но лишился „Мандата Неба“ и стал простолюдином. А кто-то был простолюдином и возвысился до сына Неба! Все это только в воле Неба, и люди не могут совершить такое! И вот стоящее превыше всего Небо помогает мне, а ваше минское государство отказывает мне в титуле императора. За это Небо карает его. Из-за имеющихся обид я поднял войска. Опасаюсь за того, кто не знает сути дела, считает, что это обычное военное нападение, опирающееся на силу. Поэтому я и рассылаю этот манифест, чтобы все знали, в чем дело»⁷.

Как же следует понимать эти рассуждения о «Мандате Неба» и его благоволении к маньчжурскому хану и претенденту на императорский титул? Предоставим слово специалисту: «Как известно, приказ или Мандат Неба был всего один, и, делая подобное утверждение, „маньчжурский хан“ дезавуировал тем самым минское государство как единственную империю в единой Поднебесной и приписывал статус империи своему государству»⁸.

Итак, более двухсот пятидесяти лет существовала китайская минская империя, основатель которой сверг с китайского престола монгола, и вот на ее северных границах появляется местный правитель, затем хан, который уверяет, что «Мандат Неба» перешел от минских императоров к нему, с превосходным знанием китайской политической теории он претендует не только на свой, маньчжурский престол, но и на престол императоров Китая — любимых сыновей Неба и подкрепляет свои доводы самым внушительным аргументом — силой оружия.

Падение Цзунхуа открыло маньчурам путь к Пекину, и вскоре маньчжуры впервые встали лагерем почти под его стены. Здесь Юань Чунхуаню удалось нанести им несколько поражений и затем в генеральном сражении, не принеся победы ни той, ни другой стороне, остановить их продвижение.

...Обеспокоенный неудачным исходом сражения почти под стенами Пекина, Абахай раздраженно ходил по своему шатру, когда ему доложили, что с ним хочет поговорить наедине китаец на маньчжурской службе Гао Хунчжун.

— Не пускать, — отмахнулся Абахай.

Однако после обеда один из его адъютантов вновь доложил, что Гао Хунчжун просит аудиенции наедине и хочет изложить тайный план, как погубить Юань Чунхуаня. Этот ляодунский главнокомандующий сидел как копьё в горле Абахая. Именно в бою с ним был ранен хан-отец, он отбил атаку его на Цзиньчжоу, встал поперек дороги здесь! Неужели есть средство сгубить его!?

Когда Гао Хунчжун шепотом изложил свой план, Абахай одобрительно хлопнул его по плечу и сказал:

— Устрой все, как ты задумал! Чтобы завтра же этого кастрата не было в моем лагере! А выгорит дело — озолочу!

* *
*

Пленного китайского евнуха с толпою других пленных китайцев загнали в полуразрушенную китайскую фанзу. Ее крыша была наполовину снесена пушечным ядром, во дворе валялись битая черепица и дохлая собака, как вертелом проткнутая маньчжурской стрелой. Дверь фанзы была выломана, и вход завесили соломенным матом. Снаружи его охраняли состоящие на маньчжурской службе солдаты-китайцы. Они непрерывно болтали. Толстый рыхлый евнух, посаженный на голый земляной пол почти у самой двери, из которой нестерпимо дуло, зябко кутался в халат и уже начал дремать, но разговор охранников заставил прислушаться:

— То, что мы нынче отвели войска, так это неспроста!

— А что?

— Это план самого хана!

— Да ну, а я-то думал, что пушки Юань Чунхуаня.

— Молчи! Какие пушки? Я же сказал тебе, все идет по плану, давно составленному самим ханом. А вот с Юань Чунхуанем ты угадал!

— Чего угадал?

— Чего, чего? — говорящий понизил голос. — А то, что есть у минов два наивернейших наших человека и один из них Юань Чунхуань! Он давно тайно связан с ханом.

— Врешь! Не может быть! Он остановил хана у Цзиньчжоу, да и сейчас здесь у Пекина.

— Это все для отвода глаз. Поход на Пекин согласован с ним.

— И чего только люди не наговорят?!

— Не веришь! А зачем он явился сюда из Ляодуна со своим войском под стены Пекина? Да когда здесь все основные силы хана, он, не будь он человеком хана, давно атаковал бы незащищенное государство маньчжуров, и их дома уже пылали бы в огне, а их бабы послали бы китайцам воду да служили усладой на ночь. Почему Юань Чунхуань и здесь в сражении не разгромил окончательно хана? Не сегодня завтра он сдаст ему свою армию, перейдет на его сторону, и знамена хана станут развеиваться над Пекином! Большие деньги ему обещаны!

— Страшные слова ты говоришь, ведь мы с тобой все-таки китайцы!

К ночи пленных почти без охраны погнали рыть ров вокруг маньчжурского лагеря. Караульные сидели у костра, пили вино, на железных прутьях жарили над огнем большие куски свинины. К полуночи часть пленных бежала, и в числе их евнух. До Пекина было уже не столь далеко, и утром евнух докладывал минскому императору Чунчжэню о коварной «измене» Юань Чунхуаня.

И вот минского военачальника, одного из немногих, кто не боялся маньчжуров и умел с ними воевать, отозвали из действующей армии в столицу и бросили в тюрьму. В поклепе нет оправдания. Юань Чунхуаня приговорили к смертной казни, обезглавили, а так как его считали крупным государственным преступником, труп его выставили на всеобщее обозрение. Абахай ловко погубил своего врага простым и верным приемом, безотказно действовавшим тысячелетия как в великом, так и в малом. Позднее цинские историки, создавая историю династии Мин, воздадут должное Юань Чунхуаню. Его жизнеописание они завершат словами: «С момента смерти Чунхуаня в пограничных делах не было больше человека. Гибель Мин была предreshена!»

* * *

Маньчжуры заняли Лянсян и дошли до Лугоуцяо, подойдя близко к стенам Пекина. Переодев часть своих солдат в китайское платье, они внезапно атаковали лагерь генерала Минь Гуя неподалеку от пекинских ворот Юндинмынь и захватили большие трофеи. Но на штурм Пекина маньчжуры не решились. Оставив письмо с пред-

ложением о мире, армии Абахая в апреле 1630 года возвратились в Мукден.

Это был первый поход маньчжуров за Великую стену во внутренние земли Китая и первый поход, во время которого они на себе испытали возможности артиллерии и, захватив китайские пушки, стали все шире их использовать. С начала 1631 года маньчжуры и сами начали отливать пушки. «Прежде в нашем государстве не изготовляли огнестрельного оружия,— отмечал летописец.— Изготовление пушек началось с этого времени». Судя по именам, мастерами, литейщиками и слесарями у маньчжуров были китайцы⁹.

Опыт этого похода побудил Абахай тщательней готовиться к новой войне. По его приказу бакши Дахай переводит на маньчжурский язык китайские военные трактаты¹⁰. Опасаясь ответного нападения китайцев, Абахай на границе совершенствует службу оповещения с помощью сигнальных огней и дымовых сигналов. Он заставляет солдат учиться пользоваться огнестрельным оружием, а также требует от правительства только проверенной точной информации, от сановников — четких советов.

В середине лета Абахай и великий бэйлэ Дайшань отправились на рыбалку в верховья реки Ляохэ. Эта река с песчаными отмелями, илистым дном и мутной, желтой от лёсса водой на равнине, в верховьях, в южных отрогах Хингана, чиста и светла. Вольно и стремительно несется она по валунам в горной долине, склоны которой заросли кустарником и лесом.

Абахай, голый до пояса, в одних кожаных штанах, босой, терпеливо стоял с острогой на камне среди потока и ждал появления хариусов. Вот в прозрачной воде показалась стая серебристых рыб, устремившихся вверх по течению. Быстрое движение рукой — и пронзенная метким ударом рыба забилась на остроге. Дайшань стоял левее и ниже по течению. Рыбалка была на редкость удачной. Когда солнце поднялось высоко и стало припекать потные спины рыбаков, Абахай, решительно отбросив острогу и передав корзину с наловленной рыбой подскочившему слуге, запагал по студеной воде к берегу. Не одеваясь, он прилег на свежей зеленой траве и лежал

так долго, вначале ни о чем не думая, просто радуясь жаркому летнему дню, приятному запаху трав и цветов, жужжанию насекомых и солнцу, потом размышляя о главном — идти в этом году войной на Китай или нет?

Когда ели жирную свежую рыбу, Абахай спросил брата:

— Старший брат, пойдем мы нынче на Китай или нет?

— Мины не чахары, — ответил Дайшань, — их так просто не возьмешь. Однако у них беспорядки, и попробовать попугать их, поломать их границу, надо. Дело зашло далеко, брат-хан. Если мины быстро подавят свою взбунтовавшуюся чернь, они всей своей силой неминуемо обрушатся на нас. Надо постоянно держать их в страхе и заставлять иметь большие силы на границе, не позволяя бросать их против бунтовщиков! Я понял правоту твоих замыслов, брат-хан.

— Верно говоришь! Как нет двух солнц на Небе, так не может быть и двух императоров в Поднебесной. Ляо было уничтожено Цзинь, а Цзинь уничтожено Юань, объединившей всю Поднебесную. Мы еще не имеем силы ни Ляо, ни Цзинь, как же нам не бороться за себя? Думаю, в ближайшее время мы нападем на Мин!

— Строгая дисциплина и порядок укрепляют армию, позаботься об этом, брат-хан. Наказания должны быть строгими, но справедливыми.

Когда ехали обратно, Абахай продемонстрировал готовность следовать советам брата. Чьи-то кони паслись на посевах. Абахай остановился и приказал разыскать их хозяев. Когда же их привели, хан, несмотря на мольбы о прощении и готовность уплатить за причиненные лошадьми убытки, в наказание остальным приказал тут же у каждого отрезать по одному уху.

* *
* *

В прохладном дворцовом павильоне Мукдена, в орде, собралось правительство маньчжурского государства. Здесь были великий бэйлэ Дайшань, Третий бэйлэ Мангуртай, его тайный и явный правительственный совет из десяти бэйлэ — Абатай, Дэгэлэ, Цзиргалана, Ацзигэ, Доргона, Иото, Додо, Туду, Сахалыня и Хаогэ — вся кровная родня, Айсинь Гиоро, Золотой род, и восьми великих сановников — Ао Лэнэри, Дархана, Хэшиту, Сэлэ, Кок-

дури, Ирдэна, Ечэня и Гусаньтая. Абахай объявил свою ханскую волю о новом походе на Мин. Никто не возражал. Конкретное обсуждение плана нападения завершилось решением атаковать город Далиньхэ. Было принято решение о создании шести министерств по образцу китайских «лю бу». Гао Хунчжун, предложивший известить Юань Чунхуаня, получил должность помощника министра юстиции по делам китайцев. Была усовершенствована структура управления восьмизнаменными войсками.

В сентябре маньчжурские войска атаковали город Далиньхэ (у реки Далиньхэ, на северном берегу Ляодунского залива). Маньчжуры, узнав от пленных, что китайцы спешно восстанавливают стены этого города, надеялись помешать работам. Отряды их конницы потянулись на юго-восток. Высокорослые, жилистые маньчжурские копники, вооруженные луками, стрелами, саблями и копьями, в шлемах с ниспадающей сзади металлической сеткой, в легких, но прочных доспехах, ритмично покачивались в седлах. В поход они шли охотно, война сулила добычу: рабов, ткани, драгоценные металлы и камни, одежды, утварь. Войска форсировали Ляохэ, и здесь к ним присоединились монголы. Восточные монголы участвовали во всех походах на Китай, и их вклад в подчинение Китая маньчжурами был весьма ощутим. Абахай не раз утверждал: «Мои маньчжуры и ваши монголы изначально составляли одно государство. Мины же — это другое государство»¹¹.

После форсирования Ляохэ армии разделились. Двадцатитысячный корпус из Ичжоу устремился на юг на осаду Цзиньжоу, стоявшего неподалеку от северного берега Ляодунского залива. Остальная часть армии под командованием Абахая из Байтучан через Гуаннин устремилась на Далиньхэ и через шесть дней достигла города. Его стены оказались почти восстановленными. Пленные показали, что город обороняют семь тысяч кавалеристов, семь тысяч пехотинцев и три тысячи вспомогательных рабочих.

Маньчжуры и монголы обложили со всех сторон город, построив серию военных лагерей, укрепленных рвами и валами. Мелкие стычки завершились первым штурмом.

...Абахай лично наблюдал за боем. Его войска, ломая сопротивление противника, переправились через ров и подошли вплотную к степе, но здесь их встретили мас-

сированным огнем из орудий и тучами стрел. Одна за другой падали на стену осадные лестницы, черные точки поползли вверх. Но вдруг вместе с облепившими ее людьми упала одна лестница, вторая, и вскоре у стены не осталось ни одной. Маньчжуры и монголы побежали, оставляя у стены черные груды тел. Бой был проигран.

На следующий день, устроив свой наблюдательный пункт у западной стены города, Абахай отдал приказ начать сражение с артподготовки. Впервые были установлены маньчжурские пушки. Начался обстрел башни на юго-западном углу города. Артиллерийская атака оказалась успешной. В башне была пробита брешь, и маньчжуры смогли подкатить к ее подножию свои осадные телеги. Затем огнем артиллерии была разрушена восточная башня (ее гарнизон бежал еще ночью, но напоролся на маньчжуров и был целиком перебит). Маньчжуры разрушили еще башню и подожгли с сотню домов внутри городских стен. Но не бездействовала и артиллерия осажденных. Маньчжуры и монголы несли большие потери: было много раненых и больных, не хватало пороха (за ним в Мукден поскакал нарочный).

Обнаружив, что маньчжурские пушки замолкают одна за другой, мужественный командир крепости Цзу Дашоу предпринял смелую вылазку и атаковал лагерь неприятеля. Однако бой в открытом поле китайцы быстро проиграли. Тем не менее умелые действия Цзу Дашоу позволили ему укрыть в городе оставшуюся часть отряда, совершившего вылазку, и остановить маньчжуров и монголов у городских ровов.

Стойкость защитников Далиньхэ внушала китайцам надежду на разгром врага. В октябре из Цзиньчжоу выступил вспомогательный китайский отряд, но он попал в засаду и был уничтожен маньчжурами.

Абахай отвел часть армии от крепости и лично принял участие в разгроме войск, шедших на помощь к осажденным и разбил войска людупских главнокомандующих. Между тем отдельный китайский корпус под командованием Дао Чжапчуна подошел к Далиньхэ, атаковал осаждавших город маньчжуров и монголов, разгромил их и снял осаду с города.

Вынужденный отступить, Абахай сменил тактику и начал уничтожать каждый китайский отряд, шедший в Далиньхэ или оказавшийся в зоне боевых действий. Этот маневр вскоре оправдал себя. Город, отрезанный от

помощи извне, обескровленный, оказался в тяжелом положении. Половина его гарнизона и жителей погибли. И Цзу Дашоу сдал город маньчжурам, которые с великим удовольствием разрушили его стены.

* *
*

Генерал Чжан Чунь попал в плен, когда маньчжуры разбили войска, шедшие из Цзиньчжоу. Вместе с ним в плен попали еще тридцать три минских генерала. Пленных пригнали к шатру Абахая. Когда появился маньчжурский хан, генералы пали на колени, и лишь один Чжан Чунь продолжал стоять. Абахай посмотрел на него пристально, но пленный выдержал жесткий взгляд хана и на колени не встал.

— Казнить его! — сказал Абахай.

Солдаты скрутили Чжан Чуню руки за спину, поставили его на колени. Один из них грубо схватил генерала за волосы и сильно потянул их к себе с тем, чтобы шея казнимого вытянулась и удар был точен. Второй солдат привычно занес меч. Еще миг — и голова Чжан Чуня покатила бы к ногам Абахая. Но вдруг властный голос заставил солдата опустить занесенный для удара меч. Абахай в гневе оглянулся и посмотрел на того, кто посмел нарушить его приказ. Это был великий бэйлэ Дайшань, его старший брат.

— Погодите, дайте я поговорю с ним!

Чжан Чуня развязали и отвели в отдельную палатку. Вскоре туда в сопровождении слуг, принесших обильное угощение, явился Дайшань.

— Мой государь щедр и жалует эту еду тебе, — сказал Дайшань. — Ешь!

— Я не стану есть. Мое намерение умереть твердое.

— Почему ты упираешься? Все остальные совершили коленопреклонение хапу и подчинились ему. Наверное, кое-кто и перейдет к нему на службу. Хан нуждается в таких твердых и преданных людях, как ты.

— У добродетельной женщины не может быть двух мужей сразу, преданный сановник не служит одновременно двум государям. Таковы основы моральных принципов, установленных еще с глубокой древности. Я хочу до конца остаться преданным государю и требую смерти. Если ты так добр, то исполни мою волю и убей меня.

Твое государство воюет с нашим уже пятнадцать лет. Наш народ жестоко страдает от этих войн. Хотя Поднебесная и разделена на четыре стороны света, но в ней живут люди одной семьи. А вы разве по примеру государей древности заботились о том, чтобы прокормить народ и дать мир и покой стране?

— Ты знаешь, что в прошлом году наши войска дошли до Пекина. Мы семь раз предлагали заключить мир и не получили ни слова ответа. Ты-то можешь поговорить о деле заключения мира?

— Я не тот человек, который в состоянии решить дело о заключении мира. Я пленный, и меня надо казнить!

Дайшань ничего не сказал и вышел. Чжан Чунь не был казнен, его поселили в качестве монаха в храме Саньчуаньмяо.

31 июня 1634 года Абахай предпринял второй поход во внутренние территории Китая, начав вторжение из Сюаньфу. Одновременно отдельный корпус под командованием бэйлэ Ацзигэ атаковал Лунмынь из Баянь-Чжурка. Громя по пути небольшие крепости и города, маньчжуры к сентябрю дошли до Датуня.

...Абахай, обосновавшийся в горах южнее Датуня, сидел на плотном одеяле и ждал исхода боя. Первый день сражения был неудачен: маньчжуры разбили конницу командующего войсками в Датуне Цао Вэньжао и, преследуя бегущих, попытались ворваться в город, но они натолкнулись на сильное сопротивление и достигли только городских рвов. Абахай выругался, вскочил на коня, а добравшись до своей ставки, приказал доставить властям Датуня обычное письмо с предложением или сдаться, или вести переговоры о мире. Но о заключении мира не могло быть и речи, местные власти не решились бы самостоятельно вести переговоры, поэтому, разграбив прилегающие к Датуню области, основные силы маньчжуров в октябре возвратились в Мукден.

Отдыхая после похода и традиционных пиров в честь бэйлэ и союзных монголов, Абахай все вспоминал разговор с пленным китайцем Цю Чжэнем.

— Почему китайские чиновники и полководцы не отвечают на мои предложения о мире? — спросил Абахай Цю Чжэня.

— Они не вправе делать это? Ведь заключить мир может только сам император. Хан часто в своих манифестах пишет, что он жалеет простых людей, хотя, — Цю Чжэнь лукаво взглянул на Абахая, — грабит и убивает непокорных. Сын Неба живет в Пекине, в запретном городе, за девятью стенами, откуда ему знать и о страданиях народа, и о помыслах хана о мире. Ведь пограничные чиновники не докладывают ему правду. Уж коль скоро хан так печется о мире, то ему следует осадить столицу. Вот, когда хан осадит столицу и его пушки будут крошить стены города, а народ съест всех коней, мулов и собак и станет пухнуть с голоду — сын Неба узнает о трудностях и сам убедится в серьезной опасности, тогда можно будет начать и завершить переговоры о мире.

«Хорошо! — думал Абахай. — Я приду к нему для переговоров под стены столицы, но не просто ханом, пограничным владетелем, а таким же сыном Неба, императором, как и он. Посмотрим еще, чья возьмет, кому Небо вручит свой мандат на власть в Поднебесной!»

Глава пятая

АБАХАЙ-ИМПЕРАТОР

Два солнца по утрам светило с Неба,
С свирепостью на дольный мир смотря.

К. Бальмонт

Могила Нурхацзи находилась примерно в двенадцати километрах к северо-востоку от Мукдена. Путник вступал в ворота с тяжелыми затворами, минуя боковое здание, «подходил к главному мавзолею высотой в несколько сажен, где на уровне идущей вокруг стены установлен памятник — плита с надписью, указывающей, что могила эта принадлежит Тай-цзу. За этим мавзолеем на небольшом расстоянии высится холм с замурованным на уровне земли входом в него. Холм облицован небольшим слоем особой белой массы и лишен растительности, и только на самой вершине его высится несколько небольших деревьев. Вокруг холма идет стена, позволяющая видеть холм со всех сторон»¹.

Тяжелый, грузный Абахай, обычно выделявшийся среди маньчжурских всадников своими желтыми латами, в этот раз ехал в сопровождении большой свиты на белом коне в шелковом, дорогом, но без излишних украшений платье. Было 28 января 1636 года. К этому времени маньчжуры заключили клятвенные союзы с восточными монголами и разгромили чахаров. Происходили непрерывные войны на границах с Мин. Абахай получил печать юаньской династии. Обо всем этом он счел нужным доложить духу умершего отца. Хан полагал, что семьсот пятьдесят — восемьсот тысяч маньчжуров² вместе с восточными монголами, пленными китайцами, перешедшими на маньчжурскую службу, сильная армия, очевидная

любовь и постоянная помощь Неба давали ему право на новый более высокий титул.

Когда кортеж приблизился к белому могильному холму, Абахай сошел с коня и, обратясь к бэйлэ, сказал:

— Издревле повелось, что императоры и ваны, когда дела в их государстве идут счастливо, приносят жертвы предкам и докладывают им о своих успехах. Ныне государства монголов Лигдан-хана покорились и объединились с нами. Кроме того, мы заполучили передававшуюся из поколения в поколение государственную императорскую печать. Так совершим же подобающий обряд и доложим обо всем этом духу покойного государя, почивающего на Небе!

Абахай, за ним в некотором отдалении все бэйлэ двинулись к могиле Нурхацы. Перед могилой были возжжены курения. Абахай, встав на колени, доложил духу покойного отца о своих успехах и намерении принять по просьбе бэйлэ и подчинившихся монголов императорский титул. Эта просьба была повторена троекратно: семьдесят восемь знатных маньчжуров, подчинившихся Абахаю монголов и китайцев, пав на колени, просили его быть императором. Были поданы и три письменные просьбы — бэйлэ Доргонем на маньчжурском языке, тушэту джинонгом Бадиrom — на монгольском и командующим войсками Кун Юдэ — на китайском.

Готовясь к принятию титула императора, Абахай создал департамент истории, который должен был написать историю его предков и вести хронику его собственного правления.

Торжественная церемония принятия Абахаем императорского титула состоялась 5 мая 1636 года. Три дня до этого он постился, чтобы очиститься от житейской скверны. К востоку от алтаря Неба был сооружен специальный алтарь-престол и подготовлено место для церемонии. В установленный час Абахай в скромной одежде поднялся на среднюю ступень алтаря, справа и слева от него рядами стояли все бэйлэ и сановники. Это было великолепное зрелище! Яркое светило весеннее солнце. Сияли доспехи военных, нефрит, золото и серебро в поясах бэйлэ и сановников, лоснились шелком халаты, тяжело и торжественно светила парча. За рядами стражи, оцепившей место совершения обряда, толпился народ.

Абахай взошел на алтарь и сел на золотой стул-троп.

Все бэйлэ и сановники совершили обряд коутуу: трижды пали на колени и каждый раз трижды низко поклонились. Когда все поднялись с колен, слева из рядов вышел бэйлэ Доргонь и с ним хорчинский тушэту джигинг Ба-дир. Они к поклоном поднесли Абаху первую императорскую печать, за ними бэйлэ Додо и Хаогэ — вторую, бэйлэ Иото и сын покойного чахарского хана Конггор Эдже — третью. Следом вышли бэйлэ Туду и командующий войсками Кун Юдэ и поднесли четвертую печать. Затем бэйлэ и сановники подали ему три поздравительные грамоты, которые вначале были положены перед алтарем. Грамоты были показаны всем собравшимся на церемонию и громогласно зачитаны.

Абахай, уже император, встал с золотого трона, сошел с алтаря-престола и в сопровождении бэйлэ и сановников под приветственные крики толпы удалился в храм Тай-мяо. Этот храм был сооружен у восточной стены столицы и посвящен предкам императора. Здесь Абахай перед табличками с именами предков и пожалованными им посмертными императорскими титулами совершил жертвоприношение и доложил о принятии высокого титула. Одновременно эфу Янгули и чиновник канцелярии (нэй-юань) Сифу были отправлены для совершения жертвоприношения на могиле Нурхаци и доклада ему о принятии его сыном титула императора.

Абахай назвался Щедрым и Ласковым, Человеколюбивым, Священномудрым императором. Свою династию он наименовал Дай Цин — Великая Чистота (Непорочность) и сменил девиз правления Тянь-цун (Чуткий, внимательный к повелениям Неба) на Чун-дэ (Накопленная благая сила «дэ»)³.

Поднебесная приобрела второго сына Неба. В идеале, как и на небе не бывает двух солнц, так и в Поднебесной не могло быть двух императоров. Вопрос, кто кого, кто останется владыкой Поднебесной — император Мин или император Цин, приобрел наивысшую остроту. И неудивительно, что через какой-нибудь месяц, 2 июля 1636 года, войска Великой Цин под командованием Ацзигэ вновь обрушились на границы Мин. Сам Абахай в этом походе не участвовал.

Удар был нанесен юго-западнее Пекина. У города Баодин маньчжуры взяли двенадцать городов и захватили сто восемьдесят тысяч человек и голов скота⁴ (счет людей и скота велся совместно).

Император встречал возвращавшегося с добычей Ацзигэ в пяти километрах от Мукдена. Увидев, как его брат и полководец исхудал и утомился в походе, Абахай, по свидетельству летописи, расплакался⁵. Он повелел Ацзигэ, его помощникам — Абатаю и Янгули — приблизиться к своей особе и сесть справа. Прочих генералов усадили ниже и слева. По установившемуся обычаю победный пир начался с того, что Абахай сам поднес золотой кубок вина героям похода. После пира было совершено поклонение в храме, и через ворота Фуцзиньмынь войска вступили в столицу.

Вскоре маньчжуры предприняли поход в Корею. Осенью 1638 года они снова вторглись в Китай. Войска государства Великая Цин, помимо самих маньчжуров включали в свой состав монголов и китайцев, число которых непрерывно возрастало.

Абахай часто читал династийные истории, особенно истории династий не китайских по происхождению — киданьской Ляо, чжурчжэньской Цзинь, монгольской Юань. Они заставляли его задумываться над тем, что основатели этих династий добивались большого успеха, правили или частью Китая (Ляо), или его половиной (Цзинь), или всем Китаем (Юань), но династический род, сановники, знать, лучшие люди народа, солдаты, пастухи и земледельцы в Китае попадали под влияние всего китайского.

...Он приказал созвать бэйлэ, недавно переименованных на китайский манер в ванов, и сановников.

— Многие сравнивают наши дни со временами Цзинь и Сун. Это не совсем верно. Минский государь не является потомком императоров династии Сун, я не являюсь потомком императоров династии Цзинь⁶. Это так. Вы, бэйлэ, маньчжуры, мы одна семья, но тут сидят монголы, сидят китайцы. Небо вверило мне Поднебесную, и Мин скоро придет конец. Но не будет ли это и концом нашего маньчжурского дома? Не станет ли он постепенно китайским? Вчера я читал историю династии Цзинь. Думал об императоре Ши-цзуне. Это был премудрый государь. Недаром потомки пазывали его маленьким Яо или маленьким Шунем. Вчитайтесь в эту книгу! У Тай-цзу и Тай-цзуна были деяния, которые долго и надежно могли служить потомству. В царствование Сицзуна Хэла и Ваньянь Ляна все это было сведено на нет. Безмерное пристрастие к вину и женщинам, обжорству и музыке, пристрастие к китайским манерам тому причина. Когда

же на престол взошел Ши-цзун, он пекся о законах предков и очень опасался пристрастия своих потомков к китайским обычаям: в одежде и языке — во всем предписывал следовать старым чжурчжэньским обычаям. Однако последующие государи отошли от этого, и государство погибло. Не следует забывать об этом! Недавно бакши Дахай и Курчань уговаривали и меня заменить маньчжурские одежды и головные уборы на китайские. Я не согласился и предупреждаю, что и впредь не приму таких предложений! Мы, маньчжуры, носим просторные халаты с большими рукавами, слева подвешиваем колчан со стрелами, а справа — лук. Отказаться нам от конских скачек, стрельбы с коня из лука, просторного платья с большими рукавами — все равно, что сидеть и ждать, когда другой человек отрежет тебе от твоего куска мяса, а потом уже есть его, или же уподобиться левше. К чему я это говорю? Единственно ради того, чтобы позаботиться о наших потомках. Сам я решительно не отступлюсь от своего, маньчжурского, но очень опасаясь, что потомки наши забудут старые обычаи. Наши воины — отличные наездники и стрелки из лука, именно поэтому они побеждают в чистом поле и штурмом берут города. Недаром в Поднебесной о моих войсках говорят: «Уж если они стоят, то их не сдвинуть с места, а если уж они продвигаются вперед, то назад не оглядываются!» Добрая слава, устрашающая врагов! Повелеваю, внимайте моим словам⁷.

Вскоре все стали расходиться. Уходили бэйлэ-ваны, вспоминая о своих домах, построенных по китайскому образцу, о китайской посуде, одежде и утвари, о прислуживающих, а ночами часто утешающих их вместо маньчжурских и монгольских жен рабынях-китайках, о детях, которые стремятся походить на минских принцев крови и знают китайский язык лучше, чем маньчжурский. Уходили китайские сановники, в глубине души презиравшие этих варваров, и думали о том, что если Небо и поможет им завладеть Китаем, то заплатить им за это придется своим будущим — через два-три поколения они все равно станут китайцами. Уходили монголы, пряча ухмылки и свои мысли: их такими речами не проймешь, они живут в юртах-гэрах, пасут скот по степям и долинам, и ни маньчжуры, ни китайцы не станут монголами, но и они, монголы, не станут ни маньчжурами, ни китайцами. Сильный свалит и быка. Они с сильным, с ханом, и получают свою долю от его походов.

Он был мудрым провидцем этот плотный, сильный маньчжур, охотник и рыбак, воин и император, человек, по своей образованности не уступавший придворным китайским ученым. Он и его отец отвоевали у Мин пока одну крайнюю северо-восточную провинцию Китая, а он уже задумывался о будущей судьбе своего народа.

* *
*

После того как было покончено с Кореей, осенью 1638 года цинские армии вновь обрушились на границы Мин. Левой, восточной, армией вторжения командовал Доргонь; правой, западной, — Ито. Армия Ито перешла границу у гор Цянцзылин, восточнее уезда Миюнь. Отряды Доргоня двигались через заставу Циншаньгуань. Поздней осенью третья группа войск под командованием самого Абахая вступила на территорию Мин через Шаньхайгуань.

Больших боев не было. Китайские войска уклонялись от решительных сражений, маньчжуры тоже соблюдали осторожность: они укрепляли лагери, не пускали коней пастись, постоянно следили за надежной охраной.

Первое сражение произошло в феврале 1639 года у города Суншань, расположенного юго-западнее Цзиньчжоу, у северо-западной оконечности Ляодунского залива. Обе стороны широко использовали артиллерию. Город стойко оборонялся, и маньчжуры так и не смогли овладеть им. В целом в этой компании, длившейся до весны 1639 года, цинские войска на западе дошли до провинции Шапси, на востоке — до окрестностей Пекина и до города Цинаньфу в Шаньдуне. Они еще никогда не заходили так далеко на юг, в глубь территории Китая. Но в этом походе маньчжуры не смогли взять ни одного крупного города и ограничились разгромом мелких китайских гарнизонов. По их подсчетам, цинские войска с боем взяли пятьдесят с лишним обнесенных стенами укреплений (городков), восемь из них сдались добровольно. Минские войска потерпели поражения в тридцати семи сражениях. Маньчжуры, как указывает источник, взяли в плен четыреста девяносто восемь тысяч триста человек, захватили более четырех тысяч лан золота и девятьсот семьдесят семь тысяч четыреста лан серебра⁸.

В этой компании погиб племянник Абахая, сын Дайшаня, видный маньчжурский военачальник Иото. Он был похоронен за пределами Мукденской городской стены, в ее юго-западном углу.

...Сойдя с коня и сев на простую циновку, император оплакивал своего племянника. Рядом, повалившись прямо на землю, безудержно рыдал Дайшань.

Оправившись, Абахай стал утешать брата и уговаривать двинуться в путь:

— Не то это место, где можно долго оставаться. Вернемся домой и еще раз оплачем покойного там!

Дайшаню помогли сесть на коня, но, отъехав немного, он упал на землю и зарыдал. Абахай, не сходя с лошади, ждал.

На поминках Доргонь и другие бэйлэ поклялись отомстить китайцам — взломать их границы, разрушить их города и крепости, уничтожить врага всюду, куда смогут дойти их кони⁹.

Гибель Иото, командовавшего западной колонной войск, а также опасения военачальников да и самого Абахая, что западная армия, вторгшаяся в Китай через владения чахаров, легко может быть отрезана, убедили его в необходимости приобрести опорную базу — овладеть городами Нинчжоу и Чжэньчжоу. Через них можно выйти к заставе Шаньхайгуань и, преодолев Великую стену, беспрепятственно двигаться к Пекину.

В следующем, 1640 году, маньчжуры предприняли первую попытку осуществить этот план. Мелкие атаки, не принесшие успеха, побудили императора маньчжуров во второй половине лета направить минским властям письмо с предложением о мирных переговорах. В нем, подчеркивая, что китайцы уже потеряли миллион человек, Абахай писал: «Это не я убил их, это ваш государь и чиновники сами убили их. А если два государства заключат мир, то разве такие беды смогут случиться в будущем? <...> Что касается церемониала и этикета и обмена приветствиями и посланиями, то я должен считаться Да Цин, а ты должен считаться Да Мин, каждый — государем своего государства. А то как высокочтимый и презираемый, высший и низший, могут бороться между собой? С древности не было так, чтобы Поднебесной владела одна фамилия. Движения судеб, определяемых Небом, совершаются по кругу. Династии императоров и ванов наследуют друг друга. Случилась неудача, и они

свергаются на полпути, а удачливые вдруг снова терпят поражение. Кого Небо любит, тем покровительствует, кого нет — тех отвергает. ...Следует на переговорах решить разные дела, клятвою объявить их результаты Небу и Земле, и после этого можно будет прекратить войну и дать отдых народу!»¹⁰

Это письмо, в котором Абахай фактически предлагал признать временное равенство сторон и предоставить Небу решить, какая династия впоследствии поглотит другую, осталось без ответа.

В октябре 1640 года маньчжурские войска атаковали Цзиньчжоу и Нинюань, в этот район они стягивали основные силы. Вскоре бэйлэ Хаогэ разбил минские войска в горах к северу от Нинюань. Абахай сам объехал Цзиньчжоу с востока на юг и осмотрел укрепления города. Он был недоволен действиями своих полководцев, не перерезавших пути подвоза сюда продовольствия и фуража. В наказание Доргонь и другие военачальники были понижены в титулах и оштрафованы серебром.

Китайцы прекрасно понимали, что падение Цзиньчжоу, Нинюаня, Суншаня и близлежащих крепостей откроет маньчурам дорогу к Шанхайгуаню — переходу через Великую стену и кратчайшему пути на Пекин. Минские власти укрепляли воинские гарнизоны этого района. Здесь они сосредоточили сто тридцать тысяч пехоты и сорок тысяч конницы¹¹.

Решающие сражения были еще впереди.

Глава шестая

СУНШАНЬСКАЯ БИТВА

Так случилось — мужчины ушли,
побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон,
растворились в дорожной пыли.
Вытекают из колоса зерна —
это слезы несжатых полей.
И холодные ветры проворно
потекли из щелей.

В. Высоцкий

Гурунхотоп, где жил Бохото, был типичным маньчжурским городком: земляные крепостные стены, укрепленные бревнами, глухие дощатые заборы, две улицы замощены толстыми тесаными плахами. Дом Бохото, как и у всех богатых маньчжуров, деревянный, крытый травой с обмазанными известью стенами. Двери — с южной стороны, окна выходят на юг и на запад, закрываются снаружи. У восточной стены — женская половина. У северной и западной стены сложено добро — постель, сундуки, одежда. Кан в доме просторный, теплый, крыт циновками и войлоком. Любит Бохото व्यюжной зимней ночью лежать на нем, укрывшись с головой. Кан топится с кухни. За ним следят китайские рабы.

Богатый дом у Бохото. Много привез он рабов из Китая, из чахарских земель, да и в корейском походе было чем поживиться. Во дворе вэчэку — столб для принесения жертв духам. Двор просторный, в нем бродят свиньи, много свиней. Какой маньчжурский дом без свиней? Недаром маньчжуры говорят: «Плох тот дом, под кровлей которого не вьет гнезда ласточка, плох тот дом, во дворе которого не ходит черная свинья». Да и быками, коровами, лошадьми хан не обидел. В амбаре всегда полно проса. Жены сыты и довольны, одеты в меха, есть кому пахать поле за городской стеной, а он, Бохото, воин, его дело война, быстрая скачка на резвом коне,

меткая стрельба из лука, жаркая сеча в бою. Храбрый воин Бохото. И отличный стрелок, жизни своей не пожалеет для хана-императора.

Бохото осушил чашу с вином и заел вяленой рыбой. Ему было приятно вспомнить состязания, которые состоялись три дня назад. Стреляли и с коня и пешими. Около ямы положили пять больших кедровых шишек. На всем скаку нужно было сбить эти шишки в яму. Ровно пять заездов потребовалось Бохото, чтобы все пять шишек оказались в яме. Ни одна стрела не пропала даром. Потом с двадцати шагов стреляли в минскую монету с дыркой посередине, подвешенную на трехметровом шесте. Командир ниру отобрал трех лучших стрелков, и прежде всего Бохото. Его стрела точно попала в отверстие монеты и застряла в нем своим опереньем. Второй стрелок метким выстрелом отрезал хвост у стрелы Бохото. Третий воип целился долго, но не дрогнула и его рука — просвистела стрела и вот уже перебит сырмятный ремешок, на котором висела монета, и она упала к подножию шеста. С такими воинами, как он, Бохото, хан завоюет и Пекин, а не то что Цзиньчжоу или Шаньхайгуань.

Бохото точил свой нож-хувэси на точиле аньвэхэ из окаменелого дерева, когда пришел приказ через два дня отправиться в новый поход. Было начало четвертого месяца, как раз время посева. Утром Бохото сам проверил работников в поле. Быки, запряженные в телеги, везли сохи, мешки с семенами.

Гонец, привезший приказ, ускакал по соседним дворам. Бохото доточил нож, вошел в дом, крикнул весело на женскую половину за перегородку: «Приказ от императора, завтра принесем жертву вэчэку, а послезавтра в поход!» Вышла жена младшего брата, потирая правой рукой лоб и кивая головой, поприветствовала его:

— Старшей хозяйки нет, уехала в поле проследить за пахотой и огородом. Что приготовить господину?

— Оружие, походный мешок-фату я приготовлю сам. А ты подготовь травы ула и сапоги. Знаешь ведь как у нас говорят: «Три драгоценности у маньчжуров: яхрхода — женьшень, соболи да ула!» Да сходи к вечеру в лес-вэцзи, подвесь кое-что на деревья, сделай подношения духам леса!

Невестка ушла. Она была вдовой (муж ее погиб четыре года назад в походе на Корею) и жила в доме старшего брата мужа. За свои ула Бохото теперь мог

быть спокоен. Невестка была мастерицей готовить эту траву и подстилать ее в кожаные сапоги — так сделает, что хоть зимой иди по снегу или льду, нога не замерзнет, хоть летом по болоту иди — не промокнет. А для Бохото она расстареется: нет, нет да и одарит он ее своей лаской. У маньчжуров любить жену брата не почитается за большой грех, и дух покойного брата не может быть на него в большой обиде. И сегодня бы ее надо приласкать, да нельзя, жена обидится. Да, хорошо спать на теплом кане, не то что в походе на больших, крепких кусках коры у походного костра! Да что горевать, поход — дело веселое, от походов дом богатеет.

На следующий день во дворе у шеста вэчэку слуга заколол жертвенную свинью. Бохото, встав на колени, поклонился шесту вэчэку, поднялся и повесил на шест мелкие кишки, кусочки мяса. Потом он снова встал на колени, за ним опустились все члены семьи, торжественно стал просить духов принять жертву и оберегать его в походе:

— Я, Бохото, родившийся в год тигра, приношу в жертву свинью. Вы, духи, столпившиеся вокруг моей головы, обступив меня с боков, ограждая спереди и поддерживая меня сзади, даруйте мне благополучие. Убелите голову мою сединой, сделайте желтыми от старости зубы мои во рту, дайте мне век долгий, годов как можно больше, корень рода глубокий. Вы, духи умерших, возьмите на себя попечение обо мне, вы, вэчэку, покровительствуйте мне, даруйте долголетие! Надо приносить жертвы вэчэку! Война не шутка!

Сварили свинью, кровавую колбасу. На кане у западной стены, где была натянута веревка с подвешенными разноцветными лоскутами, представляющими духов предков, разложили в деревянные чашки мясо, поставили хлебное вино, домашнее печенье. Жена Бохото надела тяжелую шаманскую юбку, украшенную ста колокольцами, взяла бубен и стала читать заклинания. Она изгибалась в поясице, двигала бедрами, и в такт мерным ударам бубна на юбке звенели колокольцы. Иногда женщина подходила к барабану, стоявшему сбоку, и била в него, призывая духов принять жертву.

Потом все члены семьи уселись на кане, поделили мясо свиньи, колбасу и начали молча есть — каждому нужно было самому съесть свою порцию, ничего нельзя оставить или отдать другому, иначе — беда! Кусочки мя-

са бросили и на крышу дома — чтобы духи защищали его во время отсутствия хозяина!

Вечером был пир. Бохото, радуясь предстоящему походу, много пил, обещая всем подарки, и не помнил, как уснул на кане.

На следующий день, утром, в табуне боевых коней его ниру, которых отдельно пасли пастухи, каждый призванный в поход взял своего коня с привязанной к хвосту деревянной биркой, на которой указывалось имя хозяина, и отряд двинулся в Мукден.

* *

*

Крепость Суншань (Сосновая гора) находилась к юго-западу от Цзиньчжоу. Маньчжуры неоднократно штурмовали ее прежде. Удары маньчжуров по Цзиньчжоу и другим городам заставили местного минского главнокомандующего Хун Чэнчоу сосредоточить большие силы для защиты границ. Еще в середине лета 1641 года Доргонь докладывал Абахая: «Государство Мин, собрав войска со всех провинций, прислало их для отпора нашим войскам. Мы уничтожили три их лагеря, захватили пятьсот пятьдесят четыре лошади, но подошедших вражеских войск очень много»¹.

Когда в район Суншань прибыл Абахай с основными силами цинской армии, маньчжуры заняли позиции от гор южнее реки Усиньхэ до моря. Китайские войска расположились к северу от Суншань, у горы Жуфэншань, и рассредоточились по семи лагерям между Жуфэншань и Суншань. Китайская кавалерия была размещена к востоку и северо-западу от Суншань².

24 сентября 1641 года минские войска атаковали сторожевые посты и авангард цинских войск. Атака была отбита, и маньчжуры преследовали китайцев до горы Тайшань, захватили их склады продовольствия у горы Бицзяшань, а затем перерезали дорогу Суншань-Синшань. Ночью китайцы передвинули свою пехоту к Суншаню, напали на отряды красного с каймой знамени, но снова потерпели неудачу.

План Абаха состоял в том, чтобы не допустить отхода китайских войск, навязать генеральное сражение и разгромить их. Он приказал перекрыть все дороги. В ночь

на 26 сентября минские отряды пытались обойти горы, но были остановлены.

26 сентября Абахай перенес свой лагерь к Суншаню. Минские войска атаковали его, часть их сумела пробиться сквозь укрепления и окружить ставку Абахая. В бой вступила гвардия, личная охрана цинского императора, и атака была отбита.

30 сентября произошло решающее сражение за Суншань. Командующие минскими войсками У Саньгуй и Ван Пу предприняли попытку вырваться из окружения и прорваться в Нинъюань. Авангард цинской армии обнаружил противника. Маньчжурь перерезали с запада дорогу на Суншань и, атаковав минские войска, погнали их на Гаоцяо, где засели отряды Додо. Окруженные со всех сторон минские войска были вынуждены принять бой в невыгодных для них условиях. Прижатые к морю, они упорно сопротивлялись, но не устояли перед натиском маньчжурской и монгольской конницы. Ряды их были расстроены. Стойко сражались китайские солдаты, но лишь немногие из них вместе с У Саньгуем и Ван Пу сумели прорвать кольцо окружения. На следующий день, расчленив китайские силы на отдельные группы, цинские войска начали их уничтожение.

...В упоении близкой победы скакал Бохото в рядах своего знамени, разя направо и налево отчаянно сопротивлявшихся и отступавших к морю китайцев. Ища спасения, они бросились в воды Ляодунского залива, но их добивали из луков. Бохото гнал не менее десятка минских солдат, отбивавшихся от его натиска саблями и копьями. С победным кличем он теснил их по песчаной отмели все ближе к голубой воде залива. Друг за другом падали под его ударами неприятельские воины, но один из преследуемых остановился и занес копье для удара не по всаднику, а по коню. Бохото резко потянул повод влево, послушный конь отпрянул в сторону, и копье китайца лишь слегка рассекло правую сторону груди животного. Бохото отчетливо видел желтые, горящие ненавистью глаза и рубанул прямо по ним. Не останавливаясь, он погнал китайцев в воду и со смехом стал гоняться за ними по отмели, добивая тех, кто не отступал в глубину. Конь его по круп был в красной от крови, заполненной плавающими трупами воде. Сбросив шлем, торопливо развязывая завязки панциря, пытался уплыть последний из преследуемых им китайцев, но меткая стрела Бохото поразила его в заты-

лок. Труп с торчащей стрелой подхватила волна. «Как лодка с мачтой! — подумал Бохото. — С этими покончено». С победным криком он повернул коня и стал выезжать из воды, чтобы присоединиться к воинам своей сотни, добивавшим врага. Он уже почти выехал на сушу, когда раненый китайский лучник, собрав последние силы, привстал на колени, наложил стрелу на тетиву и вогнал ее прямо в шею Бохото. Поводья выпали из рук, и Бохото рухнул с коня в кроваво-соленую воду Ляодунского залива.

Море, еще теплое, залитое закатным осенним солнцем, окрашенное кровью, волна за волной накатывалось на берег. Оно быстро смешало тела убитых китайцев, маньчжуров и монголов. «Мертвые тела в море, — записано в летописи, — плавали, как стаи диких гусей и уток»³. Этим образным сравнением летописцу хотелось подчеркнуть величие победы цинского императора Абахая, но он донес лишь жуткую правду тех жестоких дней.

Стотринадцатитысячная минская армия была разгромлена⁴. В этом сражении было убито почти пятьдесят четыре тысячи китайских солдат. Крепость Суншань оказалась блокированной, лишь отдельным минским отрядам удалось окольными путями уйти на юг.

Гарнизон Суншани был немногочисленным — около десяти тысяч человек. Находясь в окружении, он страдал от недостатка продовольствия и фуража и в ближайшее время не мог рассчитывать на помощь извне. Хун Чэнчоу, командовавшему осажденными, Абахай направил письмо, в котором писал: «Я, лично возглавив войска, пришел сюда, зная, что войска, которые высланы тебе на помощь, будут непременно разгромлены. ...От Ташань на юг до моря, на север до гор и до горных хребтов к востоку от Нинъюань все пути к отступлению отрезаны. ...На сухопутных дорогах всюду громоздятся груды тел убитых, и уж тем более невозможно перечислить тех, кто нашел свою гибель в море. ...Я не бросаю слов на ветер... в прошлом, во время похода на Корею... я приказал [корейскому вану]: „Если ты сдашься, обязательно будешь жив.“ ван действительно сдался... и ему по-прежнему приказано быть государем его государства. Позже, во время осады

Далиньхэ, командующий Цзу Дашоу сдался и также не был убит. ...Вы сами способны обдумать все это!»⁵

Пока Хун Чэнчоу, сидя в осажденном Суншане, обдумывал «все это», маньчжуры пировали, празднуя победу. Когда захмелевшие бэйлэ, джинонги и ваны разбрелись по своим палаткам и юртам, Абахай лег на походный войлок, на мягкую подстилку из шкурок ягнят, и задумался о том, что велик и силен минский Китай и отступать от своих потаенных замыслов уже поздно. Он забылся лишь под утро, и ему приснился отец: «Нурхацци стоял в обычной повседневной одежде, лицо его было мертвенно бледно и черты его расплывчаты.

— Ты что хочешь, отец? — спросил Абахай, опускаясь на колени. — Может быть, я чем-то прогневил тебя?

Нурхацци, не взглянув на сына, глухим голосом из нездешнего мира, приказал:

— Вручите ему печать!

Четверо, и среди них Бохото из Гурунхотона, храбрый воин, павший в прошедшем сражении, с застывшим лицом и воткнутой в шею стрелой, медленно, как тени, подошли к Абахая, и один из них — племянник Иото — торжественно преподнес ему императорскую печать юаньских императоров. Абахай видел всю эту картину как бы со стороны, отчетливо сознавая, что он один живой среди этих мертвецов, не смея послушаться, трясущимися руками принял печать. Растаяли эти четверо, в серой дымке растворился отец!»

Абахай проснулся в холодном поту, скинул богатое китайское одеяло, набитое шелковыми оческами, и вышел из шатра. Стояла прохладная осенняя ночь, мерцали огни бивачных костров, за ручьем заржала лошадь — там паслись на лугу кони. Не обращая внимания на гвардейцев охраны, Абахай отошел на несколько шагов от шатра и немного постоял, взглядываясь в звездное небо. Вернулся в шатер, забрался под одеяло. Сон и радовал и пугал: зачем такое, что все это значит? Так и не придумав объяснения, он пролежал под одеялом до рассвета.

Днем Абахай приказал позвать к нему придворных ученых Фань Вэньчэна, Хифэ и Ганлина и повелел им истолковать этот странный сон. К обеду ученые сообщили: «То, что Тай-цзү вручил Вашему императорскому высочеству печать, означает, что он вручил Вашему императорскому высочеству господство над Поднебесной!»⁶.

«Льстецы, я ведь не взял еще и Суншани!» — подумал Абахай, а вслух сказал:

— Вы правы. Зачем иначе отец явился бы ко мне! Небо послало его уведомить меня, что я стану владыкой Поднебесной. Объявить об этом чуде войскам и народу государства!

17 октября Абахай покинул войска и возвратился в Мукден.

* *
*

Цинская армия осталась осаждать Цзиньчжоу и Суншань, а также крепость Синшань. Жителей этого района в возрасте пятнадцати лет и моложе Абахай приказал обращать в рабство, а прочих не щадить.

В ночь на 19 марта 1642 года Хун Чэнчоу прислал к цинским бэйлэ своих людей и заключил с ними тайный сговор о сдаче Суншани. Отдав маньчжурам в качестве заложника своего сына, он условился с ними об имитации успешной штурма и своей вынужденной капитуляции. Задуманный план предательской сдачи Суншани был успешно осуществлен.

8 апреля 1642 года капитулировал командующий гарнизоном города Цзиньчжоу Цзу Дашоу. Город был доведен до крайности — передки стали случая людоедства. Известие о падении Суншани вынудило Цзу Дашоу сдать-ся на милость победителей. Интересно, что в первое время покорившихся китайцев маньчжуры заставляли не отращивать косы по образцу своей собственной прически, а, наоборот, сбривать волосы наголо. Так они поступили с жителями Цзиньчжоу¹. За Цзиньчжоу вскоре пали Ташань и Синшань.

* *
*

Начальник военной палаты Китая Чэнь Синьцзя отдавал себе отчет в том, что положение страны стало угрожающим. К югу и юго-западу от столицы полыхал мятеж, который никак не удавалось подавить. Поражение, понесенное в районе Суншани, отсутствие союзников для борьбы с маньчжурами — все это указывало на то, что с

новоявленной династией на севере будет непросто справиться. «Чтобы остановить натиск врага, сбить стремительность его удара, нужно начать переговоры о мире. Этот хан сам все время в посланиях пограничным минским начальникам заверял в желании мира. Жаль только, что не удается склонить к началу переговоров императора: он не хочет признавать этого маньчжурского хана и считает недостойным говорить с ним о каких-то условиях мира. А это неразумно». — Чэнь Синьцзя подумал так и сам испугался своих мыслей. Весь вечер он гулял в одиночестве по маленькому садику около своего дома, обдумывая, как начать неофициальные переговоры с Цин. Щекотливость его положения состояла в том, что написанное в завуалированной форме предложение вести мирные переговоры было составлено пекипскими дипломатами в форме указа ему, Чэнь Синьцзя, указа, который следовало довести до сведения маньчжуров. Любая оплошность или неудача — и все будет свалено на него. Тогда не сносить ему головы. Но отказаться нельзя.

Чэнь Синьцзя ходил и ходил от изящной декоративной горки из серого поздраватого камня, где так чудесно сочетались скупая зелень редкой травы с серым камнем и матовыми лишайниками, до старого кипариса по дорожке, выложенной плитняком. Делать нечего. Дорога своя голова, но отечество дороже. Если приказано рисковать ему, значит, такова судьба.

Утром он, заранее будучи уверенным, что из переговоров, начинаемых таким образом, не выйдет ничего, кроме несчастья лично для него, послал в Цзипьчжоу к маньчжурам трех офицеров с присланным ему из столицы указом.

* *
*

Абахай, читая письмо-указ Чэнь Синьцзя, только диву давался. Не было его, императора Цин, не было его династии Цин, не было поражения под Суншань, не было ничего, кроме мятежного городка Мукдена-Шэньяна, которому теперь милостиво разрешают прекратить неразумно затеянную смуту. «Из доклада военной палаты, — говорилось в указе, — мы увидели, что в Шэньяне действительно существует мысль о прекращении военных действий и даровании народу тишины. Недостаточность донесений прежних губернаторов не позволяла нам верить

искренности того намерения („Хвала Небу! — усмехнулся Абахай, — хоть не мы виноваты в этом“). Но после неоднократных представлений палаты о том, что знаки расположения и чистосердечия с нашей стороны непереложно приведут к покорности отдаленные народы, мы, руководимые высоким милосердием Верховного Неба и желанием возратить под нашу державу древнее достояние, приобретенное правосудием и кротостью наших предков, наконец ниспосылаем повеление палате исполнить настоящее дело, обнародовать в Шаньяне нашу волю и представить на наше рассмотрение... известие о дальнейшем ходе событий»⁸.

Чего угодно ожидал Абахай, но только не такого неразумного отношения к делу. Поэтому, закончив чтение, он не стал кричать и раздражаться. Ожидавшим его реакции бэйлэ он сказал:

— В этой минской писульке очень много несоответствующего истинному положению дел. Еслипишешь официальное письмо моему государству, то зачем составлять его в виде указа бинбу шаншу Чэнь Синьцзя? Ну, хорошо, если это даже указ, направленный Чэнь Синьцзя, то где скрепляющая его императорская печать? Государство Мин не стремится ясно определить, где правда, а где ложь, а попросту оскорбляет мое государство. Я, уповаю на милосердие и помощь царственного Неба, уверен, что все то, чем прежде владела династия Цзинь, станет моим! Наше милосердие и могущество распространяются до далеких окраин, и нет на пути их распространения достойных противников! Государство Мин, считая себя детищем Неба, с презрением смотрит на другие народы. Говорит всем многозначительные слова, но мира не желает. Будто не знает того, что царственное Небо не имеет кровных родственников! Кто обладает благой силой дэ, тот и получает от него мандат на управление Поднебесной, а того, кто не имеет таковой, отвергает⁹.

Слова Абахая стали известны в Пекине, и в Мукден прибыли послы вести переговоры о мире уже по поручению императора Мин. Минским послам, встреченным торжественно и с почетом, пришлось выслушать длинный перечень побед Нурхацы и Абахая вплоть до создания династии. Они вежливо слушали, молча кивали головами, но не это волновало их — главным являлись условия заключения мира, которые предложит этот маньчжурский хан, расхваставшийся своими успехами.

Абахай говорил по-маньчжурски. Переводчик из китайцев бодро переводил. Вот лицо посла напряглось, он вслушивался в речь хана: «„Если оба государства искренне желают мира, то какая нужда в том, чтобы сравнивать, кто из них выше или ниже? Если придут послы вашего государства, я стану принимать их лично, если придут послы из моего государства, Ваш император должен принимать их лично“. И наконец, что он просит с Китая?! Ежегодно десять тысяч лан золота, миллион лан серебра и все это за тысячу цзинь женьшеня и тысячу собольих шкур! Наглец! Выдача перебежчиков, это правильно. Так, а границы? Нинюань пам. Ташань они забирают себе. Ничего из захваченного возвращать не хотят. Так, торговля. А это что? Неслыханно! Заключить договор можем мы, я, император Цин, и император Мин лично, дав клятву Небу и Земле, или каждый, послав своих высших сановников для заключения клятвенного договора!»¹⁰

Китайские послы не стали возражать и спорить — они не смели обсуждать условия договора, предусматривавшие абсолютное равенство сторон. Встречные условия могли быть выработаны и утверждены только в Пекине. Отбросив все частности, мипский двор через пограничных чиновников настаивал на основном — закреплении в тексте будущего договора неравного положения договаривающихся сторон, выраженного в традиционных терминах родства: «Два государства будут рассматривать свои отношения как отношения между сыновьями (Мин) и внуками (Цин)»¹¹.

Переговоры зашли в тупик и потому, что маньчжурские бэйлэ, хорошо осведомленные о мощном крестьянском восстании в Китае, угрожавшем существованию династии, также были недовольны условиями договора. Если уж устанавливать границу, — считали они, — то по реке Хуанхэ, все равно земли к северу от нее вот-вот перейдут к Цин.

Мипский двор был возмущен оскорбительным тоном маньчжуров, и Чэнь Синьцзя, как он это и предвидел, был казнен. Переговоры прервались, и в начале зимы 1642 года цинские войска начали очередной, пятый по счету, поход на Мин.

Глава седьмая

СОЛОНЫ БОМБОГОРА НЕ ХОТЯТ СТАНОВИТЬСЯ «НОВЫМИ МАНЬЧЖУРАМИ»

В осенней солнечной пыли
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли!

А. Блок

Для осуществления своего замысла — стеснения минского Китая, а при случае и занятия престола повелителя Поднебесной Абахаю нужны были люди, объединенные в военно-административную организацию ниру: молодые мужчины-воины и обслуживающие их прочие мужчины, женщины, дети, пленные-рабы. Он, как и отец его Нурхаци, время от времени отправлял в глубь Северной Маньчжурии отряды в поход за людьми и мехами. Районы Центральной и Северной Маньчжурии и ее северо-восточные окраины были населены племенами, именовавшимися в источниках тех лет варка, курка (вероятно, предки орочей), воцзи (часть их была предками нанайцев), хурха (также, очевидно, предки нанайцев)¹.

...Поселок нанайских (ачанских) родов учжала раскинулся на берегу таежной речки Вохэй. Деревянные дома, поднятые на сваях, курились дымами в синее-синее январское небо. Солнце заливало ярким светом белые снега, засыпавшие поселок, укутавшие тайгу, густую синезеленую хвою елей и сосен, золотые стволы сосен и кедров, черно-белые березы. Под его лучами грелись, чувствуя весну, собаки. На открытом серебристо-белом просторе реки копошились люди, занятые подледным ловом рыбы. У сараюшек, кладовок, поставленных на сваи, стояли прислоненные к стенам нарты. Ржали кони в загоне, с дальнего луга кто-то вез на волокуше сено.

В яркий полдень у поселка неожиданно появился Убахая. Разделившись на четыре группы, маньчжуры с двух сторон атаковали рыбаков, отрезав им путь к поселку, и ринулись к селению. Закричали женщины и дети, запыхавшись. С воем мчались по поселку обгорелые обезумевшие собаки. Умелые маньчжурские коноводы сбивали в табун и отгоняли в сторону от поселка ценную добычу — коней. Воины привычно сгоняли в толпу женщин, детей, стариков и мужчин, которые не сопротивлялись. Тех же, кто пытался отбиваться, убивали немедленно. Маньчжуры привычно шарили по амбарам и домам, собирая меха.

Рыбаки на реке были перебиты почти полностью: кто сражен стрелой, кто зарублен, кто сброшен в прорубь. В итоге триста тридцать восемь человек были убиты, свыше пятисот взяты в плен, захвачено триста семьдесят коней, мехов разных — тысяча с лишним шкур². Пленных погнали в Мукден, чтобы распределить их по знаменам: способные носить оружие должны стать «маньчжурскими» воинами, а прочие — работать на солдат и войну.

Появление маньчжурского государства не могло не сказаться и на судьбах соседних с собственно маньчжурскими племенами народов Северо-Восточной, Северной и Северо-Западной Маньчжурии и побережья Японского моря. Одни из них были насильственно присоединены маньчжурами, другие переходили на их сторону добровольно.

Первым в контакт вступили воцзи, которые в феврале 1599 года послали к ним с подарками старшин Вангэ и Чжангэя³. Однако, развивая завоевательную активность, маньчжуры не собирались поддерживать мирные отношения с северо-восточными соседями. Для этих племен наступили долгие и страшные годы опустошительных войн.

В июне 1607 года тысячный отряд маньчжур выступил в поход против воцзи Восточного (Японского) моря. Были razорены области Хэсихэ, Омохэсулу (Эмхэ-соро, восточная часть Гирина), Фонахэ и уведены в плен две тысячи человек⁴. В декабре 1609 года нападению подвергся район Хусе воцзи Восточного моря. Маньчжуры снова увели в глубь страны две тысячи человек⁵. Ровно через год поход был повторен. На этот раз пострадал район Суфына и Елани (верховья Уссури). Девять племенных старейшин воцзи вместе с семьями были увезены в Маньчжурию, в плен угнано десять тысяч человек⁶. В августе 1611 года Абахай захватил области Мулунь и Ургучэнь. В декабре 1614 года пятисоттысячный отряд маньчжуров напал на

воцзи областей Елань и Силань (река Силань, приток Сунгари), захватил двести семей и взял в плен тысячу человек⁷. В декабре 1615 года маньчжуры начали новый поход на воцзи. Решающее сражение произошло у укрепления Эхэколунь. Осажденные воцзи долго не сдавались. Чтобы взять укрепленное место, маньчурам пришлось преодолеть три глубоких рва и разрушить частокол. В сражении погибло восемьсот воцзи, десять тысяч человек и пятьсот семей были уведены в маньчжурское государство⁸.

Последний поход маньчжуров против воцзи был совершен в 1617 году. В источнике сообщается, что для покорения многих племен, населяющих побережье, был выслан отряд в четыреста человек. Он разграбил прибрежные племена, в том числе и те, которые жили на близлежащих островах. Таким образом, за десять лет (1607—1617) воцзи были обескровлены и разорены маньчурами.

Наступление на варка началось в январе 1607 года. Маньчжуры заняли город Фэйю (район Хуньчунь) и окружающие поселения варка, в которых проживало пятьсот семей⁹. Спасаясь от преследований маньчжуров, часть варка бежала в Корею, но в марте 1609 года местные власти выдали около тысячи семей племени маньчурам.

Основные походы против варка были совершены маньчурами при Абахэе в 1629, 1631, 1633, 1635, 1636, 1637 и 1638 годах. Только по данным летописей, за это время на территорию маньчжурского государства было угнано более пятнадцати тысяч варка. Спасаясь от притеснений маньчжуров, многие варка бежали в Корею. Вопрос о перемещенках не раз был предметом споров между маньчурами и корейцами до тех пор, пока сама Корея не попала в зависимость от маньчжуров¹⁰.

Конфликт между маньчурами и группой племен хурха возник осенью — зимой 1611—1612 года. Маньчжуры подарили старшинам хурха тридцать комплектов доспехов. Те увезли их, а у себя дома развесили на деревьях и расстреляли из луков. В отместку за такое кощунство двухтысячный отряд маньчжуров осадил укрепление Чжакута и после долгой осады овладел им. В результате тысячи человек были убиты, две тысячи — угнаны в плен¹¹. В 1619 и 1625 годах походы против хурха повторились. Маньчжуры угнали пять тысяч человек. В 1634 году, обращаясь к приехавшим старшинам хурха, Абахай говорил: «Хурха надменно не посылают ко двору подарков.

Собираюсь выслать против них большую армию!»¹². В том же году состоялся новый поход против хурха, который был возобновлен в 1635 и 1639 годах. В 1640 году хурха присоединились к боровшимся против маньчжуров солонкам, среди сторонников которых упоминаются также килер (возможно, орочены)¹³. Хурха не прекращали борьбу вплоть до самой смерти Абахая. Походы против них в 1642 и 1643 годах закончились угоном в пределы Цин четырех тысяч человек¹⁴.

В августе 1616 года маньчжуры вышли к южному берегу Амура при впадении в него речки Урцзянь. На двухстах лодках они отправились в низовья реки и разграбили тридцать шесть поселений. Зимой того же года они по льду перешли Амур, разграбили одиннадцать поселений людей, «ездящих на собаках», и увели в Мукден сорок племенных старшин¹⁵. В 1635 году был совершен новый поход в район Амура с целью угона людей. В указе Абахая говорилось: «У населения этих земель язык одинаков с нашим, и все, кто будут приведены, смогут быть полезны нам»¹⁶. В 1636 г. Алай-Дархан напал на «ездящих на оленях» (эвенков) в местности Камунихань и увез восемнадцать мужчин и одиннадцать женщин¹⁷.

Каковы же были цели маньчжурских походов на прилегающие к государству Цин районы Маньчжурии? Источники свидетельствуют о том, что в первой половине XVII века маньчжуры никогда не занимали территории разоренных ими племен. Они уводили людей, основное «богатство», и включали их в число восьмизнаменных войск. Этническое и языковое родство этих народов, затем безусловно участвовавших и в дальнейшем формировании маньчжурской народности, позволяло легко или сравнительно легко превращать пленных в «новых маньчжуров», расширять собственную этническую базу новой династии, озабоченной своей этнической судьбой. Пленные и добыча, прежде всего меха и скот, — вот, что было постоянной целью грабительских походов маньчжуров. При Нурхаци и Абахае они опустошили и без того негусто населенные районы, разорили и обескровили многие местные племена, уделом которых стали плен и постепенная ассимиляция их собственно маньчжурами. Как справедливо считает Г. В. Мелихов, детально исследовавший этот вопрос, маньчжуры «не оставляли каких-либо свидетельств о присоединении края к владениям государства Маньчжу, о подчинении населения власти маньчжурского государства

и др. Напротив, никаких попыток к закреплению за собой этих территорий маньчжурами не предпринималось. Маньчжуры не пытались колонизовать и осваивать эти земли, не устанавливали на них управления своей администрации, не оставляли своих гарнизонов, никогда не фиксировались здесь установкой постов или пограничных караулов пределы какой-либо „сферы влияния маньчжурского государства“»¹⁸.

Более сильные и объединенные в единые княжества народности Южного Приамурья, например солоны, оказали маньчжурам открытое военное сопротивление. Правитель солонов, живших между Большим Хинганом, верховьями Нонни и Амуром, Бомбогор, не желая осложнять отношения с Абахаем, в 1637 и 1638 годах приезжал в Мукден и одаривал его соболями. Однако прийти к обоюдному согласию Бомбогор с Абахаем не смогли. Противоречия возникли, скорее всего, из-за количества даримых соболевых шкурок. Кроме того, Бомбогор, очевидно, в отличие от восточных монгольских князей отказался послать своих людей в помощь маньчжурам для войны с Китаем¹⁹. Он не был связан с цинской династией клятвенным договором и не был обязан идти с маньчжурами на войну. Как бы там ни было, но зимой 1639—1640 года против Бомбогора, который был объявлен мятежником, направили карательные войска под командованием Сохая, Самшики, Мучэн-тэ, Екэши, Ионшуна, Бая, Исуня и др.²⁰ Командующим левого крыла назначался Самшики, его помощником — Исунь; правого крыла — Сохай, а его помощником — Екэшу. Войскам был отдан приказ двигаться совместно и всем командирам обсуждать все дела сообща.

28 апреля 1640 года Абахай получил от Сохая первое донесение о ходе войны против солонов. «Мы дошли до реки Кумары и разделили войска, определив каждому знамени место наступления. Поскольку дорога дальняя, то установлен срок [прибытия] в сорок дней. К поселению Улань-хайлунь было направлено синее с каймой знамя. Кроме того, чэнчжэн Исуню было приказано, встав во главе одного из офицеров каждого знамени и отобрав по два человека солдат из каждой ниру, дойти до местности Лаличань. Как только Исунь и другие двинулись, они обнаружили четыре укрепленных бревенчатыми стенами города: Дочэнь, Асалуи, Якса и Доцзинь. Жители их оказали упорное сопротивление и не подчинились. Было приказа-

но командирам из правого крыла Екэши, Баю, Аханикань, Таньбу Ланьбаю и Убахаю, встав во главе двух офицеров из каждого знамени и отобрав из каждой ниру по два человека людей, способных выполнить воинскую службу, из числа имеющихся при каждой ниру пленных, а из неимеющих пленных ниру по трое людей, способных выполнять воинскую службу, прийти к нам на помощь. Затем штурмовали город Якса. Когда атаковали город, то с позиций, обороняемых Суйхэдэ, прежде всего забросали огнем и подожгли пригород у южной городской заставы. Командиры восьми знамен, каждый возглавив по 20 солдат, двинулись вперед. Отряд Хото, первым ворвался в город, за ним последовал Чжумара, и тот и другой, используя огонь, атаковали и взяли город. В это время четверо [солонов]: Дарбуни, Ацялэду, Бокуду и Ханьбирдай собирали жителей семи [окружающих] селений в город Укур. Самшики, Исунь, Мучэнхэ, Бай отдали приказ войскам на рассвете атаковать его. К вечеру они овладели им. Дошли до Дочэнь. Всеми имеющимися силами штурмовали его один день. На следующий день поступило известие с каждой из дорог, что Бомбогор с войсками идет на помощь. Опасаясь, что он причинит большой урон нашим войскам, мы сняли осаду [Дочэнь] и возвратились. Солоны селений Улусу, Эртуньцилеми... общей численностью шесть тысяч человек атаковали арьсгард войск голубого знамени. Сохай укрыл свои войска в засаде. Самшики, защищая тяжелый обоз армии, двигался в арьсгарде. Эти двое людей, возглавив свои войска, скрытно и внезапно атаковали [солонов]. Убитых было очень много, попали в плен только четыреста человек. Поскольку Бомбогор потерпел поражение, [наши войска] вслед за этим напали на его лагерь и овладели им. Три знамени: белое, красное и желтое с каймой, одно за другим стремительно ворвались в него. Бомбогор с остатками своего войска в двести человек бежал. Сабату, Чжобутай, Убань, Иргэдэ, возглавив девяносто солдат, отправились на помощь Самшики. Жители городов Дочэнь и Асацзипь с отрядом в четыреста солдат перерезали путь нашему отряду, атаковали и разбили его, убив пятьдесят человек. Самшики приказал Исуню встать во главе пяти чжангиней и ста тридцати солдат в Дочэни и устроить засаду. Убили семь человек. Кроме того, послали Аханиканя, Башаня, Ланту и Салу атаковать поселок Гуалар. Человек из поселка пришел к Сохаю и сказал: „В поселке пятьсот солонских

воинов". Сохай, Какашу, Ваду, встав во главе войска, атаковали [поселок], прорвались сквозь налесады и вошли в него. Было убито двести десять человек, захвачено — сто тридцать».

8 апреля на встречу с маньчжурами прибыл эфу Балдача, который сообщил: «Только люди моего поселения Докэ пока еще не примкнули к мятежникам. Войска всех прочих мест по малым рекам (ула), все отправились на помощь к Бомбогору. Поскольку войска [нашей] великой армии одержали победу, то Вэньбутэ из поселка Гобор, Эрпэнь из поселка Бохэли, Кэцина из поселка Гэрдасунь, Ноцини из поселка Мудань, Цилутэ из поселка Дусунь, Бочжоуху из поселка Уркэнь и Кэюэбулу из поселка Дэ-дур — все подчинились Балдаче. Жители прочих поселков, хотя сейчас и разбежались, в конце концов вскоре придут и подчинятся». При этом был приложен подробный список захваченных людей и мехов. Маньчжуры пленили шесть тысяч девятьсот пятьдесят шесть человек, захватили четыреста двадцать четыре лошади, семьсот четыре коровы, пять тысяч четыреста различных мехов. Из взятых в плен солонов, которые в хрониках именовались «новыми маньчжурами», пять тысяч шестьсот семьдесят три были распределены по восьми знаменам, из них сформировали ниру²¹. Чуть позднее Абахаю подчинились триста тридцать семь семей солопов и четыреста восемьдесят один взрослый мужчина. Из них также были образованы ниру.

Поход окончился разгромом ряда городов и поселений солонов, но отнюдь не захватом заселенной ими территории. Маньчжурам не удалось полностью уничтожить Бомбогора и его сторонников, не желавших становиться «новыми маньчжурами». Солоны собирали новые силы для борьбы. Их непокорство могло стать заразительным, поэтому 12 сентября 1640 года Абахай отправляет новый отряд для захвата Бомбогора. На этот раз в помощь маньчжурским командующим Ситэку и Цзишэха были призваны монголы.

21 февраля 1641 года в одном из официальных учреждений Мукдена — Бэйчугуань — Абахай устроил церемониальный прием-пир в честь второго похода против солонов. Он сидел в кресле. Ниже был поставлен стол с угощениями: свининой и дичью, овощами, рыбой, вином. Справа от стола на полу были сложены награды — шу-бы, доспехи, серебро.

Вошли и упали на колени Ситэку и Цзишэха, а с ни-

ми сорок паиболее отличившихся в боях маньчжуров и тридцать три монгольских тайши. Император пожаловал из своих рук чаши вина Ситэку и Цзишэха, прочим вино подали бэйлэ и офицеры стражи. Выпили за победу. Абахай дал сигнал, и один из бэйлэ начал оглашать заслуги каждого, называть причитающуюся ему награду. Награждаемый становился на колени и получал, кто шубу, кто серебро, кто лук со стрелами, кто доспехи, кто шапку, кто пояс.

После того как подарки были розданы, все сели к пизкому столу, по знаку Абахая снова наполнили чаши. Пир начался. Когда награжденные утолили первый голод и жажду, Абахай обратился к Ситэку:

— Бэйлэ, и тебе я сказал, что Бомбогор победит на север к монголам. Так оно и случилось. Расскажи, как вы покорили его!

Ситэку, только что повышенный в чине, раскрасневшийся от вина и радостного возбуждения, воодушевленно заговорил:

— Ваше Величество! Мы действительно преследовали его по северной монгольской границе. Через два месяца и тринадцать дней в местности Гань удалось захватить младшего брата и семью Бомбогора. Затем через четырнадцать дней мы дошли до местности Цилотай и там схватили Бомбогора, а также его родственников, мужчин, женщин, детей — всего девятьсот пятьдесят шесть человек. Взяли также восемьсот сорок четыре лошади, коровы и быка²².

Ситэку замолчал. Разве мог он сказать о тяжести пути по чужим, незнакомым землям — горам, тайге, степи, о холодных ночах у костра, сопротивлении слонов и погибших маньчжурских воинах, которые уже никогда не получают своих наград. Солдаты не говорят о трудностях похода. Да и не удалось ему доставить живым или мертвым в Мукден Бомбогора.

Судьба Бомбогора неизвестна.

Глава восьмая

МАНЬЧЖУРЫ У СТЕН ПЕКИНА

Как исполин в ночном тумане,
Встал Новый год, суров и слеп.
Он держит беспощадной дланью
Весы таинственных судеб!

В. Брюсов

На очередном заседании совета бэйлэ и высших сановников рассматривался доклад состоявших на цинской службе китайцев — Дун Тулая, Цзу Кэфа и др.

— Поскольку Небо и время способствуют делу людскому, Великой армии, просим, — читал бумагу китайцев докладывавший секретарь, — прямо двинуться на Пекин и овладеть им. Прорваться через Шаньхайгуань!

— Справедливо! Справедливо! — враз закричали некоторые бэйлэ. Заговорил Абахай:

— Для нас сейчас взять Пекин — все одно, что срубить большое дерево. Оно рухнет само, если его подрубить с двух сторон. Но мы, не захватив еще четырех городов за пределами минских застав у Великой стены, не сможем взять Шаньхайгуань!

— Верно, — сказал Доргонь, — дело надо хорошенько подготовить, не следует спешить!

— Минское государство лишилось своих лучших войск, — продолжал Абахай. — Силы Мин день ото дня идут на убыль, а наши силы день ото дня растут. Подождем немного, а после сможем захватить и Пекин. Люди, взятые в нашу армию, перешедшие на нашу сторону, — вот в чем наша сила. Не стоит ликовать, даже если захвачено много цепностей. Следует радоваться тогда, когда захвачено много людей! Солонам и вновь подчинившимся монголам, которые будут состоять при вспомогатель-

ных войсках, наказать не расхватывать пленных, а вести их в подчинение к нам.

Когда было решено идти в очередной поход на Мин, Абахай дал бэйлэ еще один наказ:

— Не может быть мира с Мин! Если кто-то из китайцев пришлет послов и предложит вести переговоры о мире, отвечать одно: «Государь приказал нам идти карательным походом. И мы подчиняемся только его слову. Если вы имеете, что сказать, отправляйтесь к нашему государю и скажите ему!»

В поход была направлена половина всей армии Цин. Перед походом печать верховного главнокомандующего маньчжурскими войсками была вручена Абатаю. Абахай в этом походе не участвовал.

В конце 1642 года, взяв штурмом несколько застав у Великой китайской стены, армии Цин вторглись во внутренние районы Китая. Позади себя они оставили хорошо укрепленный Нинюань, в котором сидел гарнизон под командованием У Саньгуя. Всю зиму и весну 1643 года цинские отряды безнаказанно гуляли по Северному Китаю, охваченному крестьянской войной. Минские власти фактически утратили контроль над этими районами страны. Маньчжуры, углубившись на юг до округа Яньчжоу в Шаньдуне, разорили три области особого управления, восемнадцать округов, шестьдесят семь уездов и восемьдесят восемь городов¹. Они форсировали Хуанхэ и подошли непосредственно к Пекину с юга и севера, однако штурмовать город не стали. Войска Цин захватили без боя шесть городов, выиграли тридцать девять сражений с минами.

Солдаты везли в Маньчжурию богатую добычу: двенадцать тысяч двести пятьдесят лан золота, два миллиона двести пятьдесят тысяч двести семьдесят лап серебра, четыре тысячи четыреста сорок лан жемчуга, пятьдесят две тысячи двести тридцать кусков шелка, тридцать три тысячи семьсот двадцать комплектов шелковой одежды. Было захвачено также триста шестьдесят девять тысяч пленных и более пятисот пятидесяти тысяч голов скота².

23 июня 1643 года в пятнадцати километрах от столицы победителей-грабителей Абатай и Тургэ встречали бэйлэ Цзиргалан, Доргонь и Ацзигэ. В павильоне Дугундянь императорского дворца Абахай устроил прием генералам и высшим офицерам, вернувшимся из похода. О победе было доложено в храме предков и на могиле

Нурхацци, сообщено в Корею и монгольским князьям, некоторые из которых явились в Мукден лично поздравить Абахая с успехом.

Абахаю, достаточно верно рассчитавшему, что под ударами крестьянского восстания и цинских армий минский Китай вот-вот сам падет к его ногам, не суждено было дожидаться этого момента. В девятый день восьмого месяца (10 сентября) 1643 года в возрасте пятидесяти двух лет Абахай скончался³.

Смерть его была скоропостижной, поэтому причина ее не объяснена в источниках. Возможно, он умер от гипертонического криза. В конце 1641 года перед Суншаньской битвой Абахай узнал, что минская армия под командованием Хун Чэнчоу идет на помощь Цзиньчжоу. У него вдруг так сильно пошла носом кровь, что приходилось подставлять чашку⁴. Это кровотечение, продолжавшееся три дня, вполне могло быть следствием гипертонической болезни и волнения, пережитого от известия о подходе врага.

Внезапная смерть всегда порождает домыслы о ее причинах. Сразу вспоминаются обиженные. Таковым был Доргонь. В 1640 году во время осады Цзиньчжоу Абахай признал его действия недостаточно решительными, понизил титул Доргоня с циньвапа (принц крови) до цзюньвана (князь области) и оштрафовал его на десять тысяч лан серебра. Смерть Абахая, которому наследовал малолетний девятый сын, сделала Доргоня всемогущим регентом при нем и фактически правителем страны. Если же верить «Кай го фан люе», Доргонь выполнял волю Абахая, который, когда занемог, созвал срочно совет бэйлэ и взял с бэйлэ клятву, что они передадут престол его девятому сыну, а помогать ему управлять страной станут Цзиргалан и Доргонь⁵.

Тем не менее, возможно, за смертью Абахая кроются какие-то события, которые способствовали приходу к власти Доргоня. Есть сведения о том, что после смерти Абахая Доргонь был в числе претендентов на императорский престол⁶. Известно, хоть и не очень многое, что непросто было усидеть Абахаю на отцовском троне. Особенно досаждала ему строптивость братьев. Амин помнил свары за власть над цзяньчжоускими маньчжурами и не мог внутренне принять верховенство линии Нурхацци. Великий бэйлэ Мангуртай — пятый сын Нурхацци — тоже был недоволен Абахаем. Он, будучи моложе своего ставшего им-

ператором брата всего на пять лет, тоже не хотел подчиняться так, как этого требовали сан Абахая, законы страны, наконец, завещание Нурхаца.

...Завтра должен состояться суд бэйлэ над Мангуртаем. Абахай отказался участвовать в нем:

— Я причина того, что Мангуртай предстанет перед судом, и не хочу участвовать в вашем решении.

Абахай лицемерил, он не хотел казнить брата сразу, своей властью, хотя тот заслужил этого. «Пусть осудят его бэйлэ! — думал он. — Если они сохраняют ему жизнь, вот тогда я уж должен позаботиться о том, чтобы он не зажил на белом свете». И Абахай вновь пережил страх и гнев, охватившие его во время ссоры с Мангуртаем. Это случилось в 1631 году. Император сидел на холме и наблюдал за ходом сражения, развертывавшегося у Далиньхэ. Подскакал Мангуртай с эскортом и раздраженно стал говорить, что во вчерашнем сражении подчиненные ему войска голубого знамени понесли слишком большие потери.

— Не могу ли я отвести их?

— Твои отряды и так действовали нерешительно и наделали много ошибок!

Мангуртай вместо того, чтобы просить извинения у него, хана, стал в присутствии всех спорить с ним, как с младшим братом:

— В каждом из отрядов, посланных мною, один сражался за двоих. Какие еще могут быть ошибки?!

Наступила напряженная тишина. Абахай побледнел, но сдержал свой гнев и сказал:

— Если прав ты, значит, лжет тот, кто доложил мне о твоих действиях. Если он солгал, значит, понесет заслуженное наказание.

Не желая продолжать разговор и не скрывая своего неудовольствия, Абахай сел на коня. Но Мангуртай не унимался:

— Хан должен ко всем относиться одинаково, почему он не справедлив ко мне. Разве не я выдвигал его в ханы и не во всем послушен ему? За что он хочет убить меня?

Тут он схватился за рукоять меча и стал вытаскивать его из ножен.

Дэгэлэй, единоутробный младший брат Мангуртая, заорал:

— Ты что себе позволяешь? Это же бунт!

И ударил Мангуртая кулаком.

— За что ты ударил меня? Я имею право обнажить меч на пять цуней.

Но Дэгэлэй, не слушая его, стал отталкивать брата от толпы придворных и охраны, кольцом окруживших Абахая.

Абахай ударил коня плетью и, не оглядываясь, поскакал с холма вниз.

Бэйлэ были списходительны к Мангуртаю: его лишили звания великого бэйлэ и разжаловали в бэйлэ рядовые, лишили командования пятью ниру и наложили штраф в пользу казны в сумме десяти тысяч лан серебра. Через два месяца Мангуртай скончался от болезни. Возможно, он был отравлен. Через два с половиной года умер от болезни его младший брат Дэгэлэй.

Чутье не обмануло Абахая. Как «выяснилось» через два месяца после смерти Дэгэлэя, братья были замешаны в заговоре. Свидетели показали, что Мангуртай якобы говорил о своей ненависти к хану. Среди вещей Мангуртая «нашли» уличающую его в измене вырезанную из дерева печать с легендой: «Печать императора государства Цзинь». Все доказательства обнаруженного заговора были налицо. Некоторых людей, связанных с Мангуртаем и Дэгэлэем, объявили заговорщиками и казнили. Оставленные в живых сыновья Мангуртая и Дэгэлэя были понижены в социальном статусе до простолюдинов, а жены умерших братьев — розданы другим бэйлэ: одна жена Мангуртая отдана Хаогэ, вторая — Иото; одна из жен Дэгэлэя отдана Ацзигэ. Весь личный состав голубого знамени, которым командовал Мангуртай, был расформирован.

Итак, к 1635 году из Четырех великих бэйлэ, которым Нурхаци завещал управление страной, остались двое — Дайшань и сам Абахай. Очевидно, что должна бы наступить и очередь Дайшаня попасть в опалу. В конце 1635 года, когда маньчжурам сдался сын Лигдан-хана Эркэ Конггор Эдже, Абахай, желая закрепить союз с чахарским наследником, приказал Дайшаню жениться на вдове чахарского хана Наннан. Однако Дайшань не подчинился воле брата, сославшись на то, что не сможет обеспечить ханше сытую кочевую жизнь, но выразил готовность жениться на другой жене Лигдан-хана, матери Эркэ Конггора Эдже, ханше Сутай. Но Абахай вынудил совет бэйлэ отдать Сутай Цзиргалану, а сам взял в жены Наннан. Вскоре после этого на свет появилось «дело Дайша-

ня». На совете бэйлэ Абахай публично обвинил брата в том, что во время похода на Пекин и на чахаров Дайшань дважды призывал возвратить войска назад. Говорилось о его жестоком обращении с пленными, о несправедливом отношении к воинам своего знамени, говорили, что он награждал тех, кого не любит хан, и тех, кто не любит хана, а наказывал тех, кто любит хана, и тех, кого любит хан. Абахай припомнил и то, как перед походом Дайшань гонял лошадей на охоту и рыбалку, и лошади отощали, а его сыновья отнимали у людей скот. Наконец, было сказано, что вопреки решению совета бэйлэ, Дайшань чуть не силой хотел взять в жены Сутай и отказался жениться на Наннан. Всего против него Абахаем было выдвинуто десять обвинений. Абахай распалился и в конце обвинительной речи сам ясно намекнул на сущность этого конфликта:

— Уж коли кто-то стал ханом, то его приказы должны почитаться, не вдаваясь предварительно в то, какие они есть — важные или неважные!

Беспрекословного повиновения — вот чего требовал всю жизнь от своих братьев бэйлэ Абахай и чего до конца, возможно, так и не сумел добиться. Закончив речь, он хлопнул дверью и удалился в свои внутренние дворцовые покои, опять предоставив совету бэйлэ решать судьбу своего родственника. Совет лишил Дайшаня звания великого бэйлэ и наложил, как и на Мангуртая, штраф в десять тысяч лан серебра.

Таким образом, к моменту принятия Абахаем императорского титула уже не стало Четырех великих бэйлэ, остался один — сам хан. Позднее он, чтобы прервать от Нурхаци линию наследования по старшинству, выдвинул обвинения против своего племянника, сына старшего сына Нурхаци Чуина — бэйлэ Туду. В 1642 году Туду также умер. Становится очевидным, что жизнь Абахая, по крайней мере до 1636 года, когда он принял императорский титул, проходила не только в походах и реформах, но и в постоянной скрытой и явной борьбе с братьями и племянниками бэйлэ, прежде всего с великими бэйлэ, теми, кто позволил ему занять ханский престол, но и в любой момент мог покуситься на него, теми, кто не хотел признавать его единовластия. А делиться властью Абахай не собирался. Есть мнения, что Абахай мог поплатиться жизнью за свою медлительность в китайских делах, за то, что он якобы не желал гибели династии Мин.

Абахай сумел не только получить ханский престол, но и удержать его. Это, безусловно, был умный и способный политик. Он оказался прозорливцем и в определении судьбы Мин. Китай сам пал к ногам маньчжуров. В апреле 1644 года восставшие китайские низы овладели Пекином. 20 мая 1644 года «У Саньгуй прислал послов просить [у маньчжуров] войск. К этому времени минский бродяга и вор Ли Цзычэн уже овладел Пекином. Император Чунчжэн и императрица оба покончили с собой, а Цзычэн незаконно объявил себя императором». У Саньгуй, который отказался подчиниться Ли Цзычэну, писал маньчжурскому хану, что он, «плача кровавыми слезами, просит о помощи». «Прошу понять слова верности и преданности одинокого чиновника гибнущего государства и срочно собрать отборные войска».

Осторожный Доргоп, опасаясь расставленной китайцами ловушки, согласился не сразу. По некоторым данным, У Саньгуй восемь раз просил маньчжуров о помощи. Наконец, цинские войска перешли Великую стену и совместно с армией У Саньгуя уже не как враги, а как союзники, разгромив войска повстанцев, 6 июня 1644 года вступили в Пекин. Подрубленное с двух сторон, большое дерево рухнуло. Для Китая началась эпоха правления чужеземной династии. Как и предвидел Абахай, через сто — сто пятьдесят лет маньчжуры, рассредоточенные по всему Китаю, начали забывать свой язык и культуру. Наступил момент, когда в цинском издании «Важнейшие указания для маньчжурской речи» появились такие горькие строки: «...Мы, люди трудной судьбы, но процветающего поколения, не можем говорить по-маньчжурски»⁷.

М. П. Волкова, много лет изучавшая раннюю письменную культуру маньчжуров, писала, что Абахай был прозван потомками мудрым. Пытаясь ответить на вопрос, чем же он заслужил такую высокую оценку у людей другого времени, исследовательница выразила сомнение в том, «что только военная победа была определяющим фактором при создании эталона „мудрый“ для Абахая и его эпохи, и это побуждает искать дополнительные данные о других „мудрых“ поступках этого необычно энергичного маньчжурского правителя»⁸. Очевидно, признавая его талант военного руководителя, потомки видели мудрость Абахая в том, что он стал привлекать на службу своей династии «квалифицированных китайских чиновни-

ков и военачальников»⁹. Ведь именно эти люди рекомендовали ему в 1642 году штурмом брать Пекин.

Мудрость Абахая проявилась и в том, что он в 1635 году приказал перевести на маньчжурский язык главы из истории чекитайских династий Ляо, Юань, Цзинь и китайской династии Сун, соперницы чжурчжэньской династии Цзинь. В XVIII веке потомки Абахая — цинские императоры — так характеризовали своего предка: «Дайцинский Тай-цзун в соответствии с волей Неба возвысил государство. Законом установил звание амбань. Прославил отвагу. Великодушный, миролюбивый, почтительный сын, мудрый, великий основатель государства Цин, расширил владения, прославился храбростью, поощрял возделывание полей, занимался созданием и обучением войска»¹⁰. Что же известно об Абахае как строителе маньчжурского государства и создателе маньчжурской культуры.

Маньчжурское общество XVI века представляло собой общество с имущественными и классовыми различиями, своеобразной административной и раннегосударственной культурой городов-крепостей как центров управления и зависимых от них периферий. Пробуждение подавленных в XIII веке монголами тенденций и сил к самостоятельному объединению в рамках собственной государственности и память о своем былом могуществе при наличии благоприятной ситуации привели к появлению и созданию в самом конце XVI — начале XVII века маньчжурского государства.

Расширение его территории диктовало необходимость создания новых форм военной и административной власти.

В хозяйственном отношении центральные и южные районы Маньчжурии к XVII веку имели стабильный и высокий для данной местности уровень развития земледелия, скотоводства, ремесла и охотничьего промысла, добычи женьшеня, который был предметом экспорта. Основное классовое различие состояло в разделении всех членов общества на лично свободных и рабов (очевидно, на рубеже XVI—XVII веков ими преимущественно были чужеземцы, а впоследствии — почти исключительно чужеземцы). Пленных обращали в рабство, распределяя среди солдат и офицеров, а население, покорившееся добровольно, вносили в подворные списки и обязывали обрабатывать землю, разводить скот и платить налоги. Солдат, убивший добровольно сдавшегося, наказывался: у него отбирали

половину пожалованных ему пленных. Число рабов было велико. В первой половине XVII века их использовали прежде всего в сфере производства — земледелии и скотоводстве. Маньчжурское государство, по крайней мере в первые полвека его существования, вполне можно рассматривать как рабовладельческое. Рабами в основном были китайцы. При Нурхацзи ляодунских китайцев, которые хотели бежать в Китай, казнили, а членов их семей забирали в казну. Из тринадцати совершеннолетних тяглых создавалось одно хозяйство — чжун. Тяглые и члены их семей считались рабами, и каждое хозяйство давалось какому-либо чиновнику или военнослужащему, число полученных хозяйств зависело от его ранга и должности. По указу Абахая численность тяглых рабов на единицу (степень) ранга была уменьшена до восьми. Высвободившиеся таким образом казенные рабы-китайцы распределялись по военным поселениям и уже регистрировались не как рабы, а как лично свободные люди¹¹, доход от труда которых шел в пользу государства. Власть господствующего класса сосредоточивалась в руках хана и его ближайших кровных родственников — бэйлэ, князей крови. Они руководили основными социальными структурами — поместьями знати и богатой части общества, хозяйствами простых воинов-маньчжуров, организованными в особые органы управления — знамена. Последние являлись единицами как гражданской, так и военной администрации. Это была государственная организация. В 1617 году, утверждая право государства вершить суд и выносить наказания, Нурхацзи писал: «Недопустимо, чтобы всякое дело самостоятельно решал один человек. Если один какой-то человек самостоятельно будет выносить приговоры, то это непременно приведет к смуте. Всякий человек в государстве, если у него возникнет какое-то дело, должен обращаться в государственные органы власти. ...Имеющиеся преступления должны быть рассмотрены... органом власти, выносящим приговор. Всякое дело в течение пяти дней должно быть рассмотрено и приговор вынесен в органе государственной власти»¹². Такими органами власти были знамена и их администрация.

Войны и связанное с ними расширение знаменной организации привели к качественным изменениям внутризнаменной структуры. Маньчжурские знамена росли за счет пленных и населения, пригоняемого с территорий, подвергшихся нашествию. Непрерывные поступления ра-

бов обогатили знамена и вместе с тем породили проблему их распределения. Сам Абахай незадолго до смерти признал, что во время походов в каждом знамени члены семей его командира, бэйлэ, бэйцзы захватывают очень много добычи, а простые воины — мало. Один из сановников докладывал Абахая: «Я полагаю, что предприятия, связанные с походами с целью грабежа, выгодны генералам и не выгодны солдатам, выгодны богатым семьям и не выгодны семьям бедным. Генералов сопровождает в походе множество работающих на них по повинности людей, богатые семьи собирают табуны самых сильных коней, поэтому захваченного ими бывает всегда много. А бедный воин лишь сам на своем коне, сколько же он увезет с собой?»¹³ Постоянные войны во времена Абахая уже привели к обеднению части солдат ниру. Бедный воин ниру, чья очередь была идти в поход, иногда продавал одежду, чтобы собрать средства на покупку коня и снаряжения. Если он не имел рабов, его семья оставалась без работника, способного обрабатывать поле.

Вражеское ядро разорвалось слева от Дахая, почти у ног его коня, когда их ниру в очередной раз шла на приступ Далиньхэ. Только и запомнил Дахай: вспышку бело-голубоватого пламени слева и чуть спереди от себя. Он даже не слышал звука разорвавшегося ядра. Очнувшись Дахай в палатке на войлоке. Его рука покоилась в лубках. Оказалось, что все его левое плечо разворочено осколком китайского ядра. Дахай потерял много крови и ослаб. Конь был убит наповал. Дахая поили отваром женьшеня, прикладывали к ране облепиху, а он все думал и думал о том, как ему жить теперь — с одной рукой, без коня, что станет с его дочерью и женой. Перед глазами стоял его дом в урочище у чистой и холодной реки: камыш на крыше истлел, кан прохудился, шест вэчку стоял косо. А все потому, что недосуг. Вся жизнь Дахая прошла в походах. Побывал он и в Корее, и у чахаров, и в Китае. А что привез? Единственный сын погиб в первом корейском походе. Умер замученный тяжелой работой раб. Когда его призвали в поход на Далиньхэ, все хозяйство осталось на жену и дочь. Как им вспахать все поле?! Как они сберегут скот? Жена наказала: «Без двух-трех рабов и не возвращайся, я не двужильная, работаю

и за тебя и за себя». Он обещал, ведь хан не обидит верного слугу. И вот теперь ему, изувеченному и беспомощному, оставалась лишь надежда на ханскую милость!

На тряской телеге везли так и не вставшего на ноги Дахая обратно в Маньчжурию. Не доехали и до Мукдена, как он умер. Когда Дахая стали готовить в последний поход, оказалось, что у него нет даже сапог, в которых его следовало похоронить. Казна выдала сапоги. Но сам случай был вопиющим, и о нем доложили хану. «Вчера умер Дахай, — докладывал Абахаю чиновник. — Я очень скорблю о нем. Этот человек ради своего государства столько пережил трудностей, столько потратил сил, а когда его тело привезли домой, в семье не нашлось пары приличных сапог, в которых его можно было бы похоронить»¹⁴.

* *

*

При Абахае изменились численность, структура управления знаменами и войсками и их национальный состав. Взойдя на престол, Абахай на совете бэйлэ утвердил командующих восьмизнаменными войсками — гусань-эжжэн, и их заместителей — мэлэ-эжжэн, или мэйлэ-чжангин. Восемь гусань-эжжэнов обсуждали государственные дела и участвовали в заседаниях совета бэйлэ; шестнадцать заместителей, по два в каждом знамени, разбирали жалобы, вершили суд и выносили приговоры осужденным. Собственно это были административные чиновники, они не имели права отдавать приказов о выступлении войск своего знамени в поход¹⁵.

До 1631 года если знаменные войска выступали в поход во главе с ханом, то он, естественно, был главнокомандующим, а если хан сам не участвовал в экспедиции, то главнокомандующего не назначали — все дела совместно решали бэйлэ. С 1631 года хан в каждом походе, в котором он не участвовал, стал назначать главнокомандующего, лично ответственного за успех или неудачу военных операций. В 1634 году Абахай ввел в армии деление по родам войск: конница, пехота, войска боевого охранения (авангард), артиллерия, охранные войска, пограничные войска, вспомогательные войска. Кроме этого, существовали гвардейские отряды, именуемые баяра — личные войска хана и бэйлэ. Первый артиллерийский ди-

визию маньчжурской армии был сформирован из китайцев и корейцев. Использование артиллерии привело к изменению тактики ведения боя — с 1631 года маньчжурские войска штурмовали города Мин только после артиллерийской подготовки. Еще в 1630 году ведение всех дел состоящих на маньчжурской службе китайцев было поручено Абахасм одному лицу — Дуи Янсину. В 1633 году было создано отдельное китайское знамя, существовало также два монгольских знамени. Таким образом, при Абахае восьмизнаменные войска состояли уже не только из маньчжуров, но и из монголов, китайцев, людей, пригнанных с севера Маньчжурии.

При Нурхацци непосредственно для нужд управления имелась канцелярия: битхэ-бао — секретариат. Четверо секретарей — битеша — вели текущее делопроизводство восьми знамен, занимались переводами и, что любопытно, составляли записи событий, происходящих при их хане, т. е. фактически осуществляли и функции государственных историографов. Записи событий при Нурхацци вели его секретари Эрдени-бакши и Курчан. До 1632 года все хроники писались только по-маньчжурски. Ян Фансин убедил императора в необходимости писать летопись и на других языках: «Составляя историю государства, все время пользуются только письмом Цзинь и не пользуются китайским,— говорилось в его докладе.— Поскольку хан является государем цзиньцев и ханьцев, то разве о происшедших событиях должны знать только цзиньцы и не должны знать китайцы? Три истории: Ляо, Цзинь и Юань, хранящиеся в архиве-книгохранилище, все написаны по-китайски китайским письмом. Прошу с цзиньского письма переводить на китайское и составлять книги как на цзиньском так и на китайском языках, чтобы их понимали и цзиньцы и китайцы»¹⁶. И уже в 1636 году на маньчжурском, китайском и монгольском языках была составлена официальная хроника правления Нурхацци — Тай-цзу, опубликованная, правда, только в 1740 году¹⁷.

С 1629 года при Абахае секретариат стал именоваться по-китайски Вэньгуань — Канцелярия, а в 1636 году на его базе было создано три канцелярских ведомства Нэйсаньюань — Три канцелярии по ведению внутридворцовых дел. В их число входили: 1) Нэйгоюань — внутридворцовая канцелярия государственных дел, ведавшая повседневной записью деяний императора, перепиской императора, военными делами, составлением текстов мо-

лений и докладов в храме Неба, текстов официальных поздравлений, текстов памятных надписей. Эта канцелярия вела всю секретную документацию, оформляла документы аттестации и перемещения чиновников по службе, ведала печатями; 2) Нэйминшюань — внутриворцовая канцелярия (секретариат в собственном смысле слова). Она вела дипломатическую переписку, рассматривала доклады местных управлений-ямней, ведала составлением указов императора, его распоряжений гражданским и военным чиновникам; 3) Нэйхувэньюань — канцелярия составления пространных (обширных) записей. Она комментировала и давала оценку исторических событий и представляла свои заключения императору. Эта канцелярия занималась обучением и поставлением великих князей — принцев крови. Канцелярии при императоре, хотя штаты их были увеличены, а функции дифференцированы, тем не менее остались большим секретариатом, по для нужд управления государством требовались специализированные органы центрального управления. Таковыми стали учрежденные Абахаем в 1631 году Шесть министерств — лю бу.

Абахай «собрал бэйлэ и сановников и, посоветовавшись с ними, утвердил штат чиновников и создал Шесть министерств. Бэйлэ Доргонь был назначен управляющим делами Министерства кадров (чиновников, ли бу), Турчэ стал его заместителем (чэнчжэн) по делам маньчжуров, Маньчжури — заместителем по делам монголов, Ли Яньгэн — заместителем по делам китайцев. Сонн стал тайным советником (цзиньлан). Бэйлэ Дэглэй был назначен управляющим делами Министерства финансов (ху бу), Ингурдай, Гиоро Сабихань стали его заместителями, Басыхань стал заместителем по делам монголов, У Шоуцзинь — заместителем по делам китайцев, Будань — тайным советником. Бэйлэ Сахалань был назначен управляющим делами Министерства этикета и церемониала (ли бу), Бадули и Цзисунь стали его заместителями, Буяндай — заместителем по делам монголов, Цзинь Юйхэ — заместителем по делам китайцев, Цичунгэ стал тайным советником. Бэйлэ Иото был назначен управляющим делами Военного министерства (бин бу), Намутай и Екэши стали его заместителями, Суна — заместителем по делам монголов, Цзинь Ли — заместителем по делам китайцев, Мучэнгэ стал тайным советником. Бэйлэ Цзиргалан был назначен управляющим делами Министерства наказаний (юстиции, сип бу), Чаргэ и Сохай стали его заместителя-

ми, Дорджи — заместителем по делам монголов, Гао Хунчжун и Мэн Цяофан — заместителями по делам китайцев. Эркэту стал тайным советником. Бэйлэ Абатай был назначен управляющим делами Министерства общественных работ (гун бу), Мэнъату и Кангэлай стали его заместителями, Наипукэ — заместителем по делам монголов, а Чжу Шуинь — заместителем по делам китайцев. Мяонихуэ стал тайным советником по делам маньчжуров, Ло Суцзинь и Ма Минпэй — тайными советниками по делам китайцев. В подчинении каждого заместителя (чэнчжэна) было дано по восемь делопроизводителей (цаньчжэнов), и только в Министерстве общественных работ у заместителя по делам маньчжуров было восемь делопроизводителей, а у заместителей по делам китайцев и монголов — по два. Для всех Шести министерств число секретарей-битеши для ведения дел определялось по потребности. Всем образованным чиновникам был дан титул бакни¹⁸. Каждое министерство имело свою серебряную печать, есть сведения, что в качестве сборника нормативных актов, регулировавших деятельность этих министерств, было использовано Уложение династии Мин «Да Мин хуй дэнь»¹⁹. Делопроизводство министерств велось на маньчжурском и китайском языках. В 1638 году при утверждении штата ямыней была произведена реформа штатов Шести министерств. В каждом министерстве осталось только по одному заместителю министра, и на этот пост стали назначаться только маньчжуры. По подсчетам Чэнь Вэньши, в штате высших органов управления маньчжурским государством было пятьдесят девять процентов маньчжуров, двадцать семь — китайцев и тринадцать процентов монголов²⁰. Шесть министерств копировали Шесть министерств, известных у китайцев еще с династии Тан (VII—X века). Создание их знаменовало собой начало постепенного соединения собственно маньчжурских и китайских форм государственности и появление тенденции вытеснения первых последними. В 1636 году Абахай по образцу традиционной китайской системы управления создал орган государственного контроля — Бюро ревизоров (дучаюань). Функции ревизоров в министерствах выполняли тайные советники. В 1633 году старый Мэнгу ямынь — орган, ведавший сношениями с монголами и иноземцами вообще, был заменен на Лифаньюань — специальную канцелярию, выполнявшую функции Министерства иностранных дел.

Дела управления требовали грамотных, образованных чиновников. При Нурхацы в каждом знамени были учителя-бакиши. Абахай приказал учить грамоте детей знати и офицерства в возрасте от восьми до пятнадцати лет. Первоначально обучение, по-видимому, было организовано по знаменам. В 1629 году для претендентов на чиновничьи должности Абахай ввел также заимствованную в Китае систему экзаменов, в том числе и для китайцев-конфуцианцев, которых освобождали от рабства. Экзаменовались равно маньчжуры, китайцы и монголы. На экзаменах 1634 года были уже маньчжуры, которые держали экзамен по китайскому языку и литературе, и китайцы, которые экзаменовались по маньчжурскому языку.

К 1629 году относится первый указ Абахая о переводе китайских книг на маньчжурский язык. Дахаю, Суркэю Гушиахуну, Тобчи был поручен перевод Минского уложения «Да Мин хуй дянь». После создания Шести министерств, когда стало ясно, что «Да Мин хуй дянь» не во всем подходит в качестве правовой основы их деятельности, была выдвинута идея о создании Цинского уложения «Цин дянь» и для этой цели заказаны переводы из китайских классических книг и китайских исторических сочинений. В 1635 году Абахай отдал приказ перевести на маньчжурский язык истории династий Ляо, Цзинь, Сун и Юань. Книги с историей этих некитайских династий и их отношений с китайской династией Сун были получены из Кореи. Одновременно переводились истории династии Тан — предшественницы некитайской династии Ляо, а также Танского уложения «Тан лю дянь», определявшего штат чинов и основные правила и правовые основы деятельности Шести министерств.

При Абахае в Маньчжурии продолжалось распространение буддизма. Вся переводческая деятельность опиралась на реформу маньчжурского письма²¹. Есть упоминания о переводе буддийских сочинений, сделанном Дахаем²². Еще до этого, в 1630 году, Абахай в соответствии с китайской традицией специальным указом запретил частное, без позволения государства, основание и возведение храмов. Мотивировка этого акта была тоже чисто китайская: «Недостойные люди, желая избежать уплаты налогов и выполнения работ по трудовинности, в большом числе, одни, возглавив других, становятся монахами». Было предложено тщательно проверить число лам, папдитов и хэшанов, которые жили за стенами столицы в мо-

настыре Цинчжэнсы. Тех, кто самовольно присвоил себе монашеское звание или нарушал монашеский устав, предписывалось возвращать в миряне. Монахам нельзя было пищенствовать. Даоским монахам и различным гадалелям из числа маньчжур; монголов, китайцев запрещалось вводить в заблуждение народ под страхом наказания вплоть до смертной казни²³.

Таким образом, Абахай проявил себя действительно мудрым и, если хотите, «просвещенным государем». Он осознал «многонациональный» характер своего государства, вероятную аналогию его существования с подобными предшествующими династиями, сознательно пошел на создание государства типа киданьского или чжурчжэньского в прошлом с целенаправленным усвоением китайской государственности и образованности, отчетливо осознавая на «уроках» прошлого и отрицательные последствия такого пути для своего народа. Он блестяще усвоил китайскую политическую доктрину и, искусно манипулируя ей, обосновал свои права на получение Поднебесной. Правда, сам он не спешил захватить ее. А вскоре Поднебесная сама покорно рухнула к ногам его малолетнего наследника.

* *

*

Абахай не ошибся в своем предчувствии того, что овладение Китаем может угрожать маньчжурскому народу последующей китаизацией. После падения провозглашенной им династии и отречения 12 февраля 1912 года малолетнего маньчжурского императора Пу И от престола действительно окитаившиеся и даже не полностью окитаившиеся маньчжуры, которые проживали в пределах внутренних районов Китая, перестали или боялись считать себя маньчжурами. Ситуация сложилась такая, что даже в научных журналах обсуждался вопрос о том, сохранились ли маньчжуры, существует ли живой маньчжурский язык как разговорный. Отдельные ученые, и в их числе А. В. Гребенщиков²⁴, всегда утверждали, что маньчжурский язык жив. Эта проблема привлекла внимание китайской науки после образования КНР. Исследования, проведенные, например, в 1961 году, показали, что маньчжурский язык широко употребляется в ряде сельских местностей провинций Хэйлуцзян и Цзялинь (Гирин).

В деревне Саньцзяцзпунь, в которой насчитывался сто один двор, было восемьдесят маньчжурских, девятнадцать китайских и два даурских двора. Здесь все маньчжуры в возрасте пятидесяти лет и старше прекрасно знали маньчжурский язык, многие плохо говорили по-китайски, были и такие, которые вообще не знали китайского языка. Представители более молодого поколения в возрасте от двадцати до пятидесяти лет, как правило, были двуязычны, они знали и маньчжурский и китайский языки, а дома в семье в основном говорили только по-маньчжурски²⁵. Создание КНР, безусловно, избавило многих маньчжуров от необходимости скрывать свою национальную принадлежность. По переписи 1953 года, назвали себя маньчжурами два миллиона четыреста тысяч человек, а по последней переписи 1983 года — уже четыре миллиона двести девяносто девять тысяч сто пятьдесят девять человек²⁶.

Абахай не ошибся в том, что китаизация угрожала маньчжурской знати, тем маньчжурам, которые покинули свою родину, порвали связь со своим народом. Но он недооценил жизнеспособность своего народа. Как когда-то в XIII веке уничтожение государства Цзинь монголами не означало исчезновения с исторической арены чжурчженей, и часть их возродилась в маньчжурской народности, так и падение маньчжурской династии не стало гибельным для маньчжурского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См.: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II.— М.— Л., 1950, с. 21—23; Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.— М., 1961, с. 338; Бутин Ю. М. Древний Чосон.— Новосибирск, 1982, с. 288—289.

² См.: Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье.— Л., 1968.

³ См.: Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.). Исторический очерк.— М.: 1975; Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь.— М., 1983.

⁴ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.).— М., 1974, с. 29.

⁵ Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир.— М., 1973.

⁶ Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане.— Новосибирск, 1980.

⁷ Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги страны снегов.— М., 1975.

⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы, т. 1.— М., 1969, с. 179—180.

⁹ Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке.— М., 1980.

¹⁰ Подробно см. там же.

¹¹ Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего. Изданием Императорской Академии Наук в 16 томах.— Спб., 1784.

¹² Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома; Он же. О происхождении родоначальника ныне правящей в Китае династии Цин и имени народа маньчжу.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1.— Спб., 1852.

¹³ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке...

¹⁴ Мясников В. С. Империя Цин...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Агуй. Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, вводный цзюань, с. 16—26.

² Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75 (архив А. В. Гребенщикова), оп. 1, № 6.

- ³ Там же, № 72, с. 57.
- ⁴ **Описание** Мукденской провинции в Южной Маньчжурии.— Спб., 1903, с. 24.
- ⁵ Там же, с. 25.
- ⁶ Тянь Жучэн. Ляо цзи (Записки Ляо).— Ляохай цуншу, [Б. м.], 1933—1936, с. 56.
- ⁷ **Архив** востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75, оп. 1, № 72, с. 59.
- ⁸ *Tongku fuka sindcha hergen i dangse. The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty. 1607—1637/Translated and annotated by Kanda Nabuo, t. I—VII.—Tokyo, 1955—1963, p. 1441—1443.*
- ⁹ Чэнь Цзесянь. Цин го син Айсинь Цзюло као (Исследование фамилии государства Цин Айсинь Цзюло).— Далу цзачжи, [Б. м.], т. 20, вып. 12, с. 365.
- ¹⁰ Там же, с. 368—372.
- ¹¹ Чжу Сицзу *. Хоу Цзинь го хань синши као (Исследование фамилии ханов государства Хоу Цзинь), с. 31 (здесь и далее звездочкой отмечены отдельные оттиски).
- ¹² Там же, с. 21.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, с. 28.
- ¹⁵ Волкова М. П. Термин «маньчжу» и его значение для понимания истории возникновения государства у маньчжуров.— В кн.: Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 2. (Тезисы и доклады). М., 1980, с. 77.
- ¹⁶ Горский В. В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 203.
- ¹⁷ Чжу Сицзу *. Хоу Цзинь го хань синши као, с. 57.
- ¹⁸ *Tongku fuka sindcha hergen i dangse...*, p. 1441—1443.
- ¹⁹ Горский В. В. О происхождении родоначальника..., с. 203.
- ²⁰ Owen Lattimore. *Studies in frontier History. Collected Papers, 1928—1958.*— London, 1962, p. 344.
- ²¹ Волкова М. П. Термин «маньчжу» и его значение..., с. 77.
- ²² Каваи Рёко. Тун Мэнгу-Тэмур-го Цзяньчжоу саэй (Тун Мэнгу-Тэмур и Цзяньчжоуский караул).— Тёсэн гаку, [Б. г.], т. 65, с. 3—4.
- ²³ Мелихов Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402—1413).— В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 264.
- ²⁴ Franz Michael. *The Origin of Manchu Rule in China.*— Baltimore, 1942, p. 39—40.
- ²⁵ **Архив** востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75, оп. 1, № 6.
- ²⁶ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке.— М., 1974, с. 26.
- ²⁷ Там же, с. 28—29.
- ²⁸ Гуань Дунгуй *. Маньцзу жу гуань цянй ды ваньхуа фачжуань ду тамын хоулай ханьхуа ды шисян (Развитие культуры маньчжуров до их перехода пограничных застав и свидетельства их последующей китаизации), с. 258.
- ²⁹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке, с. 117.
- ³⁰ Волкова М. П. Термин «маньчжу» и его значение..., с. 77.

³¹ Цит. по: Чэнь Вэньши *. Маньчжу ба ци ды хукоу минсэ (Состав населения маньчжурских восьмизнаменных войск), с. 242.

³² Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке, с. 37.

³³ Горский В. В. Начало и первые дела маньчжурского дома.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 65.

³⁴ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75, оп. 2, № 1.

³⁵ Горский В. В. Начало и первые дела..., с. 88—89.

³⁶ Вакамацу Хироси. Нурхачи (Нурхаци).— Киото, 1971, с. 244.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 245.

³⁹ Жэнь Чанчжэнь. Цин Тай-цзу Тай цзун шидай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзун).— Далу цзачжи, [Б. г.], т. 14, вып. 4, с. 155.

⁴⁰ Ли Хунбинь. Нурхачи ды сы (Смерть Нурхаци).— Шахуэй кэсюе чжаньсянь, 1980, № 2, с. 194—196.

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Гуань Дунгуй *. Маньцзу жу гуань цянй ды вэньхуа фачжуань ду тамынь хоулай ханьхуа ды шисян (Развитие культуры маньчжуров до их перехода пограничных застав и свидетельства их последующей китаизации), с. 257.

² Чэнь Вэньши. Цин жэнь жу гуань цянй ды нунье шэнхо (сельское хозяйство Цин до их перехода пограничных застав).— Далу цзачжи, [Б. г.], т. 22, вып. 9, с. 272.

³ Мань вэнь лао дан (Маньчжурский архив), т. 1.— Киото, с. 189—204.

⁴ Гуань Дунгуй *. Маньцзу жу гуань цянй ды вэньхуа..., с. 263.

⁵ Чэнь Вэньши *. Маньчжоу ба ци ды хукоу минсэ, с. 250.

⁶ Чэнь Вэньши *. Цин Тай-цзун шидай ды чжуняо чжэньчжи лоши (Основные политико-административные нововведения в годы правления цинского Тай-цзуна), с. 296.

⁷ Горский В. В. Начало и первые дела Маньчжурского дома.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 110.

⁸ История Кореи/Пер. с корейского Ким Дюбона, М. Хана, Ю. М. Шувалова.— М., 1960, с. 337; История Кореи, т. 1.— М., 1974, с. 240.

⁹ История Кореи/Пер. с корейского, с. 338; История Кореи, с. 240.

¹⁰ Горский В. В. Начало и первые дела..., с. 150.

¹¹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке.— М., 1974, с. 55.

¹² Агуй. Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 21, с. 226.

¹³ Там же, с. 23а.

¹⁴ Маньчжурский взчэрэ мэтэра кооли битхэ (Высочайшим повелением утвержденный устав шаманского служения маньчжуров/Пер. А. В. Гребенщикова).— Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75, оп. 1, № 62, 72.

¹⁵ Агуй. Кай го фан люе, цз. 23, с. 12а—12б.

¹⁶ Сказание о госпоже Пак/Пер. Г. Кузиченко.— В кн.: Исто-

рия верности Чхунхян. Средневековые корейские повести. М., 1960, с. 534—535.

¹⁷ Агуй. Кай го фан люе, цз. 23, с. 7а; Горский В. В. Начало и первые дела..., с. 158.

¹⁸ Ним чангун джон (Повесть о полководце Ниме)/Издание текста, перевод с корейского, предисловие и комментарии Д. Д. Елисеева.— В кн.: Памятники письменности Востока, т. 48. М., 1975, с. 34.

¹⁹ Агуй. Кай го фан люе, цз. 23, с. 14б.

²⁰ Там же, с. 14б—15а.

²¹ Там же, с. 15а—16а.

²² Ним чангун джон, с. 35—36.

²³ Агуй. Кай го фан люе, цз. 23, с. 19а.

²⁴ Там же, с. 19а—20а.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ Горский В. В. Начало и первые дела Маньчжурского дома.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 98, 101.

² Хуань чао фань бу яолуе (Важнейшие сведения о племенах, подчиненных царствующей династии).— [Б. м. и б. г.], цз. 1, с. 22б—23а.

³ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.— М., 1974, с. 27—28; Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках.— М., 1978, с. 65; Агуй. Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 7, с. 16.

⁴ Ермаченко И. С. Политика маньчжурской династии..., с. 29; Мартынов А. С. Статус Тибета..., с. 65.

⁵ Агуй. Кай го фан люе, цз. 6, с. 30б—31б; Бадарасва Б. История завоевания Чахарского ханства Цинской империей и ее отражение в летописи «Монгол борджигид обог-уп тзукэ».— В кн.: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти), т. 2. М., 1979, с. 78—79.

⁶ Внешняя политика государства Цин в XVII веке.— М., 1977, с. 132.

⁷ Там же, с. 133.

⁸ Мартынов А. С. Статус Тибета..., с. 64—67.

⁹ Агуй. Кай го фан люе, цз. 11, с. 4а—6а.

¹⁰ Там же, с. 18б—25а.

¹¹ Там же, цз. 14, с. 10а—10б.

¹² Там же, цз. 16, с. 13а.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 14б.

¹⁵ Там же, с. 15а.

¹⁶ Там же, цз. 16, с. 1а—18а.

¹⁷ Там же, цз. 17, с. 17б.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, цз. 19, с. 24а.

²⁰ Там же, с. 18б.

²¹ Там же, с. 28а.

²² Там же, с. 22а.

²³ Там же, цз. 20, с. 29б—31б.

²⁴ Волкова М. П. Зачем Абахая понадобилась печать импера-

тора юаньской династии.— В кн.: Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 2. (Тезисы и доклады). М., 1978, с. 19—26.

²⁵ Мартынов А. С. Статус Тибета..., с. 75.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

¹ Агуй, Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 5, с. 10а—11б.

² Жэнь Чанчжэнь. Цин Тай-цзу Тай-цзун шидай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзун).— Далу цзачжи, [Б. г.], т. 14, вып. 4, с. 115.

³ Агуй, Кай го фан люе, цз. 10, с. 16б—17а.

⁴ Там же, с. 17б.

⁵ Там же, с. 20а—20б, 21б.

⁶ Там же, цз. 12, с. 15б—17а.

⁷ Там же, с. 25б—26б.

⁸ Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках.— М., 1978, с. 68.

⁹ Агуй, Кай го фан люе, цз. 14, с. 1а.

¹⁰ Там же, с. 2а.

¹¹ Там же, с. 28б.

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, ф. 75, оп. 1, № 1.

² Гуань Дунгуй. Жу гуань цинь маньцзу бин шу юй жэнькоу вэньти ды танькао (К вопросу о населении и численности войск маньчжуров до перехода ими пограничных застав).— Лиши юйянь яньцзюсю цзикань, Тайбэй, [Б. г.], т. 41, ч. 2, с. 194.

³ Агуй, Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 21, с. 13а—20б.

⁴ Там же, цз. 22, с. 11а—12б.

⁵ Там же, с. 14б.

⁶ Там же, цз. 15, с. 1б.

⁷ Там же, цз. 22, с. 24а—25б.

⁸ Там же, цз. 27, с. 2а—2б.

⁹ Там же, с. 4а—4б.

¹⁰ Там же, с. 10а—11а.

¹¹ Жэнь Чанчжэнь. Цин Тай-цзу Тай-цзун шидай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзун).— Далу цзачжи, [Б. г.], т. 14, вып. 4, с. 161.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

¹ Агуй, Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 29, с. 20б—21а.

² Тай-цзун хуанди по Мин ши юй Суншань чжи чжань шу ши вэнь (Десять вопросов, связанных с Суншаньским сражением и разгромом императором Тай-цзуном Мин).— [Б. м.], 1806, с. 3б.

³ Агуй, Кай го фан люе, цз. 29, с. 29а—29б.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 30б.

⁶ Там же, цз. 30, с. 1а—1б.

⁷ Там же, с. 12б.

⁸ Горский В. В. Начало и первые дела Маньчжурского дома.—

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. 1. Спб., 1852, с. 178.

⁹ Агуй. Кай го фан люе, цз. 30, с. 166—18а.

¹⁰ Там же, с. 28а—31а.

¹¹ Жэнь Чанчжэнь. Цин Тай-цзу Тай-цзун шйдай Мин Цин хэ чжань као (О войнах между Мин и Цин при цинских Тай-цзу и Тай-цзун).— Далу цзачжи, [Б. г.], т. 14, вып. 4, с. 228.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

¹ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке.— М., 1974, с. 48—54.

² Агуй. Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 17, с. 16—2а.

³ Цин Тай-цзу маньчжоу шилу (Летопись на маньчжурском языке цинского Тай-цзу).— Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, цз. 3, с. 26—36.

⁴ Там же, с. 48а.

⁵ Там же, с. 636—656.

⁶ Там же, с. 166—17а.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 32а—33а.

⁹ Там же, с. 96—10а.

¹⁰ Цин Тай-цзун шилу (Летопись царствования цинского Тай-цзуна).— Токио, 1937—1938, цз. 4, с. 4а—46; цз. 8, с. 166—17а; цз. 16, с. 166; цз. 28, с. 46—5а, 166, 416; цз. 29, с. 36; цз. 37, с. 16—2а; цз. 39, с. 296—30а.

¹¹ Цин Тай-цзу маньчжоу шилу, цз. 3, с. 746—76а.

¹² Цин Тай-цзун шилу, цз. 18, с. 28а—286.

¹³ Там же, цз. 51, с. 8а—106; цз. 53, с. 206—21а.

¹⁴ Там же, цз. 62, с. 226; цз. 64, с. 5а.

¹⁵ Цин Тай-цзу маньчжоу шилу, цз. 5, с. 7а—76, 96—10а.

¹⁶ Цин Тай-цзун шилу, цз. 21, с. 146—156.

¹⁷ Там же, цз. 29, с. 2а.

¹⁸ Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-Востоке, с. 74—75.

¹⁹ Там же, с. 54—58.

²⁰ Агуй. Кай го фан люе, цз. 28, с. 46.

²¹ Там же, с. 46—76, 8а—86, 9а.

²² Там же, цз. 29, с. 2а—26.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

¹ Агуй. Кай го фан люе (Замыслы и способы создания государства).— Пекин, 1786, цз. 31, с. 66—86, 25а.

² Там же, с. 226—236.

³ Дунхуа лу (Хроника из павильона Дунхуа).— [Б. м.], 1884, цз. 3, с. 56.

⁴ Тай-цзун хуанди по Мин ши юй Суншань чжи чжань шу ши вань (Десять вопросов, связанных с Суншаньским сражением и разгромом императором Тай-цзуном Мин).— [Б. м.], 1806, с. 2а.

⁵ Агуй. Кай го фан люе, цз. 32, с. 1а—16.

⁶ Ван Сычжи. Доркунь линчи (Критические суждения о Дор-гоне).— Шухуэй кэсюэ чжаньсянь, 1982, № 4, с. 125.

⁷ Li Teh-ch'i. Origin and Evolution of the Manchu language.— Bulletin of the National library of Peiping, 1931, vol. V, N 6, p. 17.

⁸ Волкова М. П. Политика Абахая и первые опыты по созданию маньчжурской литературы.— В кн.: Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае», вып. 1. М., 1976, с. 198, 201.

⁹ Волкова М. П. К характеристике цинских официальных трудов по истории маньчжурского государства в первой половине XVII в.— В кн.: Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае», вып. 1. М., 1977, с. 209—210.

¹⁰ Агуй. Кай го фан люе, цз. 9, с. 66.

¹¹ Там же, цз. 5, с. 7а—7б.

¹² Чэнь Вэньши *. Цин Тай-цзун шидай ды чжуняо чжэпчжи цоши (Основные политико-административные нововведения в годы правления цинского Тай-цзуна), с. 336.

¹³ Там же, с. 331.

¹⁴ Агуй. Кай го фан люе, цз. 9, с. 8а—9а.

¹⁵ Чэнь Вэньши *. Цин Тай-цзун шидай ды чжуняо чжэпчжи цоши, с. 320.

¹⁶ Волкова М. П. К характеристике цинских официальных трудов..., с. 204, 205.

¹⁷ Агуй. Кай го фан люе, цз. 14, с. 18а—19б.

¹⁸ Чэнь Вэньши *. Цин Тай-цзун шидай ды чжуняо чжэпчжи цоши, с. 316.

¹⁹ Там же, с. 319.

²⁰ Волкова М. П. Политика Абахая и первые опыты..., с. 203.

²¹ Там же, с. 204.

²² Агуй. Кай го фан люе, цз. 15, с. 25а—26а.

²³ Гребенчиков А. В. Маньчжуры, их язык и письменность.— Известия Восточного института, Владивосток, 1912, т. 14, вып. 1, с. 36—38.

²⁴ Цзинь Цидзун. Маньцзу-ды лишн юй шэнхо. Саньцзяцзун-тунь дяоча баогао, Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ (Жизнь и история маньчжуров. Доклад об обследовании деревни Саньцзяцзун-тунь).— Харбин, 1981, с. 48—52.

²⁵ Чжунго и не (О Китае), 1983, № 21, июль.

СЛОВАРЬ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ТЕРМИНОВ

Аймак (монг.) — владение

Амбань (маньчжур.) — пачальник, вельможа, правитель, наместник

Аньвэхэ (маньчжур.) — точно

Ание (маньчжур.) — обращение к небу при жертвоприношении

Аньда (монг.) — здесь: дядька, прислужник

Аохань — монгольское племя и аймак.

Арха — молочная водка

Архатугушэн — почетный титул у маньчжуров

Асут — племя и владение восточных монголов

Асхан — монгольское племя

Ба (кит.) — шаг, мера длины

Баарин — племя и владение восточных монголов

Бакии (монг.) — учитель, наставник

Баодин — город в провинции Хэбэй (КНР)

Батур — монгольский титул, богатырь

Баян-чжуркэ — местность во владениях чахаров

Баяра (маньчжур.) — гвардия, личные охранные войска хана и бэйлэ

Бинбу шаншу (кит.) — начальник Военной палаты, управления войсками

Битеши (маньчжур.) — секретарь, писарь

Богдахан — великий император, хап

Бодхисатва — в северном буддизме махаяны существо, достигшее совершенного знания, которое выступает прежде всего как наставник, ведущий людей по пути нравственного совершенства

Бэйлэ (маньчжур.) — князь, князя третьей степени, сыновья хана

Бэйцзы (маньчжур.) — князь, князя четвертой степени

Ван (кит.) — князь

Вайлан — составная часть имени Никан вайлана — «китайского вайлана», китайское наименование должности

Варка — тунгусо-маньчжурское племя (предки орочей?)

Ваньянь Лян (Хайлин ван) — император чжурчжэньской династии Цзинь с 1149 по 1161 г.

Вэчэку — ритуальный шест

Вэчэмби — жертвоприношение духам у маньчжуров

Гаоцяо — город в провинции Ляонин (КНР)

Годы Ваньли — период царствования под девизом Ваньли

Гуаннин — город, находился на территории современного уезда Бафужэньсянь, провинция Ляонин

Гуйхуачэн — монгольское название Хух-Хото, город в автономном районе Внутренняя Монголия (КНР)

Гун (кит.) — князь второй степени

Гусань-эчжэн — командир знамени в восьмизнаменном войске

Далиньхэ — город, современный Цзиньсянь, в провинции Ляонин (КНР)

Датун — город в провинции Шаньси (КНР)

Джарут — племя и владение у монголов

Джинонг — монгольский титул, цесаревич, князь-соправитель

Джулэргэ нахан (маньчжур.) — кан у южной стены дома, почетное место, предназначавшееся для гостей

Доу — мера объема = примерно 10,4 л

Дэ (кит.) — «благая сила», особая мистическая сила, которой обладает верховное божество, Небо, а также император как избраннык Неба

Ехэ — тунгусо-маньчжурское племя и владение, находилось в бассейне реки Тунхэ

Жи — мера площади = примерно 6 кит. му, или 40 соткам

Зайсан — монгольский титул жалованной знатности, дворянин, подвластный тайчжи

Ичжоу — город в провинции Ляонин (КНР)

Кадар — корейское уничижительное название маньчжуров, в широком значении кадар значило варвары

Калган (Чжанцзякоу) — город в провинции Хэбэй (КНР)

Калам — тростниковое перо

Кан — теплая лежанка на дымоходах, проложенных вдоль стены дома

Канга — шейная колодка из толстых досок, которая надевалась на преступников

Кванхвадо — остров в заливе Кангхоаман неподалеку от Сеула

Коуту — церемониальный поклон перед маньчжурским ханом, императором Цин: кланяющийся должен был трижды стать на колени и всякий раз, встав на колени, трижды поклониться до земли.

Куку-нор (Цинхай) — озеро в провинции Цинхай (КНР)

Лама — вероучитель у тибетцев и последователей тибетского буддизма

Лан — мера веса = 31,2 г

Ли — мера длины = приблизительно 600 м

Линдань — китайская транскрипция имени чахарского хана Лиг-дава

- Лун Гуда** — корейское наименование Абахая в повести «Сказание о госпоже Пак»
- Лунмынь** — город, современный Лунмыньсо, в провинции Хэбэй (КНР)
- Ляо** — киданьская династия, правила Северным Китаем с 916 по 1125 год
- Ляодун** — при династии Мин южная часть современного Дунбэя
- Маньчжуши** — буддийское божество, один из бодхисатв
- Мин** — китайская династия, правила Китаем с 1368 по 1644 год
- Миюнь** — город в провинции Хэбэй (КНР)
- Мукунь (маньчжур.)** — род, племя, фамилия; наименование должности; один из трех правителей страны во времена Нурхацы
- Мукден** — город Шэньян, в провинции Ляонин (КНР)
- Мэйлэ-чжангин (Мэйрэни-чжангинь)** — помощник командира знамени, командир крыла или фланга в восьмизнаменном войске
- Мэлэ-эчжэн (мэйрени-эчжэнь)** — первоначальное наименование чина мэйрени-чжангинь
- Мэтэмби** — жертвоприношение Небу у маньчжуров
- Найман** — наименование монгольского племени
- Намхан** — крепость в Корее неподалеку от Сеула
- Нахан** — приспособление для обогрева домов в Маньчжурии, род кана
- Нинюань** — город, современный Цзяньчэн, в провинции Ляонин (КНР)
- Ниру (нйору)** — «рота», основная военно-административная единица в маньчжурском государстве, из «рот» состояли знамена — корпуса армии маньчжуров и главные крупные военно-административные единицы государства
- Ноби (кор.)** — рабы
- Нойон (монг.)** — знатный человек, представитель родовой знати
- Пынхан** — крепость в Корее в XVII веке
- Онмун** — наименование корейского слогового письма
- Пажити** — пастбища
- Пандит (санскрит.)** — учитель, ученый человек
- Племена левого крыла** — племена Восточной Монголии
- Пхёнсан** — город в Корее в XVII веке
- Саньча** — местность в Маньчжурии, к юго-западу от Цзяньчжоу, современного города Кайюань, в провинции Ляонин (КНР)
- Сархунь** — местность восточнее города Фушунь, провинция Ляонин (КНР)
- Си-цаун (Хэла)** — император чжурчжэньской династии Цзинь, правил с 1136 по 1149 год
- Синцзин** — город, современный Синьбинь, в провинции Ляонин (КНР)
- Синшань** — город, современный Синчэн, в провинции Ляонин (КНР)
- Сомо (маньчжур.)** — столб, устанавливавшийся маньчжурами на площади или посредине двора, с прикрепленным ящиком, в который клали жертвенное мясо

Сун — китайская династия, правила Китаем с 960 по 1279 год
Суншань — крепость, находящаяся в 80 ли (примерно 40 км) к юго-западу от города Цзиньчжоу, в провинции Ляонин (КНР)
Сюаньфу — город, современный Сюаньхуа, в провинции Хэбэй (КНР)

Сяолинхэ — город и местность по реке Сяолинхэ в провинции Ляонин (КНР)

Табунанг — титул монгольского князя, взявшего в жены принцессу из маньчжурского правящего дома

Тай-цзу (Агуда) — основоположник чжурчжэньской династии Цзинь, правил с 1115 по 1123 год

Тай-цзун — император чжурчжэньской династии Цзинь, правил с 1123 по 1136 год

Тайши (тайчжи, тайцзи) — наследственный титул монгольской знати

Тангуты — здесь: монгольское наименование тибетцев из северо-восточных районов Тибета

Татань — название должности, начальник области (дороги) во времена Нурхацы

Ташань — город в провинции Ляонин (КНР)

Телин (Тэлинчэн) — город в провинции Ляонин (КНР)

Тэгун (кор.) — младший сын вана, короля Кореи

Тумэт-хори (тумэт) — название одного из монгольских племен

Түшэту-хан (монг.) — верховный хан, титул монгольских ханов, управляющих центральной частью Халхи

Ула — племя в Маньчжурии, проживало в верховьях реки Сунгари; трава, для утепления обуви

Фалу (маньчжур.) — рыба

Хада — племя в Маньчжурии, расселялось между реками Суйхахэ и Соудэнхэ

Халхасцы — монголы Халхи

Харацинь (хорчин) — племя и владение восточных монголов.

Хойфу — племя в Маньчжурии, проживало южнее современного города Гирин, в провинции Цилинь (Гирин) (КНР)

Ху (кит.) — варвары

Ху — мера объема = 50 л

Хувэси — нож для еды, который носили у пояса

Хулунь — объединение племен Маньчжурии, в которое входили хада, хойфа, ула и ехэ

Хулуньхада — племя хада из объединения Хулунь

Хунбатур — титул знатности

Хэтуала — современный город Лаочэнь, в провинции Ляонин (КНР)

Хэшан (кит.) — буддийский монах

Цаньчжэн — делопроизводитель

Цзинань — город в провинции Шаньдун (КНР)

Цзинь — мера веса = примерно 500 г

Цзинь — наименование государства чжурчженей (1115—1234)

Цзиньчжоу — город в провинции Ляонин (КНР)

Цзяньчжоу — город, современный город Кайюань, в провинции Ляонин (КНР)

Цин — маньчжурская династия, правила Китаем с 1644 по 1911 год

Цинань — город в провинции Шаньдун (КНР)

Цинхэ — река в провинции Ляонин (КНР)

Цунь — мера длины = примерно 3 см

Чабха (маньчжур.) — палочки для еды

Чайха — селение племени Хада у реки Чайхэ, севернее города Теллинь, в провинции Ляонин (КНР)

Чахары — монгольское племя

Чжан — мера длины = примерно 3 м

Чжангинь — чин маньчжурской администрации, помощник, заместитель, караульный пограничный начальник

Чжуань — квадратное письмо, особый способ написания китайских иероглифов на печатях

Чэчжэн (кит.) — заместитель главы Бу

Шаньхайгуань — город в провинции Хэбэй (КНР)

Шара-Мурэн (монг.) — название реки Ляохэ

Шара-уйгуры — желтые, или эдзингольские, уйгуры, жили по реке Эдзин-Гол, в провинции Ганьсу (КНР)

Шахэбао — мянская крепость, находилась между городами Шаньхайгуань и Ташань, в провинции Ляонин (КНР)

Шунь — мифический китайский правитель древности

Ши-цзун — император чжурчженской династии Цзинь, правил с 1161 по 1190 год

Шушу (маньчжур.) — свинья, приносимая в жертву

Ыйбён — отряды корейских партизан, боровшихся с маньчжурами во время маньчжурского вторжения в Корею в 1627 и 1637 годах

Ыйчжу — город в Северной Корее в XVII веке

Эфу — титул монгольских князей, жепатых на принцессах из маньчжурского правящего рода

Юань — монгольская династия, правила в Китае с 1271 по 1368
год

Юнсебу — монгольское племя

Яньчжоу — город в провинции Шаньдун (КНР)

Яо — мифический китайский правитель древности

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	8
Глава первая. Айсинь Гиоро — Золотой род	7
Глава вторая. Я признаю свою вину	27
Глава третья. Печать Чингисхана	53
Глава четвертая. Семь обид	72
Глава пятая. Абахай-император	92
Глава шестая. Суншаньская битва	100
Глава седьмая. Солоны Бомбогора не хотят становиться «новыми маньчжурами»	111
Глава восьмая. Маньчжуры у стен Пекина	119
Примечания	136
Словарь имен, географических названий и терминов	143

Евгений Иванович Кычанов

АБАХАЙ

Утверждено к печати редколлегией научно-популярных изданий СО АН СССР

Редактор издательства *Н. М. Анджиевская*
Художник *С. М. Кудрявцев*
Технический редактор *Л. П. Минеева*
Корректоры *Г. И. Шведкина, Н. Н. Крохотина*

ИБ № 23849

Сдано в набор 31.10.84. Подписано к печати 17.05.85.
МН-04246. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3.
Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ.
л. 7,9. Усл. кр.-отт. 8,2. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 40 000
(1-й завод 1—22 000) экз, Заказ № 460, Цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099,
Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Ново-
сибирск, 77, Станиславского, 25,